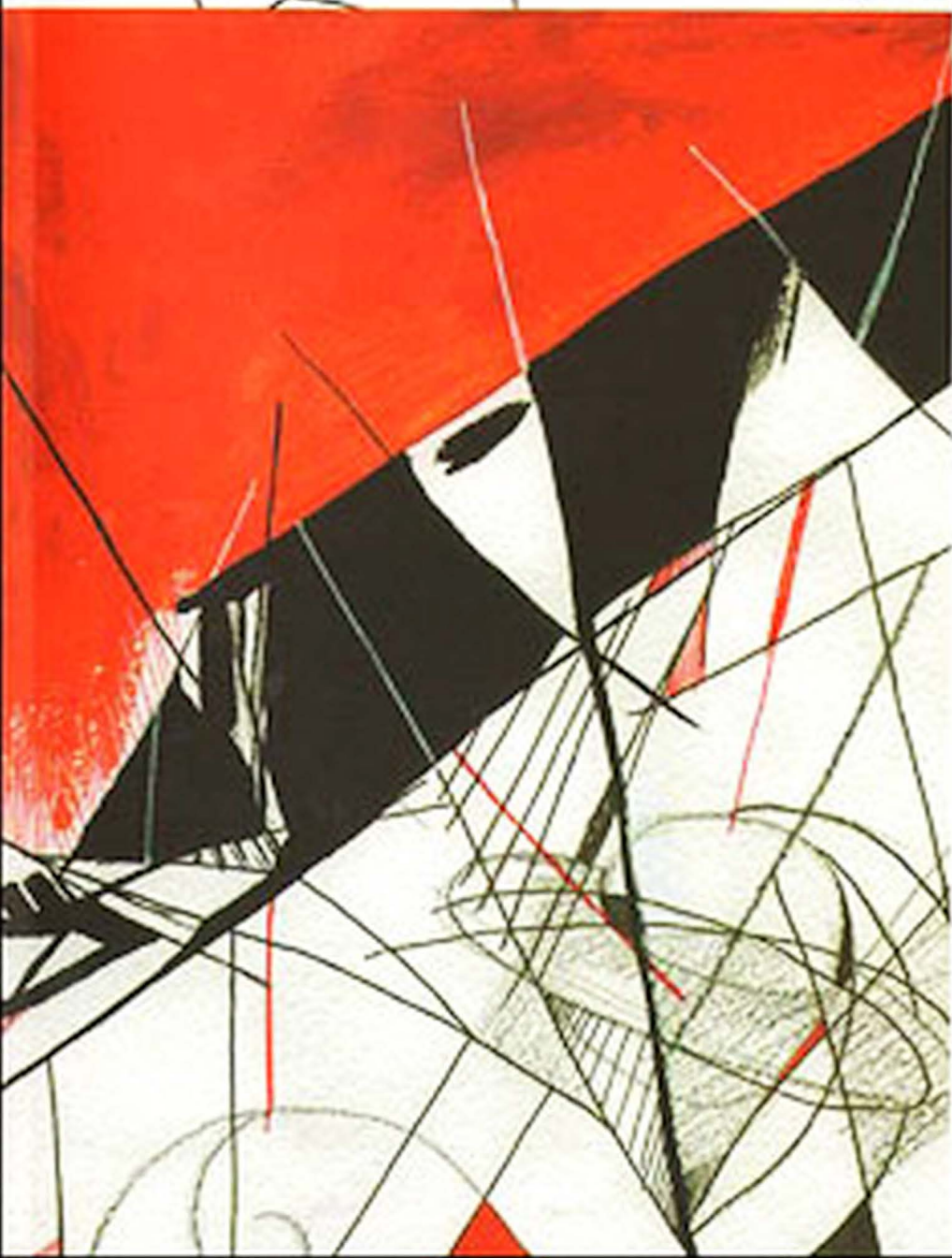

ЗНАНИЕ-СИЛА

Фантастика

№ 1 / 2010

Май-Август

ЗНАНИЕ-СИЛА

Фантастика

*Литературное приложение
к ежемесячному
научно-популярному
и научно-художественному
журналу «ЗНАНИЕ-СИЛА»*

№ 1/2010

№1(10)
Издается с 2006 года

Зарегистрировано 03. 08. 2006 года
Регистрационный номер
ПИ № ФС 77-25240

Учредители

П. Н. Ртищев
АНО «Редакция журнала
«Знание-сила»

**Генеральный директор
АНО «Редакция журнала
«Знание-сила»**
И. Харичев

Редакция

И. Харичев (шефредактор)
Е. Степанов (заместитель шефредактора)
Д. Байкалов
Е. Харитонов

Макет

Т. Иваншина
А. Глазов

Обложка

А. Горелова

Компьютерная верстка
М. Кива

Коммерческая служба
И. Вирко

Подписано к печати 30.04 2010
Формат 60х90/16.
Офсетная печать
Печ. л. 8,25. Усл. печ. л. 10,4.
Уч.-изд. л. 11,9. Усл. кр.-отт.
31.95.
Тираж 1000 экз.

Адрес редакции:
115114, г. Москва,
ул. Кожевническая, д. 19,
строение 6

Телефон: (495)235-89-35
Факс: (495)235-02-52
E-mail: zn-sila@ropnet.ru

**Рукописи не рецензируются
и не возвращаются**

Цена свободная

Отпечатано в ООО «ВестКонсалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бул.,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Сайт: www.westiconsulting.com.ru
E-mail: stepanovev@mail.ru
Тел.: (495)978-62-75
Заказ № 15

СОДЕРЖАНИЕ

АЛЬТЕРНАТИВА

- 3**   *Ю. Горбачев*
Свидетель собака мейл ру. Повесть

КОСМОС

- 28**   *Г. Разумов*
Старое фото

ПОСЛЕЗАВТРА

- 38**   *В. Ксионжек*
Игры детей младшего школьного возраста
- 43**   *Т. Бонч-Брусиловская*
По повестке

ТАЙНЫ МИРОЗДАНИЯ

- 53**   *А. Маслов*
Будни Б.

ДРУГИЕ ИЗМЕРЕНИЯ

- 57**   *В. Настрадаинова*
Мадемуазель Ведьма
- 72**   *В. Семенякин*
Последнее желание

ЭКСПЕРИМЕНТ

- 80**   *Т. Бирюкова*
Женщина

НЕНАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

- 85**   *А. Киселёв*
Грехи отцов
- 91**   *С. Красносельский*
Предварительный некролог

ЮМОРКОН

- 104**   *В. Цуркан*
Дачная панама
- 110**   *А. Шатров*
Путешествуйте по созвездиям
- 114**   *А. Абалихин*
Экспедиция

Юрий Горбачев

Свидетель собака мэйл ру

Повесть

I

Написать книгу о Генералиссимусе мне предложил Саша Купцов (в просторечии — Шурик) — старый приятель, в прошлом редактор двух из трех моих книг, а ныне глава успешной издательской фирмы, и, надо признаться, привел меня этим предложением в замешательство.

Моя литературная биография не блистала успехами: к сорока пяти годам я опубликовал два не толстых сборника рассказов и повесть «Арбатские купидоны», получившую относительную известность (в дальнейшем я планировал написать продолжение). Тиражи тоже оставляли желать лучшего: мои читатели не из тех, кто формирует книжный рынок. Жить на это было нельзя, так что хлеб насущный приходилось зарабатывать редакционной поденщиной.

Разумеется, то обстоятельство, что мое искусство не обрело — как бы это поточнее? — развитых публичных форм (оцениваемых нынче исключительно в денежном эквиваленте), не могло меня радовать. Спасала мысль, что мне еще предстоит сказать нечто чрезвычайно важное, только мною осознанное и прочувствованное (в конце концов, объем в искусстве не главное — все литературное наследие обериутов умещалось, как известно, в одном чемодане). И если с появлением в моей жизни Марии что-то изменилось, то только к лучшему: не я один верил теперь в свое призвание. Другое дело — финансовые проблемы. В прошлом они никогда меня особенно не тяготили: человек я в бытовом плане не требовательный, лишенный снобизма, так что автомобиль «Нексия» и стандартно обставленная «двушка» в Филях устраивали меня и тогда, когда безвкусная роскошь стала знаменем времени. Поначалу не тяготили они и Марию, причем даже тогда, когда в «двушке» появились Вася, а через год — Маша (вот только кабинет пришлось совместить с детской, в связи с чем он стал именоваться «деткаб»). Постепенно, однако, мысль о будущем, о том недалеком времени, когда наша розовощекая — и розовозадая — малышня приблизится к пубертатному возрасту, прочно засела сначала в Марииной, а потом и моей, начавшей лысеть, голове.

— Почему бы тебе ни написать что-нибудь... интересное? — спрашивает Мария с такой глубокой задумчивостью, что было ясно: получить ответ она рассчитывала разве что от самой себя.

Как же решил принять участие в этой творческой дискуссии:

— Интересное? Детектив?

— Почему обязательно детектив? Разве нет других жанров? К примеру, сейчас очень востребована эзотерика, мистика...

— Востребована — кем: бабушками на лавочке у подъезда?

— Ну, не скажи! Читатель вполне интеллигентный. У нас вся кафедра увлекается. Если сомневаешься, зайти в любой книжный магазин... посмотри в Интернете. Хочешь, заглянем вместе?

— Нет, спасибо. Это — не мое. Не могу писать о том, во что ни на йоту не верю.

— Жаль, — сказала она. — Но я тебя понимаю.

Это было утром, а вечером Шурик как раз и предложил мне написать книгу о Генералиссимусе. «Для поддержания штанов», — как он выразился с присущей ему лапидарностью.

Я едва не поперхнулся — мы пили коньяк в его тесноватом, обставленном безликой офисной мебелью кабинете:

— Ничего себе! Ты это всерьез?

— Вполне. Только не надо, старичок, о твоих принципах — литературных... и прочих. Я ведь не предлагаю писать панегирик — правду, как она видится с позиций сегодняшнего дня... Правду, и только правду!

— Но ведь уже черт знает сколько написано... Десятки публикаций.

— Скажешь — десятки! — Шурик всплеснул пухлыми ручками. — Сотни! Горы! А спрос, представь, не падает — растет. Во-первых, тема безгранична, а во-вторых, необычайно актуальна: на фоне развала Союза, горячих точек... ну и, конечно же, нынешних президентских страстей! А актуальность, старичок, — это спрос. Поверь моему чутью: это хороший спрос и хорошие деньги, — он сложил щепоткой свои короткие пальцы и помусолил ими, как бы пересчитывая купюры. — У тебя получится, не сомневаюсь.

— Ну, что ж, — сказал я, вставая. — Спасибо за коньяк и, как говорится, за доверие. Приятно было познакомиться.

— Ах, как. Спасибо за коньяк... Приятно было... — передразнил он меня. — Сколько внешнего достоинства и внутренней принципиальности... Но подождите, сэр, присядьте. Пекусь ведь не о себе. Поступитесь хоть раз принципами, попробуйте. Ничем не рискуете: бросить можно в любой момент.

И поскольку я угрюмо молчал, он привел в действие артиллерию главного калибра:

— У тебя, старичок, просто нет выбора... если думать не о себе, а о Марии и детях.

Всю следующую неделю я думал только о них, и к воскресному вечеру решение принять предложение Шурика окончательно созрело в моей голове.

Книга, под названием «Темноликий вождь», заимствованным, разуме-

ется, у Солженицына, вышла следующей весной и с самого начала имела успех: первые пять тысяч экземпляров были раскуплены за два месяца; на промоушен следующих десяти тысяч Шурик выделил кругленькую сумму, и они тоже разошлись без проблем. В промежутке между первым и вторым заводом текст появился в Сети, потом Шурик организовал телевизионную программу (в течение месяца каждый четверг я, этакий высоколобый молоджавый блондин в специально к этому событию приобретенных Марией очках от Версачи, появлялся на экране с бордовым томиком в руках) и тут игра активизировалась: издательство запланировало третий — теперь уже пятидесятитысячный — тираж; поступили предложения о переводе из Тбилиси и Берлина, но, главное, Шурик, уговорил некоего кинобизнесмена Алекса заказать мне сценарий многосерийного фильма. Вот это, последнее, обстоятельство, собственно, и перевело наши надежды на решение жилищной проблемы в реальную плоскость.

Ко мне пришла скромная популярность. Раньше в упор не замечавшие меня соседи оказались вдруг людьми улыбчивыми и предупредительными; бывало, меня узнавали на улице, просили автографы; в поведении друзей появилась уклончивая сдержанность — типичная реакция на чужой успех. Меня же обуревали противоречивые чувства. Кто из нашего брата не мечтает о популярности? Втайне ото всех, в первую очередь, от самого себя, мечтал о ней и я. И вот она пришла! Но совсем не с той стороны, с которой мне хотелось бы.

Начиная работу, я не собирался вкладываться в нее целиком, но постепенно ситуация изменилась, можно сказать, вышла из-под контроля, и в какой-то момент я вдруг осознал, что воспринимаю работу над «Темноликим вождем» едва ли не как важнейшее дело моей литературной жизни. Нечто подобное случалось со мной, человеком впечатлительным, увлекающимся, склонным к навязчивым идеям и в прошлом, но отнюдь не в такой степени: масштаб описываемых событий был на этот раз ни с чем несопоставим. Ни с чем несопоставим оказался, однако, и масштаб трудностей. Дело в том, что по мере работы концепция книги менялась. То, что вариант чисто художественного произведения — исторического романа, например, — не проходит, я понял быстро, ибо с одной стороны нового фактического материала для этого было недостаточно, а с другой — описываемые события и их действующие лица не настолько глубоко канули в лету, чтобы компенсировать недостаток фактов продуктами собственной фантазии. О книге научного характера речи тоже идти не могло: на нее у меня просто не хватило бы пороку. Оставалась промежуточная форма — художественно-публицистическая, позволяющая сделать нечто достаточно глубокое и одновременно занимательное, базирующееся на достоверных фактах и объясняющее на их основе зловеще непредсказуемые деяния моего героя. В идеале должно было получиться нечто такое, что можно было бы разместить на книжной полке... ну, не то, чтобы вместе с «произведениями искусства», но, по крайней мере, по соседству с ними. Однако и в таком, усеченном, варианте задача оказалась неразрешимой: мне удалось создать настолько изящную форму, насколько позволяла брутальность темы, и наполнить ее настолько захватывающим содержанием, насколько позволя-

ло следование фактам; и, тем не менее, успех книги — я это прекрасно понимал — был обусловлен, главным образом, неослабевающим и, как верно заметил Шурик, возросшим интересом к личности Вождя народов.

В глубине души я воспринимал такой расклад как поражение, маялся, надеялся найти новые факты, ждал озарений... и не мог заставить себя двигаться дальше: только делал вид, что работаю над сценарием, до последнего затягивал подписание контракта с кинобизнесменом Алексом.

II

В тот день, когда я собрался, наконец, к нему поехать, с утра моросило. Я подвез Марию до университета и немного постоял против Главного входа, глядя, как она поднимается по ступеням в своем темно-Жане, туго подпоясанном плаще — плащ ей, кстати, очень шел. Рулить на студию было, однако, рано, час — полтора можно было посвятить почте, и я вернулся домой.

Писем в электронном почтовом ящике оказалось пять: от Алекса, из издательства, от переводчиков, — берлинского и тбилисского — и одно из неизвестного адреса. Это, последнее, было, скорее всего, спамом, но в графе subject стояла моя фамилия и, поколебавшись, я открыл и его.

Начиналось оно довольно необычно:

Сударь!

Простите и не удивляйтесь такой форме обращения. Мне было бы ближе слово «Товарищ!», но сегодня оно может показаться Вам неприемлемым. Поэтому не взыщите: я еще застал время, когда обращение «Сударь» не было такой уж редкостью.

Я сдержанно усмехнулся: «Я еще застал время, когда обращение «Сударь» не было такой уж редкостью...» Сколько же лет автору письма? «Сударь», — повторил я и посмотрел на себя в зеркало: что-то это такое — старорежимное — во мне, действительно, угадывалось: приват-Жоцент... присяжный поверенный... или, может быть, типичный меньшевик — политический противник моего литературного героя. Для полноты образа следовало бы сменить очки стиля Хай-Жэк на пенсне и отпустить бородку. Но, так или иначе, зачин был занимательный, и я продолжил чтение:

Несколько дней назад, я прочел в Сети Вашу книгу, и, после долгих сомнений, решил Вам написать. Моя судьба сложилась таким образом, что я мог наблюдать героя Вашей книги в жизни...

Наблюдать героя моей книги в жизни? Ничего себе! Я поудобней уселся в своем туго вращающемся кресле...

...судьба сложилась таким образом, что я мог наблюдать героя Вашей книги в жизни, знал многих из тех, кто составлял его профессиональное и семейное окружение, имею отчасти такую возможность и теперь, и поэтому с повышенным интересом воспринимаю все, имеющее к нему отношение...

Фразу «имею отчасти такую возможность и теперь» я перечитал трижды. Что автор хотел ей сказать: кто-то из тех, кто составлял «профессиональное и семейное окружение» героя моей книги, еще жив... или он может до сих пор наблюдать самого героя, почившего полвека назад? А впрочем, чему было удивляться? Спам есть спам, избавляться от него следует, не читая, я не сделал этого и теперь имел дело либо с выжившим из ума стариком — пенсионером (об этом говорил витиевато-старомодный стиль письма), либо со злым розыгрышем со стороны кого-то из собратьев по перу (теперь это, кажется, называется «стеб»). Вариант стеба представлялся более вероятным: мои коллеги тяжело переживают чужой успех. Но, так или иначе, с этим делом надо было завязывать: отправить спам в корзину, выключить компьютер, позвонить на киностудию... Короче, заняться делом.

Телефонный звонок помешал мне выполнить это решение, и я часто теперь пытаюсь вообразить, как развивалась бы события, если бы Шурик — а это был он — не позвонил мне в то дождливое утро.

— Я видел Алекса, — сообщил Шурик бесстрастным тоном. — Он все спокойно.

— Сегодня к нему еду.

— Он подозревает, что ты связался с кем-то из его конкурентов.

— Чушь.

— Надеюсь. Ты ведь не хочешь меня подвести?

— Через час буду на студии.

— Потом заезжай, — сухо выговорил Шурик и повесил трубку.

Я вернулся в деткаб. Злополучное письмо все еще висело на экране, и я машинально продолжил чтение:

Моя судьба сложилась таким образом, что я мог наблюдать героя Вашей книги в жизни, знал многих из тех, кто составлял его профессиональное и семейное окружение, имею отчасти такую возможность и теперь, и поэтому с повышенным интересом воспринимаю все, имеющее к нему отношение. Тем не менее публикации на эту тему читаю редко в силу их примитивности, односторонности и по большей части предвзятости. При иных условиях не стал бы читать и Вашу книгу, но она по странному (возможно, фатальному) стечению обстоятельств появилась в Сети именно тогда, когда я решил, наконец, узнать, что же собой представляет эта Ваша Всемирная Паутина. За чтение принялся не без предубеждения и, должен признаться, был, по крайней мере отчасти, разочарован. Вы, правда, не славите «генералиссимуса», как это делает один из его нынешних именитых литературных апологетов, и не изображаете его тщеславным ничтожеством, от чего не удержался даже глубоко чтимый мною Александр Исаевич. Пишите Вы интеллигентно (для меня это чрезвычайно важно), захватывая (начав читать, бросить трудно) и не уподобляясь многочисленным фантазерам (своего рода некрофилам, сладострастно копающимся в жизни тех, кто уже не может этому помешать). Я собирался поначалу ограничиться несколькими страницами, а прочел, почти не отвлекаясь, все, включая семьдесят с лишним отзывов (комментариев) в конце. Но в остальном Вы не исключение. Деяния героя для Вас лишь отражение

глубинных процессов борьбы за власть и таких его качеств, как фанатизм в следовании Доктрине и болезненная амбициозность. Но о ком из его противников (да и сторонников) нельзя сказать того же? Жестокость Хозяина (так звали товарища Сталина в нашем кругу) представляется чудовищной именно потому, что часто необъяснима. К чему был этот необузданный, ничем неоправданный размах репрессий? Зачем было безжалостно уничтожать во второй половине тридцатых к тому времени безопасных, раскаявшихся, деморализованных, готовых славить великого вождя бывших «соратников» (Николай Иванович — Бухарин — так даже и поэму написал о товарище Сталине!)? Да что соратников — друзей юности, ближайших родственников! Или, вот еще: какой высшей целесообразностью может быть, не скажу — оправдан, но хотя бы объяснен, указ об уголовном преследовании (вплоть до расстрела) детей начиная с двенадцатилетнего возраста? Читали ли Вы замечательную книгу Даниила Андреева «Роза мира» (кстати, один из семидесяти комментариев к Вашей книге касается именно ее), согласно которой Сталин — очередная инкарнация кандидата в Антихристы, уже воплощавшегося ранее в древних злодеях, не исключено — и в Ироде Великом, повелевшем убить младенцев? Любопытная версия, не правда ли? Было бы интересно обсудить ее с Вами. Буду с нетерпением ждать Вашего ответа и, если заинтересуетесь, напишу подробнее.

Искренне Ваш,

Беспристрастный Свидетель.

PS: Фамилию и имя не указываю, они ничего Вам не скажут.

Зазвонил телефон, но на этот раз я не снял трубку, продолжал сидеть, уставившись в экран. Вариант выжившего из ума старика Жпенсионера в качестве спамера, безусловно, отпадал: письмо было написано профессионально. Однако и стеб казался теперь мало вероятным: мои коллеги вряд ли станут писать столько слов кряду, не рассчитывая на гонорар или реализацию своих литературных амбиций. Но почему бы ни воспринять дело всерьез, не предположить, что автор — сын кого-то из окружения «Хозяина», оставшийся в живых и сохранивший не только воспоминания, но — чем черт не шутит! — и какие-то документы? Ему должно быть, в этом случае, лет так... восемьдесят — восемьдесят пять... Возраст вполне жизненный. И вот, прочтя мою книгу, он захотел поделиться воспоминаниями — а может быть и документами! — со мной. А почему бы и нет? Но, если так, — я возбужденно потер руки, — если так... это же... потрясающе! Это и есть удача — та, которую я столько лет ждал с надеждой и сомнениями!

Какое-то время я сидел, задумчиво глядя в окно, прижав сплетенные в тугой узел пальцы рук к груди. Потом, словно очнувшись, скопировал электронный адрес моего нового знакомого, занес его в Адресную книгу и принялся писать:

Сударь!

Извините, в свою очередь, за такое обращение, но иного варианта Вы мне не оставили. Спасибо за письмо. Познакомиться с Вашей версией феномена

Сталина мне, безусловно, интересно. Особенно, если она подтверждается документально. С нетерпением жду Вашего следующего письма.

С искренним уважением...

Поразмыслив, я допечатал: «Ваш Глеб». А как еще мне следовало себя именовать — не по имени же отчеству? В конце концов, я, должно быть, минимум вдвое моложе. Перечитав свой ответ и не найдя в нем ничего предосудительного, я отослал письмо.

Теперь можно было заняться другими делами, но я никак не решался выключить компьютер. Прокручивая в мозгу детали происшедшего, я все больше утверждался в мысли, что это не стеб и не чье-то болевое воображение. Дело выглядело вполне серьезно. Не исключено, что информация, которую собирался поведать мой Беспристрастный Свидетель, и есть то, чего мне так не хватало, что позволит по новому взглянуть на личность моего героя, начать работу на качественно новом уровне. Но хотя мыслил я в вероятностных терминах — «не исключено», «возможно» — в душе зрела уверенность, что так оно и будет. Я, было, снял трубку, чтобы позвонить и рассказать о неожиданном событии Марии, но передумал: «Зачем торопить события?.. Посмотрим, что покажет будущее». И словно в ответ на мои мысли на экране вспыхнул постинг: «Google верит в будущее!» Я ошеломленно почесал затылок. Разумеется, это была лишь случайностью, но знаковой, — знаковой случайностью, если угодно. Google верил в будущее! Я тоже в него верил; давно уже оно не рисовалось мне в таком радужном свете. Откинувшись на спинку кресла и прикрыв глаза, я стал думать о предстоящей работе. Какое это, однако, наслаждение: думать о предстоящей работе, когда будущее рисуется в радужном свете!

III

Часа через полтора я все-таки выбрался из дома, после нескольких необъяснимых, выполненных в глубокой задумчивости маневров припарковал свою «Нексию» против киностудии, имел беседу с поначалу раздраженно, а потом озадаченно посматривавшим на меня Алексом, и подписал контракт. Условия были не ахти, но, с учетом имеющейся у нас двухкомнатной квартиры, решение жилищной проблемы становилось вполне реальным. После студии заехал в издательство, снял несколько технических вопросов, а потом долго пил коньяк с Шуриком. Когда, наконец, вернулся домой, небо на Западе было еще пурпурно-красным, но в квартире уже наступили сумерки. Мария, как мы и договорились с утра, поехала навещать занемогшую подругу, и я, наскоро сжевав бутерброд и запив его холодным чаем, ринулся к компьютеру. Почему-то был уверен, что получу обещанное утром послание, и когда такового не оказалось, попросту расстраивался. Некоторое время я сидел в задумчивости, потом, решив, что чересчур тороплю события, уселся поудобнее, протер очки и, еще с минуту помедлив, открыл сайт, на котором была опубликована (или, как говорят профессионалы — выставлена) моя книга. В сущности, меня интересовала сейчас не сама книга, а комментарии к ней.

Первое время я исправно читал все комментарии. Единодушием они не отличались. Одни читатели обвиняли меня в том, что, признавая объективный характер трудностей, с которыми столкнулся мой герой, и утверждая, что в их преодолении он проявил незаурядные деловые способности и железную волю, я реабилитирую сталинщину. Другие, напротив, клеймили меня за злобную клевету на Вождя народов. Остроумцы первого толка интересовались, какую должность и в каком звании я раньше занимал в КГБ. Их антиподы спрашивали, сколько я получил за свою «клеветническую стряпню» от ЦРУ. Встречались, впрочем, серьезные, умные послания, на которые я считал своим долгом ответить. В дальнейшем, теряя иллюзии относительно подлинных достоинств книги, я перестал читать и комментарии к ней, и вот теперь подумал, что было бы интересно посмотреть нечитанные, в частности тот, где речь идет об Андреевской «Розе мира».

В студенческие годы я читал эту книгу — распечатанный на ротапринтере самиздатовский экземпляр, полученный, естественно, от Шурика. Было это более четверти века назад, в моем распоряжении оказались тогда два дня и две ночи, — вся компания стояла в очереди, — так что в памяти сохранились лишь смутные воспоминания о чем-то эстетически совершенном, хотя и прямо противоположном моему «историческоматериалистическому» мировоззрению. Принимаясь за «Темноликого вождя», я собирался перечитать «Розу...», но так и не собрался, и вот теперь на сайте появился связывающий ее с моей книгой комментарий.

Найти его оказалось несложно. Автор комментария, некто Михаил, писал:

Про Сталина написано очень много. Тем не менее, его личность до сих пор порождает много вопросов. На некоторые из них автор книги «Темноликий вождь» стремится ответить и делает это небезуспешно. Но главный вопрос — существовала ли сверхзадача, объясняющая сверхъестественную жестокость великого тирана, и в чем она заключалась? — он даже не затрагивает. Между тем, эта проблема подробно рассмотрена в замечательном произведении сына знаменитого писателя Леонида Андреева — Даниила «Роза Мира», написанном в лагере. Согласно Андрееву, на протяжении многих веков в недрах демонических миров последовательно, раз за разом, пытаются создать личность, которая сможет установить на Земле полную и всеобщую тиранию. В христианских источниках его называют «Антихристом». Тотальная тирания позволит Антихристу уничтожить у основной массы людей зачатки духовности и физически избавиться от несогласных, создав таким образом массированный сток отрицательной энергии, в которой так нуждаются демонические миры. Сталин, по Андрееву, был очередной, и пока последней, инкарнацией кандидата в Антихристы. Остальные кровавые диктаторы, даже Гитлер, по сравнению с ним — лишь жалкие эпигоны. Вот что пишет об этом сам Даниил Андреев: «Каждая из инкарнаций этого существа была как бы очередной репетицией. В предпоследний раз он явился на исторической арене в том самом облике, который с пророческой прозорливостью запечатлел Достоевский в своем «Великом инквизиторе». Это не был

Торквемада или кто-либо другой из крупнейших руководителей этого сатанинского опыта; но и к рядовым работникам инквизиции он не принадлежал... Затем в маленькой стране на границе Азии и Европы, в горной деревушке, в бедной верующей семье снова увидело солнечный свет это существо... Казалось, Провиденциальные силы еще раз приоткрыли ему двери спасения, предоставив возможность дальнейшего пути в лоне церкви в сане священника. Но какие перспективы могла бы сулить эта скромная дорога существованию, одержимому импульсом владычества над всем миром?... Объект многовековых попечений дьявола примкнул к революционному движению на Кавказе и основательно проштудировал Доктрину, отчетливо поняв, что не найти ему ни лучшей маски, ни лучшей программы... Хитрость, воля, тупость, бесчеловечность — ведь таких свойств недостаточно, чтобы оставить в истории такой след, какой оставил он. Должны быть налицо и дарования высшего порядка... беспрецедентные формы и масштабы тиранствования говорят о сверхчеловеческой жажде самозатверждения и столь же сверхчеловеческой жестокости...» Так вот, по Андрееву Сталин был кандидатом в Антихристы. Проведение помешало этому: Вождь умер как простой смертный. Его поражение — это поражение Великого Демона. Но Темные Силы не успокоились, они готовят нового кандидата. Кто им будет, покажет время. Несомненно, однако, что посланники Темных Сил — рядовые демоны (адские сущности в человеческом облике) уже действуют среди нас. Их задача, с одной стороны — найти и взлелеять нового кандидата, с другой — сокрыть подлинные качества, в особенности недостатки, предыдущего, дабы елико возможно затруднить борьбу с новым. Именно с этой точки зрения — с точки зрения подготовки к отражению очередной атаки Великого Демона — человеческое должно в деталях изучить феномен последнего кандидата в Антихристы — Иосифа Сталина. Подробнее о книге Даниила Андреева см. на сайте <http://rose/uraniumbooks.ru>.

Войти на сайт я, однако, не успел: Мария скользнула в полуоткрытую дверь деткаба и села на стул у окна, закинув ногу на ногу. Выглядела она очень стильно: голубые джинсы, красиво обтягивающий фигуру голубой свитер и бусы из необработанного янтаря... При иных обстоятельствах я бы наверняка испытал чувство мужского тщеславия, но сейчас мои мысли были заняты другим. Поразительно, но я даже не слышал, как она вошла в квартиру! Такого за мной раньше не водилось.

— Молодой человек, вы не сошли с ума? — спросила она, обиженно поджав губы.

— Извини, детка: очень важное письмо.

— И как ее зовут?

— О господи! — С тех пор, как популярность осенила меня своими крыльями, Мария стала ревнива. Сейчас это было особенно некстати.

— Через пятнадцать минут еда будет на столе, — сухо выговорила она. — Думаю, настоящий мужчина не может отказаться от хорошего ужина.

— От хорошего ужина как настоящий мужчина не откажусь, — подтвердил я. — Но все остальное, детка, уж извини, тебе сегодня не светит.

Эту ночь, как и две последующие, я не спал — читал «Розу мира», которую без труда скачал с указанного Михаилом сайта.

IV

Субботу и воскресенье мы провели на нашей скромной дачке, именующейся нами «Три сосны», — аллюзия, ясное дело, к пушкинским строкам — с удовольствием выполняя родительские — воспитание Васи и Маси, и с несколько меньшим удовольствием сыновни — предоставление однодневного выходного Бабусе — обязанности. Домой в воскресенье вернулись близко к полуночи, — пробка на дороге была нескончаема — и Мария сразу отправилась спать. Я же, словно только и ждал этого момента, торопливо включил компьютер. Грузился он, как мне показалось, необычно долго. Но вот на экране возник, наконец, рабочий стол, и я вошел в почту. На этот раз в почтовом ящике было только одно письмо, причем именно то, ожидание которого свербело в моем мозгу все эти дни. С минуту я сидел, не открывая его, глядя на надпись *Bespristrastnyi Svidetel* в графе «От кого», потом пошел на кухню и заварил кофе. В принципе, время было не кофейное, но я совершенно не хотел спать — руки слегка подрагивали от возбуждения, усталости словно не бывало. С чашкой в руках я вернулся в деткаб. Экран монитора светился в темноте необычно ярко. Еще несколько секунд помедливая, я открыл письмо. Оно было длиннее первого:

Сударь!

Извините, что заставил ждать: изложить все вразумительно оказалось сложнее, чем я предполагал. Не уверен, что в конечном счете мне это удалось.

История двадцатого века преподнесла Миру длинный ряд кровавых диктаторов. Сталин выделяется в их ряду не только калибром и грандиозным масштабом сотворенного зла — поражает невозможность осознать цель многих его деяний, объяснить смысл его inferнальной жестокости (я писал об этом в прошлом письме). Но так уж ли нет им объяснения?

Я бы начал разматывать клубок с фразы из хорошо известной Вам книги его дочери Светланы: «Смерть мамы...подорвала его веру в друзей и вообще людей». Вдумайтесь в ее смысл: можно ли уважать тех, веру в кого потерял, испытывать к ним сострадание, ценить их жизнь. Смерть Надежды Сергеевны была, стало быть, ключевым моментом. С тем, что необъяснимый характер жестокость Хозяина приобрела именно после нее, соглашаются многие серьезные исследователи. Но это — формально. Остается непонятным, почему, собственно, самоубийство жены может подорвать веру в «друзей и вообще людей?» Что за этим кроется? Тонкий психолог и большой знаток проблемы, Вы, конечно, догадались, к чему я клоню, и Вы правы: речь идет об известном, многократно упомянутом в прессе (желтой и не только), эпизоде, касающемся старшего сына Хозяина Якова и Надежды Сергеевны.

Сейчас вы, вероятно, сардонически усмехаетесь: Беспристрастный Свидетель оказался примитивным сплетником. Но не торопитесь с выводами. Для определенности, уточним детали. Согласно «сплетне», няня, неожиданно вернувшаяся с прогулки с детьми, обнаружила Надежду Сергеевну и Якова в положении, скажем так, не соответствующем статусу пасынка и мачехи.

Вы по этому поводу пишете: «Есть много рассказов о том, что чуть ли не роман у нее был с мальчиком... Это, конечно, чушь». Между тем, существуют свидетельства того, что это вовсе не чушь и рано или поздно Вы их, надеюсь, увидите (потерпите: не все так просто). Но даже если бы их не было, элементарный анализ известных фактов позволяет заключить, что слово «чушь» здесь вряд ли уместно.

Попробую вас в этом убедить. «Мальчику», как Вы его называете, было в тот момент за двадцать(!); он был лишь на шесть с небольшим лет моложе мачехи, которой тоже стукнуло всего Аю двадцать семь. Глава же семьи был на двадцать два года ее старше, здоровышко имел слабое, напряженнейшая борьба за власть и изматывающие государственные заботы отнимали последА нее. Об «эпизоде» (будем так называть это и дальше) он узнал в тот же вечер. Вскоре после этого сын попытался застрелиться; выздоровев, к отцу не верА нулся, уехал в Ленинград — цепь событий, мягко говоря, неординарных. Вы, как и большинство, считаете, что в их основе — отношение отца к намерению сына жениться: запретил, дескать, да к тому же насмеялся. Однако Яков женился еще в 1925 году — за два с лишним года до попытки самоубийства! Выходит, терпел, терпел, и вдруг прорвало? Кстати, второй раз он женился на женщине, уже бывшей до того четыре раза замужем, да еще и по фамилии Мельцер. Неужели трагический урок не пошел ему впрок? На самом деле приА чина в другом: мнение папеньки по таким вопросам, вообще, мало его волноваА ло, а слух о попытке самоубийства на почве семейных разногласий по поводу выбора невесты распускался, смею Вас заверить, органами: специально, чтобы скрыть подлинную причину трагедии.

Сор из избы выносить не стали. Демонстрируя семейное благополучие, Иосиф Виссарионович старался появляться с женой на людях. Но именно тогда переселился из супружеской спальни на кожаный диван в кабинете — факт, который могут подтвердить множество свидетелей, включая Вашего покорного слугу.

Произошло ли между пасынком и мачехой чтоАю серьезное — изменила ли Надежда Сергеевна мужу? Как посмотреть! Ибо, что есть супружеская измеА на? Иисус называл согрешившим уже того, кто, глядя на женщину, согрешил с ней в сердце своем. И ведь то Иисус, воплощение кротости и всепрощения. А что думал по этому поводу бывший семинарист, гордый кавказец, Великий вождь... маниакальный честолобец? И что думала об этом сама Надежда Сергеевна? Все считали ее женщиной высоких достоинств. Но только достойА ная женщина и могла мучиться совестью, страдать от сознания вины — явной или мнимой. И, ведь, вины по отношению к кому: взгляните на события глазаА ми тех лет! В ноябре 1932Аю она застрелилась. Две попытки самоубийства (одна, правда, неудачная) за сравнительно короткий срок! Не много ли для одной семьи, не возникает ли мысль, что эти два события связаны?

Историки склонны объяснять зигзаги в жизни общества исключительно причинами социальноАэкономического характера, в крайнем случае — перипеА тиями борьбы за власть, оставляя сексуальную сферу на откуп психоаналитиА кам. Стремление познать интимные подробности жизни великих мира сего считается у нас чемАю неприличным. Между тем, через них можно многое понять. «Эпизод» и был такой интимной подробностью. Ведь именно изАа

него Хозяин потерял «веру в друзей и вообще людей». А на самом деле: кто из людей достоин доверия, если предали два самых близких человека — жена и сын?

На сегодня, пожалуй, все — устал. В прошлом мог часами писать страницу за страницей, не оставляя шансов редакторам. Коллеги говорили, что у меня «легкое перо». Но возраст берет свое. Впереди — главное. Прежде, чем к нему перейти, надо собраться с мыслями, да и с силами. Вечерняя порция коньяку уже ждет меня.

Желаю успехов.

Ваш Беспристрастный Свидетель.

Часы показывали половину первого. На все письмо с остановками и повторами ушло минут пятнадцать, но мне показалось гораздо больше. Впечатление от прочитанного было неоднозначным. Мой виртуальный корреспондент — Беспристрастный Свидетель, если ему так угодно — не открыл Америки: ссылок на «эпизод», будто бы имевший место между пасынком и мачехой, в литературе предостаточно. Никто, однако, не уделяет ему особого внимания, даже отдаленно не связывает с «зигзагами в жизни общества». Что касается моей точки зрения, то я выразил ее уже упомянутой фразой «Это, конечно, чушь». И вот теперь «эпизоду» придавалось ключевое значение. Звучало логично, но строилось лишь на домыслах и предположениях. А я, еще не зная, о чем пойдет речь, ждал, что очередное послание Беспристрастного Свидетеля будут содержать новые, достоверные — в идеале, документально подтвержденные! — факты. И что в результате? Может быть, достоверные факты существуют лишь в болезненном воображении якобы беспристрастного якобы свидетеля? Хотя, кто знает? Ведь к главному он только еще намеревался перейти.

Решительно кликнув на «Ответить» я написал:

Сударь!

Внимательно прочел Ваше письмо. Выдвинутая Вами гипотеза интересна. Но пока — это именно гипотеза. Для того, чтобы превратить ее в «теорию», нужны достоверные факты. Читая Ваше первое письмо, я предположил, что такие факты в Вашем распоряжении имеются. Во втором письме я их, к сожалению, не нашел, и это меня несколько разочаровало. Остается надеяться, что в следующих посланиях они появятся.

И, самое главное: зачем нам эпистолярная форма общения? Что мешает встретиться и поговорить по душам? Я готов приехать в любое место, в любое удобное для Вас время. Почему бы ни выпить «вечернюю порцию коньяку» вместе? Как насчет ресторана «Пушкин»? Я приглашаю.

С нетерпением жду следующего письма.

С искренним уважением,

Ваш Глеб.

Отослав письмо, и немного подождав, словно рассчитывая на немедленЖ

ный ответ, я выключил компьютер и вышел в коридор. Сквозь неплотно прикрытую дверь спальни доносилось мирное посапывание Марии, сквозь неплотно прикрытую дверь кухни сочился голубоватый свет ночника. Не зажигая яркого света, я налил воды в чайник и уже собрался поставить его на огонь, но, поразмыслив, достал из шкафа бутылку итальянского бренди. «Почему бы и мне не ввести в привычку вечернюю порцию? — спросил я себя. — Для снятия напряжения... Должна же вся эта история оставить какой-то след в моей жизни».

V

Очередное, третье по счету, письмо Беспристрастного Свидетеля — интересно, как его подлинное имя и... фамилия? — появилось в электронном почтовом ящике следующим вечером:

Спасибо за оперативный ответ. Вы пишете, что мое предыдущее письмо Вас несколько разочаровало. Ваш ответ меня, признаться, тоже. Мне казалось, что для Вас, человека аналитического ума, интересны в первую очередь не достоверные, как Вы их называете, факты, а логические построения. Да и какой факт считать «достоверным»? Кто мог помешать человеку, переписавшему историю Урарту, Грузии, Армении... да что там, — Революции, Гражданской войны, Советского государства, самой партии (!) — фальсифицировать историю собственной семьи? Так что вернемся пока к логическим построениям, к анализу фактов общеизвестных, достоверных по самой своей сути.

На этом месте мне пришлось прерваться: компьютер мелодично извещал о приходе нового электронного послания. Время было не детское, и я подумал, что его автор обитает, видимо, в ином часовом поясе. Так оно и оказалось: берлинский коллега прислал перевод очередных глав «Темноликого вождя». Перевод был в присоединенном файле, но прежде чем его открыть, я, движимый смутным беспокойством, распечатал все три письма Беспристрастного Свидетеля, аккуратно уложил их в пластиковый файл и убрал в письменный стол. Дочитывать третье письмо пришлось уже после ужина.

Анализ фактов «общеизвестных, достоверных по самой своей сути» заключался в следующем:

Начиная с конца двадцатых, Хозяин методично уничтожал, и, в конечном счете, уничтожил, большинство высших партийных и государственных иерархов. Нетронутой оставалась лишь небольшая группа соратников, фактически — ближайших друзей. Так вот, буквально у каждого из ближайших были репрессированы ближайшие же родственники, в основном (у Молотова, Калинина, Поскребышева, Буденного) жены. Так бы, под гребенку, добрать спутниц жизни и у остальных, но очень уж неприлично бы выглядело, поэтому у остальных брали других членов семьи, тоже, разумеется, ближайших: родных братьев у Орджоникидзе и Кагановича, старшего сына у Хрущева, любимую сестру жены у Ворошилова... Теперь это объясняют стремлением создать атмосферу страха, еще больше напугать соратников. Но куда уж

больше? И так тряслись коленки. Гораздо вероятнее другое: будучи сам в семейной жизни несчастлив, Хозяин тяготился чужим семейным счастьем, испытывал безотчетное удовлетворение, видя несчастными в этом вопросе других, особенно — друзей (феномен хорошо известный в психиатрии). Тяжело переживал их сексуальную активность. А на самом деле, разве можно было простить ровеснику и тоже другу Бухарину, что в то время, когда призрак импотенции уже дышал ему — Великому вождю! — в затылок, тот женился на восемнадцатилетней? Простить никак было нельзя: тем и подписал себе Николай Иванович смертный приговор.

А ближайшая родня? Те, рядом с кем прошла вся жизнь! В чьих жилах текла та же кровь, что и в жилах его детей! С кем отмечал праздники, свои дни рождения, и знал, что всем им (всем без исключения!) ждать осталось не долго. Но почему? ЭтихАто за что? Так борются с врагами народа? Конечно, нет! Так уничтожают свидетелей. В разговоре со Светланой сам и подтвердил: «Они слишком много знали...». Это какие же такие государственные или партийные тайны знали его занимающие десятистепенные посты, или не занимающие вовсе никаких постов, родственники: шурины, свояченицы и свояАки? Свидетелями какого события (ценой в собственные жизни!) были? Могли быть — только внутрисемейного, интимного, тяжело ранящего мужское самолюбие Хозяина. «Эпизод» — единственное известное событие такого рода, выбрать не из чего.

Даром такое не проходит: обострились многочисленные хвори, в первую очеАредь, неврастения. В той или иной форме она не оставляла его никогда, но теперь перешла на новый уровень: параноидальная подозрительность, параноидальная жестокость, параноидальное стремление не оставить свидетелей (кстати, именАно тогда начал методично уничтожать лечивших его врачей), параноидальное старание придать своему образу внешнюю величавость (фотографируясь, старалАся стать на ступеньку выше других: намАто,— свидетелям — «изАзакулис» видно было; сам тщательно отбирал свои разрешенные к публикации изображения). В Кремле работал до поздней ночи, к утру уезжал в Кунцево, увлекая за собой блиАжайших соратников. Расходились за светом. «Ночной хищник, упырь, — пишете Вы. — Еще один способ заставить себя бояться». Все так думали. Кроме тех немногих, кто наблюдал изАзакулис — мы уяснили быстро: на самом деле, боялся сам: бессонницы, ночных кошмаров, боялся остаться наедине с собой в темноте; потому и работал ночами, потому и держал при себе своих сервильных сподвижниАков, пока не забрезжит утренний свет.

И последнее. Вы спрашиваете: «зачем нам эпистолярная форма общения?», предлагаете встретиться, приглашаете в ресторан. За это спасибо, мне было бы интересно посмотреть, что представляют собой нынче московские рестораАны. Но, к сожалению, встреча наша не возможна по причинам, так сказать, технического характера: я не Вергилий, да и Вы, уж извините, не Данте. Обещайте не искать встречи со мной: Вы ничего нее добьетесь, но поставите меня в наитруднейшее положение.

Обращение «Сударь» в начале письма на этот раз отсутствовало, как и с «С искренним уважением» — в конце. Однако поразила меня не эта фамильярность (как бы свидетельствующая о переходе наших отношений

в деловую фазу), и не сомнительная острота по поводу Вергилия и Данте (как бы намекающая, что письма приходят с того света), и не туманная ссылка на неких закулисных свидетелей (уж не адских ли сущностей в человеческом облики, незримо действующих среди нас), а та пронзительная ясность, которая неожиданно наступила в моих, еще недавно лишенных организующего начала взглядах на личность Вождя народов. Никогда раньше его образ не рисовался мне с такой объемной — натуралистической — четкостью. Казалось, я чувствую сладковатый запах его трубки; различаю темные следы оспы на лице; протянув руку, смогу коснуться рукава его буровато-зеленого френча. Но, что важнее, доступна моему внутреннему взору стала парадоксальная асимметрия его личности: грандиозно великой — в глазах других, и одинокой, жалкой, исполненной страхов — в собственных. Главный же страх был, что узнают об этой трагической асимметрии советские люди — боготворящие его мужчины и женщины; политические конкуренты; классовые враги; но — паче всего! — потомки.

Как, в сущности, странно, что простая и логичная версия Беспристрастного Свидетеля не пришла в голову мне самому! Да и никому вообще, насколько я знаю. А ведь стоило ее принять, и мешанина необъяснимых фактов мгновенно превращалась в стройную систему, в которой каждый факт находил свою нишу, мог быть объяснен и сам служил объяснением! Похоже, судьба делала мне щедрый подарок, причем, как нельзя вовремя, ибо именно киносценарий — произведение драматического жанра, — позволял с максимальной экспрессией передать накал страстей, скрытых под маской величавой сдержанности моего героя. Концепция киносценария все более отчетливо вырисовывалась в моем мозгу: нечто трагедийное, наподобие шекспировских хроник — стремительное, жесткое, насыщенное сценическими метафорами действие; милорды во френчах цвета хаки, миледи в кумачовых косынках; своеобразное проявление эдипова комплекса, в сочетании с комплексами Ирода и Герострата; адюльтер, убийства, предательства, замешанные на связующем растворе коммунистической ортодоксии. И, разумеется, никакой мистики, никаких Темных сил, адских сущностей и прочей изотерической чепухи не свойственной моему мировоззрению и противоречащей моему творческому методу!

Это было как внезапный глоток свежего воздуха, как ниспосланное свыше озарение... Это была удача! То, ради чего как раз и следовало, презрев прозрачные струи купели для купидонов, нырнуть в мутные воды нашей недавней истории!.. Я едва сдержался, чтобы не начать тут же стучать по клавишам — было, однако, далеко за полночь.

VI

Следующие несколько дней я провел за компьютером: дело строилось, наконец, с мертвой точки, киносценарий обрел признаки жизни. Вечерами Мария просила дать почитать написанное — я отказывался; она обижалась — я был непреклонен: писал, отправлял в корзину, писал вновь. Время от времени — фактически, не реже, чем раз в полчаса, — заглядывал в электронный почтовый ящик. Он жил своей собственной

жизнью: послания от переводчиков, редакторов, коллег... Письма Беспристрастного Свидетеля среди них не было. Между тем, мне поЖрежнему не давала покоя проблема достоверных — если угодно, документально подтвержденных, — фактов. Казалось бы, сама, построенЖная пока исключительно на основе логических рассуждений, версия Беспристрастного Свидетеля, должна была умерить мой к ним интерес. Получалось, однако, совсем наоборот: после первого письма дальнейшая работа представлялась тесно связанной с той фактической информацией, которую я надеялся получить. Во втором и третьем письмах мой корреЖспондент намекал, что такая информация у него есть, но передать ее сразу почемуЖо нельзя; надо почемуЖо потерпеть; не все, видите ли, так проЖсто... А в чем, собственно, сложность? Уж не в том ли, что есть силы, стремящиеся сохранить вуаль таинственности, окутывающую образ Вождя народов. Но что это за силы? Кто заинтересован в сокрытии правЖды о событиях более чем пятидесятилетней давности? В пятницу вечером, так и не дождавшись очередного послания, я отправил свое — внеочередЖное, — с просьбой ускорить решение этой мешающей мне работать, а, соотЖветственно, и жить, проблемы. Когда в воскресенье мы за полночь вернуЖлись из «Трех сосен», ответа на него все еще не было.

Не было его и в понедельник утром. Я терялся в догадках. Окажись на моем месте ктоЖибудь поделовитей, — Шурик, например, — он нашел бы способ вмешаться в ход событий, но мне такая активность никогда не была свойственна. Да и что я мог предпринять? Послать еще одно внеочередное письмо? Попытаться наладить прямые контакты? Но как? Я вошел в свою Адресную книгу. Против имени Беспристрастного Свидетеля значилось: `svidetel@mail.ru`. Фактически, из этого следовало лишь то, что он пользуется услугами бесплатного российского провайдера `mail.ru`. Находиться при этом можно в любой точке света (разумеется, этого, а не того!). Вероятно, зная электронный адрес, можно какимЖтообразом узнать почтовый, но я не имел понятия, как это сделать. Да и что, скажите на милость, дал бы мне почтовый адрес: возможность нагрянуть без предупреждения в гости с бутылкой коньяку? Чушь, конечно. Однако допустим. Но позволительно ли, вообще, искать человека, который убедительно просил этого не делать? Я перечел последние строки последнего письма: «Обещайте не искать встречи со мной: Вы ничего не добьетесь, но поставите меня в наитруднейЖшее положение». В наитруднейшее положение!.. Отказать в такой просьбе было нельзя — я отчетливо это сознавал, и с не меньшей отчетливостью чувствовал, что не отказать в ней — выше моих сил.

Сняв трубку, я набрал номер Шурика, и он — редкая удача! — не только оказался на месте, но и был доступен. После нескольких дежурных фраз я сказал:

— У меня к тебе вопрос как к профессионалу... Учитывая твои связи в спецслужбах...

— Что ты имеешь в виду? — холодно осведомился Шурик, и я сообразил, что допустил бестактность: за несколько лет до этого американское посольЖство отказало ему во въездной визе, и злые языки с тех пор утверждали, что в советские времена он был осведомителем КГБ.

— Ну, как же: эти твои авторы — детективщики. Один, кажется, бывший полковник...

— АЖаЖаго... — помягчел Шурик. — И на что тебе спецслужбы?

Я принялся путано объяснять: надо, дескать, узнать позарез нужный почтовый адрес по электронному.

— ГмЖм А электронный какой?

— Свидетель собака мэйл ру, — бодро отрапортовал я и отчетливо предЖ ставил себе язвительную усмешку, скривившую его пухлые губы.

— Свидетель? Звучит интригующе. Во что влип, старичок?

— Влип?.. Я похож на авантюриста?

— Нисколько, — хмыкнул Шурик. — Скорее, на лохаЖишеллигента. ЭтоЖтоменя и пугает. И чего он свидетель? К Темноликому вождю имеет отношение?

— Надеюсь, да.

— Тогда другое дело. Тогда это святое. Диктуй, старичок, по буквам. А, впрочем, не надо. Перебрось по почте. Узнаю — перезвоню.

И он повесил трубку, оставив меня в состоянии глубоких сомнений по поводу сути и уместности моих пока еще весьма расплывчатых планов.

Тем не менее, к тому моменту, — в половине восьмого вечера, — когда, он, наконец, сообщил адрес, план действий полностью созрел в моей голоЖ ве. Ломиться в незнакомую квартиру с бутылкой коньяку, не зная даже настоящего имени хозяина, было, конечно, глупо. Действовать, в этой связи, я решил по обстоятельствам. Главное, иметь при себе письмо и вруЖ чить его тому, кто откроет дверь. Если это окажется сам Беспристрастный Свидетель, попытаться найти с ним общий язык, — и тогда, возможно, сработает прихваченный с собой коньяк. Если откроет ктоЖтадругой, проЖ сто извиниться и передать письмо. И, наконец, в худшем случае, письмо можно опустить в почтовый ящик или подсунуть под дверь.

Мы обедали (точнее, ужинали), Мария рассказывала о последних кафеЖ дральных событиях, я вяло поддакивал и украдкой посматривал на часы.

— Да что с тобой, Глеб? — передернула она своими сильно подгоревшиЖ ми накануне плечами: служебный наряд — голубой свитер и джинсы — она сменила на очень шедший ей ситцевый сарафан с глубоким треугольным вырезом. — Ты меня не слушаешь! Где ты витаешь? Мы целый день не виделись...

Я задумался, решая, настало ли время рассказать ей о Беспристрастном Свидетеле, и именно в этот момент позвонил Шурик.

Адрес оказался предельно прост: Большая Якиманка, дом 45, квартира 580 — я аккуратно записал его в записную книжку и дважды повторил вслух для надежности.

— Верно: дом сорок пять, квартира пятьсот восемьдесят, — подтвердил Шурик. — Есть, правда, одно обстоятельство, которое тебе, старичок, слеЖ дует принять во внимание...

— И какое? — спросил я насторожено.

— Дом 45 по Большой Якиманке — это французское посольство. Может быть, твой Свидетель в нем и проживает, но квартиры 580 там уж точно нет.

— Французское посольство? ГмЖм. Это как же?

— А вот так. Посольство республики Франция. Слышал про такую?
— Твои... друзья... не могли ошибиться?
— Мои друзья, — он хмыкнул, — не могли: профессионалы.
— Тогда, может быть, ошибка в номере дома?..
— Вряд ли: профессионалы, они, знаешь ли, большие зануды — провеЖрили и это. Оказалось, что дома с квартирами таких высоких номеров — аж 580! — на Большой Якиманке нет вообще. Ошибочны, стало быть, и номер дома и номер квартиры. Не много ли — кряду?

— Ну, что ж, — сказал я упавшим голосом. — Значит путаница у проЖвайдера.

— Значит, — подтвердил Шурик. — Но, скорее всего, не случайная.

— То есть, ты хочешь сказать, что...

Это мое, еще не высказанное, предположение он подтвердил так же уверенно:

— Хочу. Так что, поищи, старичок, другой способ выйти на твоего свиЖдетеля. Но будь — как бы это сказать? — поосторожнее.

— В каком смысле?

— Пока не знаю. А если что, звони мне на мобильный — тут же приеду.

Я вернулся к столу. Происшедшее не укладывалось в мои представления. Как могло случиться, что почтовый адрес не соответствует электронному? И почему? Зачем это сделано? Кто мог проникнуть в святая святых — в дебри коммуникационных сетей? Ну, не агенты же Темных Сил в человеческом обличии! Экая чушь!

— Кто это был? — спросила Мария. — Шурик?

— Он.

— У тебя дела на Якиманке? Придется туда ехать?

— Нет.

— Не оченьЖо вы, молодой человек, словоохотливы. Проблемы с Темноликим в вождем?

— Есть... некоторые.

— Я знаю выход, — заявила Мария, доставая из буфета початую бутылку итальянского бренди. — Однако Темноликий вождь не прост, ох, как не прост! — она зябко передернула своими подгоревшими плечами. — Началось так удачно, и вот, пожалуйста...

— Потерпи, детка... еще немного. Зато потом!..

Что будет потом, я толком не знал, но то, что Темноликий вождь, «ох, как не прост!», понял давно.

VII

Наутро, в солнечном, напоенном ароматом кофе уюте нашей скромной «двушки» история с адресом представилась мне в ином свете. Ну, что, на самом деле, странного в том, что ктоЖтостарается скрыть почтовый адрес Беспристрастного Свидетеля? Ведь он предупреждал, что по неким — вероЖятно, уважительным, — причинам прямые контакты с ним невозможны. Ничего неожиданного, стало быть, не произошло. А внести исправления в хранящиеся у провайдера адресные документы, приписать лишнюю цифру к номеру дома, а заодно и квартиры, легче легко: за сотню зеленых вам

нарисуют любой несуществующий адрес. «Святая святых... дебри коммуЖникационных сетей... агенты Темных Сил! — передразнил я себя. — Надо работать, а не предаваться парафернальным фантазиям».

Включив компьютер и поклацав по клавишам, я вошел в почту. Письма посыпались каскадом, короткие, длинные, все сплошь деловые, но из их будничного потока я мгновенно выхватил то единственное, которое было для меня поЖнастоящему важно: письмо с обратным адресом svidetel@mail.ru. На этот раз оно было предельно лаконично:

Зачем Вы это сделали? Ведь я просил не искать меня! Вы все испортили. Я не смогу больше Вам писать.

Признаться, мне сильно поплохело. Я вышел на кухню. Бренди мы накануне прикончили, но на столе стояла бутылка пильзнера, заботливо оставленная Марией, и, выпив ее, я почувствовал себя увереннее. Обхватив руками голову, я принялся анализировать ситуацию. Как следовало пониЖмать неожиданный пассаж Беспристрастного Свидетеля? Откуда вообще он мог узнать о моей попытке найти его адрес? Кто кроме друзей Шурика — а ониЖо, надеюсь, вне подозрений, — был в курсе? К чему вообще такие сложности? От кого скрывается мой корреспондент? Если «мой», значит, от меня. Но зачем? Какую опасность я могу для него представлять? И снова: кто и почему в этом заинтересован?

Количество вопросов нарастало как снежный ком. Выходило, как ни крути, что мысль о существовании сил, стремящихся скрыть подлинные качества Вождя народов, — его слабости и простые человеческие несоверЖшенства, сохранить в неприкосновенности его тщательно отретушированЖный, лишенный мельчайших изъянов образ, — не так уж парадоксальна. Я перебрал возможные варианты. Алгоритм формулировался просто: qui proudest — кому выгодно?

Ныне здравствующим родственникам? Допустим. Но все, что я знал о потомках Темноликого вождя, делало такой расклад маловероятным: масЖштаб личностей был во всех случаях не тот — им это было бы просто не по зубам.

Спецслужбам? Выгодно ли это им? Казалось бы, нет: для них это «дела давно минувших дней...».

Нынешним коммунистам?.. На этот счет иллюзий у меня не было: нынешние вряд ли на чтоЖибудь способны.

Тогда... уж не теперешнему ли руководству, готовящему почву для очеЖредной «сильной личности»?.. Но такое предположение показалось мне в то время столь чудовищным, что я отверг его на корню.

В теоретическом плане все варианты были возможны, но в практичеЖском — едва ли. А если так, практически вероятным становился... То есть, о том, чтобы в отсутствии «физических» вариантов всерьез рассматривать «трансфизические», допускающие существование потусторонних сил, не могло быть и речи... И все же, все же...

Я в растерянности заходил по кабинету. Принес из кухни пластиковую лейку, и полил цветы. Вытер пыль с компьютера и письменного стола.

Убрал в шкаф несколько разбросанных по комнате книг... На этом моя фанЖтазия исчерпалась — пора было браться за работу. Но сил на нее не остаЖлось, я был полностью выбит из колеи. И ведь по собственной вине: доброЖ было пренебрегать настойчивой просьбой Беспристрастного Свидетеля не искать с ним встречи! А, главное, зачем? Чем плохи виртуальные контакЖты? Миллионы нынче предпочитают виртуальную жизнь — реальной. В конце концов, любую информацию можно передать с помощью электронЖной почты, любые документы отсканировать и переслать. Видимо, на это мой корреспондент и рассчитывал, и не надо мне было торопить события.

Но как следовало действовать теперь? Правильнее всего было бы напиЖсать прочувствованное «извинительное» письмо, пообещать быть впредь сдержаннее... Но не все, видимо, зависело от моего корреспондента: недаЖром он писал, что поисками встречи я поставлю его «в наитруднейшее положение».

В конечном счете, окончательно запутавшись и утешаясь мыслью, что «необъяснимое» еще не значит «мистическое», я все же заставил себя заняться насущными делами, первым из которых было, конечно же, «извиЖнительное письмо»: писал, переписывал и отправил лишь достигнув максиЖмальной, как мне показалось, убедительности и проникновенности. Уверенности в успехе, тем не менее, я не испытывал.

VIII

— Тебе письмо от дамы, — сказала Мария, выходя из деткаба и какЖто нехорошо улыбаясь. — Кто это: Галина Л? — Был четверг, ее почтовый день.

— Галина Л? — озадачился я. — ГмЖм. ЧтоЖтоне припомню.

— Напрягите память, молодой человек. Она назначает вам свидание. Причем, как видно, не впервой: точное место и время не указаны, и, следоЖвательно, традиционны. Это уже для нашего семейства чтоЖтновенькое.

— Подожди, детка. Какая Галина Л? — я на самом деле не знал женщины с таким именем, и, тем не менее, мысль, что это не ошибка, что письмо приЖшло по назначению, что оно имеет отношение к моим теперешним делам, мгновенно вспыхнула в моем мозгу. — Что за письмо? Кто подписал?

— Подписи нет. Извини, дорогой, что вторглась.

— Позволь посмотреть.

Я подошел к компьютеру. Письмо было на мое имя, подпись, действиЖтельно, отсутствовала, текст содержал лишь одно слово: «Почтамт». Имя отправительницы входило в ее электронный адресе: GalinaL@mail.ru

Провайдер — mail.ru — был тот же, что и у Беспристрастного Свидетеля, однако это мало что значило. И хотя ничто вообще не говорило о том, что письмо имеет отношение к Беспристрастному Свидетелю, мысль, что это он подает мне знак с помощью некой Галины, мгновенно возникла в моем мозгу. «Скорее всего, он назначает мне встречу на почтамте, — подумал я. — Но на каком? Вероятно, на главном, том, что на Мясницкой, иначе бы напиЖсал конкретно, а вот «когда» — день и час — не указывает из осторожности. Но как в этом случае действовать мне: когда туда придти, как мы узнаем друг друга? И, потом: если каждый его шаг контролируется, как он рассчитывает улизнуть от преследователей, как собирается скрыть саму нашу встречу?»

Мария позвякивала на кухне посудой.

— Мне придется отлучиться, — крикнул я.

Позвякивание прекратилось.

—Надолго?

Ответа на этот вопрос я не знал: слишком много неясностей сошлись в одно и то же время в одном и том же месте; как говорится — здесь и сейчас. И не с кем было посоветоваться. Разве что позвонить Шурику?

Я потянулся к трубке и замер, словно прочитав на телефонном табло нечто ранее мной незамеченное: все резко упростилось, находило рациональное объяснение, если предположить, что речь идет не о встрече, а о получении реального — не виртуального — послания до востребования.

Я возбужденно заходил по комнате. Ну, конечно же, вот оно — объяснение и одновременно руководство к действию. Как же я не догадался раньше? *Почтамт, до востребования* — и сразу снимаются вопрос времени и проблема взаимного опознания. И послать письмо — возможно, бандероль с документами! — можно скрытно, с помощью той же Галины Л. *Почтамт, до востребования* — и дело в шляпе. Эврика!

— Не помнишь, куда я дел свой паспорт? — выкрикнул я, возбужденно шаря по ящикам письменного стола.

— Зачем тебе паспорт? Ты надумал разводиться?

— Очень остроумно! И масса вкуса. На самом деле все гораздо проще: надо получить на Главпочтамте письмо до востребования.

— Да уж, проще некуда. Посмотрел бы ты на себя со стороны.

Я глянул в зеркало. Вид был, действительно не ахти: на щеках нездоровый румянец, волосы сбились на лоб, галстук — на сторону.

— Я еду с тобой, — объявила Мария строгим голосом.

— Ну, уж нет! Ни в коем случае. Это может оказаться не так... просто.

— В таком случае — тем более.

— Останься, детка, прошу тебя! Тебе нечего там делать.

Но она уже надевала плащ.

IX

Это был большой белый конверт — до наступления компьютерной эры я отправлял в таких свои рукописи. Углы слегка помялись, но в целом вид был свежий, свидетельствующий о недолгом пути. Мария, неотступно следовавшая рядом и подпиравшая меня плечом в очереди к окошечку, тут же сунула его в свою элегантную, но довольно вместительную сумку и ринулась к выходу. Я последовал за ней, сканируя пространство, словно профессиональный телохранитель.

И вот теперь передо мной лежало реальное, отпечатанное на бумаге письмо Беспристрастного Свидетеля — hard copy: тот же формат, тот же шрифт. Вероятно, я мгновенно узнал бы его среди множества других писем. Еще в конверте лежала тетрадь. Обычная общая тетрадь в коричневом лежачем переплете — немало таких я исписал в школьные и студенческие годы. Подавив острое желание начать с тетради, я прочитал первые строки письма.

Сударь!

Судя по всему, это мое последнее письмо. После Вашего неосмотрительного поступка, мои контакты с внешним миром сведены практически к нулю. В ближайшее время будет, несомненно, перекрыт и нынешний канал. Впрочем, это уже не существенно: «программа» в основном выполнена: в предыдущих письмах я успел сказать почти все, что хотел. Осталось уточнить некоторые детали...

Детали? Интересно, какие? И опять эти двусмысленности: внешний мир — метафора, или намек из той же серии, что Вергилий и Данте? Я тщаЖ тельно протер запотевшие очки:

Я часто мысленно полемизирую с автором «Розы мира». Спору нет, он глубоко проник в суть сталинского феномена, однако ошибся в главном: необъяснимая жестокость Вождя народов была проявлением не силы, а как раз наоборот — слабости. Об этом однозначно свидетельствовала информация, поступававшая в Центр от нас — рядовых посланцев.

От нас — рядовых посланцев?!. Ничего себе! Так вот, выходит, к чему клонится дело: Беспристрастный Свидетель — рядовой посланец... агент темных сил?.. Я вновь протер очки, но на содержании письма это, естеЖ ственно, не отразилось — черным по белому там значилось:

Об этом однозначно свидетельствовала информация, поступававшая в Центр от нас — рядовых посланцев...

Мои жизненные представления рушились, как карточный домик...

Об этом однозначно свидетельствовала информация, поступававшая в Центр от нас — рядовых посланцев. Мог ли такой стать «избранником Великого Демона», как пишет о том Даниил Андреев? Разумеется, нет. Его крах не есть результат победы Провидения. Как раз наоборот — от него отступились сами Темные силы. И пресловутый «эпизод», о котором я писал в предыдущих письмах, несмотря на кажущуюся малозначительность, сыграл здесь ключевую роль.

Мое воображение рисует такую картину.. Морозное утро; маковки кремлевских храмов неярко блестят в лучах зимнего солнца, снег поскриЖ пывает под ногами. Мир и благолепие! Но чтоЖтоне так в одежде младшего сына Хозяина — Васи. Няня стоит в раздумье: «Вернуться, или нет?..» Решает вернуться... Как складывались бы события, если бы решила не возЖ вращаться? Сколько человеческих жизней было бы спасено? Как Вам такое развитие Истории с точки зрения исторического материализма?

И, наконец, то, что считаете главным Вы: бумаги — «документальные подтверждения...» По крупному счету их не должно бы быть в принципе: униА чтожались не только свидетели, но и самые невинные свидетельства тех

событий. Категорически запрещалось вести любые записи, кроме тех, что предназначены для Центра, и нам — рядовым посланцам. И всеАтаки в моем распоряжении оказались записки одного из моих сотоварищей — дневник посланца!.. Да, такое случается: адская сущность входит в противоречие с человеческим обликом. Ослушника ждет жестокая кара. Удивительно, что эти 15 страниц были всеАтаки написаны. Еще удивительнее, что мне удалось их сохранить. Теперь, когда Вашими необдуманными действиями наши отношения переведены из виртуальной плоскости в реальную и перестали, таким образом, быть секретом, хранить их я больше не смогу. Не знаю, хватит ли на это сил у Вас! Наш эпистолярный роман подошел к концу. Прощайте. И, как говорится, не поминайте лихом.

Ваш Беспристрастный Свидетель.

Некоторое время я сидел недвижно, глядя на слегка помятый, согнутый посередине лист бумаги с четкими — лазерными — письменами. Так вот значит, что крылось за полунамеками моего таинственного корреспондента: выходит, он как раз и есть один из тех — рядовых — якобы наблюдавших происходящее изЖзакулис! Можно ли было в это поверить, допустить, что крах Вождя народов был выражением воли Темных сил, что их агенты — адские сущности в человеческом облике — всегда бродили среди нас, и, стало быть, бродят и теперь, готовя почву для новой тирании? Мой впитанный с молоком матери материализм однозначно свидетельствовал — нет. И, тем не менее, незнакомый, неизвестно откуда взявшийся внутренний голос, негромко, но настойчиво, твердил: да... да... да...

Итак, мне презентовались 15 страниц записей «одного из непосредственных свидетелей и косвенных участников трагедии». Прямо скажем, не мало! Я взял тетрадь, повертел, разглядывая потертую ледериновую обложку. Удивительно, в какой будничной, ничем не примечательной обстановке свершалось это, столь долго ожидавшееся мною событие: сквозь открытую форточку доносился уже стихающий к этому часу шум улицы; на кухне Мария позвякивала посудой; чтоЖо у нее не заладиЖлось — в воздухе висел слабый запах пригоревшего ванильного печенья. Теперь, когда ничто не отделяло меня от цели, я испытывал чувство странной нерешительности, почти апатии; в мозгу настойчиво крутилось убрать тетрадь в стол, не прикасаться к ней как можно дольше... В глубине души я сознавал, что за этим кроется боязнь разочарования, опасение, что дошедший, наконец, до меня дар Беспристрастного Свидетеля окажется не тем, на что я рассчитывал.

И как всегда в сомнительных ситуациях, победил мой врожденный педантизм: я аккуратно сложил и убрал в стол письмо, машинально протер ладонью освободившуюся поверхность письменного стола и... раскрыл тетрадь с той стороны, где ее уголки были слегка загнуты.

Действительность превзошла мои ожидания: тетрадь была чиста.

Несколько мгновений я растеряно смотрел на предназначенный быть титульным лист клетчатой, желтоватой от времени бумаги, потом раскрыл тетрадь с противоположной стороны. Однако и с противоположной стороны она была также девственна.

Сторона с загнутыми уголками была, несомненно, лицевой. Внизу перЖвой страницы — как раз по середине — фиолетовыми чернилами была выведена цифра 16. В нескольких местах страница была подрезана у осноЖвания. Всмотревшись, я без труда обнаружил и остатки первых пятнадцати страниц, под корешок срезанных бритвой.

Мои действия после совершения этого открытия отличались стремиЖтельностью: первым делом я включил компьютер, вторым — нашел адрес Беспристрастного Свидетеля, третьим — напечатал в заглавии письма «Сударь»... Четвертого я, слава Богу, не совершил, вовремя осоЖзная его бессмысленность: найти моего виртуального корреспондента по прежнему адресу было нельзя; другого у него теперь не существовало. Постепенно я осознал и остальное: даже если бы ситуация складывалась иначе, даже если бы войти с ним в контакт было проще простого, это ничего бы не изменило: дневник существовал в единственном экземпляЖре, теперь этот экземпляр был похищен, не исключено, — уничтожен, и, без сомнения, — не достижим.

На дворе была ночь; окрестности спали, изредка всхрапывая, и тут же стихая, экран компьютера светился в полумраке ровным серебристоЖголубым светом. Я придвинул к себе письмо Беспристрастного Свидетеля... разгладил ладонями... перечитал заключительные слова: «Теперь, когда Вашими необдуманными действиями наши отношения переведены из виртуальной плоскости в реальную и перестали, таким образом, быть секретом, хранить их я больше не смогу. Не знаю, хватит ли на это сил у Вас!»

«Не знаю, хватит ли на это сил у Вас!» — повторил я, беззвучно шевеля губами, и бессильно уронил руки на подлокотники кресла.

ЧтоЖтословно бы осязаемое заставило меня повернуть голову. Мария застыла в дверях, упершись плечом в одну стойку косяка и почти касаясь бедром другой (меня всегда поражала эта ее сверхъестественная гибкость).

— ЧтоЖибудь случилось?

— С Темноликим вождем покончено, — сказал я.

— Я знала, что к этому идет, — сказала она, ничуть не удивившись.

— Откуда?

— Догадывалась ... с тех пор, как ты стал получать эти таинственные письма. Но от кого они, что это было — в мистику ведь ты не веришь, верно?

Я не ответил.

Подойдя вплотную, она провела рукой по моим волосам. Рука у нее была теплая и слегка пахла ванилью.

— Что же мы будем теперь делать? — спросил я.

— Что будем теперь делать? — переспросила она. — Будем дальше жить. Вместе пить чай с ванильным печеньем... вместе спать... вместе ездить в «Три сосны»... А вот над продолжение «Арбатских купидонов» ты будешь работать один.

— Над продолжением ... Купидонов... А с жильем? С Васей и Масей?

— Они еще маленькие... — ее теплая рука застыла на моем затылке. — Подрастут, посмотрим. Может быть... жилье в Москве подешевеет.

Мы помолчали.

— Компьютер перенесем из деткаба в спальню, — твердо выговорила Мария. — Если же купить ноутбук, работать можно и на кухне. Ведь верно?

«А над чем, собственно, работать? — подумал я — Над продолжением Купидонов?..» Нереальность этого варианта казалась мне теперь столь очевидной, словно не я написал некогда эту милую, лишенную и намека на мистику, вещицу.

— Днем ты будешь работать за большим компьютером в спальне, — проЖ должна Мария развивать свою концепцию нашей будущей безоблачной жизни, — а вечером — в кухне, на ноутбуке. Верно?.. Ну, что ты молчишь?.. Глеб!

— Верно, — подтвердил я, не поднимая глаз от письменного стола. — Конечно, детка, так мы и сделаем: купим ноутбук и поставим его на кухне.

Об авторе

Родился в 1936 г. в Москве. Окончил Московский нефтяной институт им. И. М. Губкина. Доктор технических наук, профессор, до конца 2003 года заведовал кафедрой Геологического факультета МГУ. Автор многих научных книг и статей, опубликованных в России и за рубежом. Как прозаик дебютировал в 50-е годы. Живет и работает в Новой Зеландии. Рассказы печатались в «Огоньке» и «Континенте».

Геннадий Разумов

Старое фото

Заромов лежал на спине, смотрел на небо и готовился к смерти. Она должна была придти не когда-то в необозримом будущем, а совсем скоро и в совершенно определенное время: через 2 часа, 32 минуты и 16 секунд. Смерть была запрограммирована с машинной точностью. Именно в этот момент прекратится жизнеобеспечение его автономной капсулы скафандра, прервется подача воздуха и тепла, нарушится герметизация, и он окажется один на один с чужим мертвым миром вечного безмолвия.

Страха не было. Было лишь сожаление, что в этот последний час он будет совершенно один, без близких и родных. Он не услышит нежного голоса Эвы, не увидит ее милых глаз, умеющих вдруг взрываться радостью и весельем. Никогда больше он не ощутит прикосновения ее мягких ласковых пальцев, и сам не коснется ее гладкой теплой кожи.

И никогда не пройдутся они, взявшись за руки, по солнечной тропинке в зеленом южном парке, и маленькая светловолосая Бела, рыжунья, не повиснет на его плечах. Никогда он не почувствует ее влажного душистого дыхания, не услышит ее звонкий задорный смех.

Он вообще больше никогда не услышит никакого человеческого голоса, даже самого далекого, радиоволнового, не увидит ничьих человеческих глаз, хотя бы в видеозоре. Он будет до самого своего конца один.

А ведь когда-то Франц, в не такой уж далекой молодости Заромов, глушец, часто подумывал о том, что так иногда не хватает ему уединения. Вечно на людях: на работе — сотрудники, подчиненные и начальники, на улицах и площадях, — толпы народа, толчея в магазинах, в театрах, на выставках, дома — родные, приятели, знакомые, соседи. Ни на минуту не удавалось остаться одному, уйти в себя, сосредоточиться.

Чудак, теперь он может без всяких помех уходить в себя и углубляться сколько угодно. Теперь он до конца останется в одиночестве, и ему никто не будет мешать. Во всей Вселенной, среди мертвых, горячих и холодных звезд, планет, метеоритов, комет — он всегда будет один, наедине с Вечностью.

Несколько часов назад их было трое. Они летели по межгалактической трассе в автоматическом режиме, занимались своей обычной научной работой, отбирали пробы космической пыли и газов, изучали излучение звезд и зондировали планеты.

Запущенный по точно рассчитанной баллистической орбите, их корабль описывал в далеком Космосе гигантский эллипс и должен был в строго заданное время вернуться на Землю. Детальные подробные расчеты, каза-

лось бы, учли все самые невероятные неожиданности, любые мыслимые и немыслимые отклонения от трассы, появление на пути корабля новых, еще неизвестных космических тел.

И все-таки, где-то компьютеры ошиблись. Может быть, произошел сбой в системе слежения ведущего космического маяка или в машинном управлении корректирующих двигателей. Неясно, как, но это случилось.

Шел триста пятый день их полета. Они за ночь хорошо выспались, позавтракали и теперь сидели в уютном рабочем отсеке, каждый занимаясь своей работой. Приборы и аппараты тихо стрекотали, делая замеры и определения, навигационные приборы были в норме и чутко прислушивались к тому, что делается там, за бортом корабля. Абсолютно ничто не предвещало никаких неприятностей и осложнений, все было спокойно и мирно.

Механик Литов первый почувствовал опасность. Он оторвался от своих схем и чертежей и долгим взглядом посмотрел на приборы метеорологического прогноза.

— Неладно что-то за бортом, — сказал он задумчиво и настороженно взглянул в иллюминатор, за которым, правда, не обнаружил ничего подозрительного. — Не нравится мне, братцы, метеообстановка. Слишком много по нашему курсу непредвиденных ранее метеоритных пылевых туч, облаков и прочей туманной мерзости.

— Неладно что-то в Датском королевстве, — шутливо продекламировал Миша Кулиш, физик, — кстати, исторически известно, что синоптики, будь они трижды умнейшими и совершеннейшими роботами, всегда врут. Такая уж у них работенка.

Заромов тоже не придумал тогда значения беспокойству Литова.

— Помните старый бородатый анекдот про оптимиста и пессимиста? — сказал он, улыбаясь. — Их попросили предсказать, какая завтра будет погода. «Хорошая», — ответил оптимист. «Плохая», — возразил ему пессимист. И вот приходит этот завтрашний день — пасмурно, сыро, дождь. Про оптимиста говорят: «Ну и что же, со всяким бывает, ошибся, ничего». А про пессимиста: «Ужугад, накаркал». Так что, механик, брось свои страхи и охи, давай лучше займемся наладкой моего лучевого зонда, а то ведь скоро он понадобится, скоро уже приблизимся к Трайкосе.

Так называлась еще никем никогда не изучавшаяся небольшая, почти карликовая звезда, вокруг которой вращалось множество планет и болидов. Заромов, отвечавший за геологическую часть исследований, должен был, согласно Генеральной Программе, изучить плотность, состав и другие физико-механические свойства планетного вещества.

— Черт с вами, оптимисты, пусть будет по-вашему, — проворчал Литов, поднимаясь со своего рабочего кресла, — может быть, и правда, пока еще нет повода корячиться в туннельном отсеке. Но вот помогу Заромову и обязательно туда полезу проверить синоптические приборы.

Но он ничего не проверил. Не успел.

Пока они возились с лучевым зондом, за бортом действительно что-то произошло. Сначала корабль резко качнулся, потом его затрясло от сильных и частых ударов, заскрипела и завибрировала обшивка. Звездолет

попал под обильный космический дождь и град. Шквал мелких, средних и крупных метеоритов налетел со всех сторон.

Вышли из строя навигационные датчики, укрепленные на наружной поверхности звездолета, в блоке наблюдения отказало следящее устройство. А потом произошло самое страшное — ослепший корабль потерял курс. Защитное гравитационное поле отбрасывало его, как мячик, от одного болида к другому и швыряло в разные стороны, сбивая с нужного направления.

— Дело совсем дрянь! — воскликнул Литов, взглянув на приборный щиток управления. — Скорость резко растет, мы входим в зону притяжения какой-то планеты. Готовьте аварийные модули.

Все трое бросились к шкафам запавикам, отсоединили в них автономные капсулы афандры, проверили их заправку и прикрепили к своим рабочим креслам. Кулиш взялся за рули ручного управления системой мягкой посадки. Он напрягся, лицо его покраснело, глаза округлились

— Вот дьявол! — закричал он в ужасе, делая безнадежную попытку овладеть пусковым устройством. — Двигатели не работают. Через 80 секунд мы врежемся в поверхность планеты. Заромов, как плотность грунта?

Заромов направил вниз лучевой щуп. Ничего утешительного — луч на планете отразился от твердого каменистого грунта.

— Разобьемся, — пробормотал он, нахмутив брови и откидываясь на спинку кресла. — Посадка корабля невозможна. Надо самим спасаться, придется прыгать.

Правила категорически запрещали выход на поверхность незнакомой планеты, предварительно не изученной хотя бы в объеме обязательной стандартной программы. Но сейчас другого выбора не было. Все решали секунды. Либо они погибнут, разобьются вместе с кораблем, врезавшись в твердую поверхность планеты, либо катапультируются и останутся до поры, до времени живы.

Согласно бортовой диспозиции, в аварийной ситуации ответственность старшего должен был брать на себя Литов. Но что ему оставалось сейчас решать?

— Включить катапульты! — скомандовал он. — Через 20 секунд — пуск.

Заромова спасла его собственная нерасторопность: он забыл заранее снять с пускового устройства предохранитель. На освобождение блокирующей скобы ушли те самые полторы секунды, которые спасли ему жизнь.

Кулиш и Литов опередили Заромова и стартовали первыми. Они благополучно оторвались от стремительно летящего вниз корабля, взмыли над его поверхностью и уже пошли было на снижение, когда случилась эта ужасная катастрофа.

Откуда сбоку вдруг появилось огромное темное газовое облако. Переливаясь в лучах Трайкоса фантастическими фиолетово-красными бликами, оно стремительно рванулось к космонавтам. Его безобразные лохматые отростки, как огненные языки чудовищного змея-дракона, вытягивались, удлинялись, извивались, непрерывно меняя свою форму и размеры. Еще мгновение, и они коснулись своими острыми звериными жалами людей, тщетно пытавшихся вырваться из их страшных объятий.

Две ослепительно яркие вспышки кривыми лучамиЖалниями вспороЖли облачную мглу, газовая пелена стустилась, стянулась к горящим факелам и взорвалась, исчезнув сама и не оставив ничего рядом с собой, ни живого, ни мертвого.

Так Заромов остался один. Медленно спускаясь, он осторожно спланиЖровал, сделал несколько небольших кругов и сел на поверхность планеты. Отбросил уже ненужные отработанные ракеты и огляделся.

Вокруг царил суровая мрачная пустота, полный вакуум. Ни атмосферы, ни воды, ни растительности. Одна только голая скальная равнина, в отдельных пониженных местах прикрытая тонким слоем серой, похожей на гальку, почвы, состоящей из небольших гладких шариков, неподвижных и однообразных.

Древняя, давно уже умершая планета, коеЖгд была расколота прямыми неглубокими трещинами, обнажавшими такие же скальные холодные недра. Заромов подошел к краю одной из них и посмотрел вниз Жничего, что могло бы быть для него спасительным или хотя бы полезным, такая же пустота и мертвечина

Он достал из заплочного ящика инвентарную экспрессЖабораторию, установил на штативе сейсмоЖакутические приборы и по укороченной программе провел все необходимые геофизические измерения. Планета была однородна, тверда и холодна по всей своей глубине и не оставляла никаких надежд на получение хоть небольшого количества какогоЖибудь тепла, энергии, полезных ископаемых или еще чегоЖибо. Ничего.

Теперь надо было разыскать то, что раньше было кораблем. Это большоЖго труда не составляло, так как Заромов еще до своей посадки подсек траЖекторию и координаты его падения. Звездолет лежал в неглубокой расщеЖлине. С первого взгляда стало ясно, что он разбит, сплюснен и ни на что уже не годен, как старая консервная банка.

КоеЖкакцепляясь за неровные края расщелины, Заромов спустился к останкам своего недавнего космического дома и остановился, с грустью сознавая безвыходность своего положения. Здесь ни на что не было никаЖких надежд. Люк во входную шлюзовую камеру вместе с самим шлюзом был полностью уничтожен, двигатели сгорели, контейнеры с блоками систем питания и жизнеобеспечения смяты в лепешку. В общем, никаких вариантов.

«А ведь мог бы быть шанс стать Робинзоном Крузо, — усмехнулся с горечью Заромов. — Только где взять Пятницу?»

Он на прощание погладил ладонью смятую поверхность разбитых иллюЖминаторов, провел пальцем по сломанным выступам дюз, какЖбуду через плотную ткань скафандровых перчаток можно было ощутить тепло земного металла, почувствовать мягкую шершавость защитного кремниевого покрытия.

Ничего не поделаешь, надо идти. Заромов тем же путем вылез на край расщелины, сделал несколько шагов и снова огляделся. Неяркое окаймленЖное темной полоской светило блеклым розовым колесом медленно катиЖлось по длинному низкому горизонту. Контрастные резко очерченные

черные тени рваными тряпками покрывали неглубокие понижения местности. Заромов подумал, что не стал бы без нужды по ним ходить, хотя было ясно, что это только тени, и ничего, кроме галькообразной почвы, там нет и быть не может.

И всеЖтаки он должен, обязан поискать своих Пятниц. Этого требует и устав Межзвездных связей. На каждом новом космическом объекте, кто бы и когда на него не попал, помимо всяких других стандартных исследований, обязательно должен быть проведен поиск следов разумной жизни.

«Не буду напоследок нарушать правила, хотя здесь это простая формальность, совершенно ненужная», — подумал Заромов, доставая кассетный словарь-справочник Инопланетных контактов. В нем были языки, наречия, диалекты всех времен и народов, когдаЖибо населявших Землю и другие обитаемые миры, телепатические способы общения, языки жестов и пантомим, цветовых и световых символов. Но в данном случае все это для такой забытой Богом планеты, увы, явно было совсем не нужно. Здесь некому было показывать картинки с изображением людей и Солнечной системы, здесь некому было слушать земную музыку и позывные Межзвездной службы.

Заромов вспомнил, как на Зарее они установили на возвышенностях видеозоры и целый час гоняли мультики и фильмыЖбоевки. На них, как бабочки на огонек, слетались тогда летуны — многокрылые жители планеты. Но там была атмосфера, растительность. А здесь мертвая пустота...

Может быть, всеЖтаки попробовать хотя бы язык лучей?

Заромов установил на штативе небольшой портативный радар и стал прослушивать окрестность на волнах самого широкого диапазона длин и частот. Во все стороны по поверхности и вглубь планеты понеслись сейсмические, гравитационные, радио и световые лучи, инфразвук и ультразвук.

Но никакого отклика, даже самого слабого, чуть заметного, хотя бы сомнительного приборы не поймали. Только один раз мигнул индикатор, когда инфразвуковая волна скользнула по самому верхнему слою почвы. Однако Заромов тут же отметил, что причиной возмущения была его же собственная нога.

«Дохлый номер, — пробормотал он про себя, — искать здесь жизнь, все равно, что на Земле в Северном Ледовитом океане ловить жирафов». Он собрал приборы и кассеты с результатами измерений, поставил их на место в скафандровом боксе и снова загерметизировал.

Теперь он должен был умереть.

Древние жители Земли, каждый раз убеждаясь, что человеческое тело после смерти разрушается, превращается в прах, тешили себя надеждой на нетленность, вечность души, на ее загробную потустороннюю жизнь. Они верили в то, что хотя тело умирает, душа остается.

С Заромовым будет все как раз наоборот. Исчезнет его внутренний мир, его сознание, чувства, ощущения, его «я». Но останется тело. В этом вакуумном стерильном мире, без воздуха и воды, без гнилостных бактерий он будет лежать законсервированным сотни, тысячи, а, может быть, и миллионы лет.

Заромов вспомнил рассказ одного своего другаЖрхеолога, экспедиция

которого какЖт нашла хорошо сохранившийся труп человека, замурованЖ ного в плотный непроницаемый для воды и воздуха гидротехнический бетон. КогдаЖта давно, еще в XX веке, на реках строили гигантские железоЖ бетонные плотины для гидроэлектростанций. Человек, отбывавший накаЖ зание заключенный, упал в блок бетонирования, его не успели вытащить, он утонул в бетонной жиже и так остался лежать в затвердевшем бетоне целым, пока не стал добычей археологов.

Кто знает, может быть, когдаЖи будь в далеком будущем и Заромова вот также обнаружат здесь, на этой затерянной в Космосе безжизненной плаЖ нете, и тогда его тоже будут изучать ученые, и он станет археологической достопримечательностью. Может быть, и планету назовут его именем.

У каждой эпохи свои находки.

Теперь главное, ему нужно получше выбрать подходящее место для своей могилы. Конечно, оно должно быть вблизи остатков корабля. Надо лечь гдеЖи будь повыше, на видном месте, где его легко можно будет обнаЖ ружить вместе с компьютерными мемористиками, которые будут хранить всю информацию.

Пожалуй, он выберет вот этот невысокий, более чем другие, светлый бугорок, который и станет его последней постелью. Здесь разомкнется защитная скафандровая оболочка, его последнее человеческое жилище, и он станет частью чужого враждебного мира, где царит вечное безмолвие, покой, тишина.

Заромов опустил на колени, присел, потом лег на спину, подложив под голову бокс с информационными материалами. До конца оставалось четырнадцать минут. Он сдвинул магнитный клапан наружного кармана и достал пластиковый пакет со старой объемной фотографией. Пусть в последний миг его жизни с ним будет рядом ласковый взгляд милых родЖ ных глаз.

Это был один из самых счастливых месяцев их жизни. Они втроем поеЖ хали тогда в отпуск на побережье к морю. Пляж, горы, яркое жаркое солнЖ це, буйная летняя зелень.

В тот день, когда было сделано это фото, они бегали по пляжной гальке, которая щекотала и колола пятки, а Эва с Белочкой соревновались, кто дольше пропрыгает по острым камушкам.

— Знаете ли вы, понимаете ли вы, — передразнивая пансионатного врача, «докторским» голосом вещала Бела. — Это же так полезно: на ступЖ нях ног окончания нервов, связанных почти со всеми внутренними органаЖ ми. Массажирюя пятки пляжной галькой, вы фактически массируете печеньку и селезенку.

Они громко хохотали, а потом, взявшись за руки паровозиком бросаЖ лись в воду, ныряли, плавали вперегонки. Как им тогда было хорошо, как они тогда были счастливы!

Заромов оторвал взгляд от фотокарточки, непроизвольно прижав ее к своему телу (они «совсем раздетые в такой адский холод»). И снова посмоЖ трел на окружавшую его повсюду мертвенноЖерую почву. Здесь, на планеЖ те, тоже была галька, но разве такая!

Только теперь Заромову впервые за все это время вдруг стало

поЖистоящему страшно. Безотчетный первобытный ужас охватил все его существо, задрожали колени, лоб покрылся испариной. Пальцы непроизЖвольно потянулись к защелке шлема — поскорей бы избавиться от этого гнетущего унижительного чувства, чего тянуть, все равно осталось уже немного.

Но тренировка космонавта сказала — он быстро овладел собой, рука опустилась вниз, пальцы сжались в кулак. Заромов собрал всю свою волю, сосредоточился. Надо было сделать последние приготовления: переключЖить приборы, еще раз проверить герметичность «банка памяти». Все это сделав, он устроился поудобнее и приготовился к смерти.

Как мудро устроила природа в том нормальном человеческом мире — человек не знает своего последнего часа. Хотя испокон веков стремится разгадать свое будущее. Античные оракулы и средневековые гадалки, ученыеЖпргнозисты и компьютерные машины времени — кто только не пытался прочесть Книгу Судеб. Но всегда безуспешно. И если бы сейчас ктоЖтомог задать Заромову извечный вопрос «Что такое счастье?», он бы без всяких раздумий тут же ответил: «Счастье не знать, что с тобой будет завтра, сегодня, через час».

А он, увы, знал. Вот и подтверждение этого — на приборе жизнеобеспеЖчения загорелся красный огонек. Через пару минут на экране вспыхнет и тревожно мигает крупными буквами надписьЖсигнал: «Срочно нужна заправка! Срочно нужна заправка!» А потом прекратится подача воздуха, тепла, все погаснет, отключится. Наступит полная тишина, темнота. Смерть.

Заромов закрыл глаза, больше он не будет смотреть на приборы. Стал ждать. Прошла минута, другая, третья, пятая... Но что это? Ничего не проЖисходит. Дышится также свободно и легко, как раньше, поЖпржнему тепло. Где он, может быть, в загробной жизни, в которую верили предки? Заромов открыл глаза, посмотрел направо, налево.

Нет, он все там же, на той же планете. ПоЖпржнему косо смотрит на безжизненную равнину круглый блеклый Трайкос, также чернеют зловеЖщие темные пятна в расщелинах и низинах. Он поднес руку к глазам и посмотрел на наручные приборы: красный огонек индикатора погас, а букЖвенный сигнал не появился. Температура, давление в норме. Мало того, показатель заправки воздухом и энергией стоит на черте «полное». В блоке питания появилось даже аварийное обеспечение, которое давно уже было израсходовано. Откуда все это богатство?

Неожиданно Заромов услышал какиеЖтозвуки. Они то возникали, то исчезали, то приближались, то удалялись. Одни из них были высокие и тонкие, другие — низкие и густые. Звуки были так тихи и слабы, что разоЖбрать их было почти невозможно. Но они были, они существовали, причем явно вне какойЖлибо связи со скафандром и всем тем, что в нем находиЖлось, — звуки шли откудаЖтоо стороны.

Потом они стали немного громче, яснее. Заромов напряг слух, внимаЖтельно вслушался и вздрогнул, пораженный: это были голоса. Да, да, настоящие человеческие голоса!

Первая мысль была: этого не может быть, это галлюцинация, болезнь.

Взглянул на индикатор медицинского состояния — все в порядке, показатели умственного уровня нормальные, он не спятил. Но тогда, что же это такое?

Волнуясь и торопясь, Заромов расчехлил радиометрическую аппаратуру — может быть, магнитная антенна уловила какие-то далекие сигналы из Космоса, и где-то там, в необъятных межзвездных просторах, мчится корабль с Земли? Может быть, он только что вошел в зону, доступную для пеленгования с Трейкоса, и Заромов сейчас свяжется с его экипажем, сообщит свои координаты, и его заберут отсюда.

Дрожащими пальцами схватил он ручку настройки пеленгующего устройства. Послал длинные волны, потом еще длиннее, длиннее, дальше, дальше. Но, увы, никакого ответа, в огромном пространстве вокруг Трейкоса была только пустота.

А голоса продолжали звучать. Все явственнее, все четче. Один, кажется, был женский, другой более невнятный, скрипучий, какой-то странный, нечеловеческий.

Заромов укоротил волны, взял другой диапазон пеленгования и вдруг замер в ошеломлении. Источник звуков был где-то совсем близко, совсем рядом, в нескольких метрах. Сердце Заромова учащенно забилося, от волнения перехватило дыхание. Неужели такое возможно, неужели здесь живые люди? Это было слишком неправдоподобно, чтобы быть правдой.

Заромов быстро поднялся на ноги, бросился бежать, бежать туда, откуда только и могли быть слышны человеческие голоса. Он подскочил к краю темной расщелины с обломками корабля, присел на корточки и заглянул вниз. Но там, как и прежде, не было ничего, кроме разбитого мертвого металла. Огорченно вздохнув, он поплелся назад, продолжая на ходу вслушиваться в таинственные голоса.

Неожиданно ему вдруг показалось, что в женском голосе он слышит знакомые нотки, милое мягкое придыхание, нежный ласковый тембр. Кто это? Неужели, Эва? Как это может быть? Он взялся за рычажок ручной настройки. По экрану дисплея медленно побежал тонкий световой лучик. Все ближе, ближе. Вспыхнула яркая голубая точка. Вот оно. Есть. Поймал.

Заромов недоуменно взглянул на координатный указатель — источник звуков была... фотография. Он разочарованно вздохнул и выключил приборы.

Однако это было очень и очень странно. Как может кусок неживого пластика, хотя бы и с изображением человека, даже любимого, заговорить живым человеческим голосом? Что, он превратился в некое «звуковое письмо»? Неужели действовало какое-то таинственное чудодейственное облучение? Но если даже это так, то причем здесь тогда второй голос, совсем незнакомый, чужой, металлический?

Заромов прислушался к нему. Он что-то спрашивал у Эвы, та отвечала. И вдруг Заромов понял, что они говорят о нем, он даже услышал свое имя. Это доказывало, что разговор, конечно же, происходил не когда-то там на Земле, в прошлом, а здесь, сейчас, сию минуту. Вот это да!

Он присел на корточки, положил рядом с собой фотографию, потом наклонился над ней и сразу же заметил: что-то возле нее не так, что-то

иначе. Что именно? Ага, почвы стало почему-то больше, круглые камни сгрудились около эвиного лица и почти засыпали его. Заромову даже почудилось, что они чуть-чуть шевелятся, перекатываются по фотокарточке, разглядывают ее, гладят.

И тут его осенило. Ну, конечно же, это они разговаривают с его Эвой, расспрашивают ее, узнают о нем, о Земле, людях. Это они не дали ему погибнуть. Как же он раньше не догадался? Почва из круглых «камней» — вот, оказывается, что живет в этом «мертвом» мире!

Он опустил на колени, приложил ухо к земле, прислушался. Разговор сразу же прекратился, стали слышны только какие-то шорохи, скрипы, свисты. Потом они начали плотнеть, сгущаться и оформляться в отдельные слова, фразы, мысли. Впрочем, скорее всего, это была даже не какая-то звуковая речь или письменный текст, которую можно услышать или прочесть. Просто в сознании Заромова как-то само собой, сразу и целиком, возник образ этого странного ни на что непохожего мира.

Его обитатели были облачены в самую совершенную, самую оптимальную форму существования материи, шаровидную, в которой не было ничего лишнего, ненужного (недаром, почти все небесные тела — сферы). Но и эти шары представляли собой всего лишь внешнюю оболочку необычного замкнутого мира, обращенного на себя самого, существующего совсем в ином измерении, недоступном для человеческого понимания.

Это была сверхцивилизация самого высшего типа. Она бурно развивалась, но росла невширь, как другие, захватывая все новые и новые планеты, а вглубь, совершенствуясь и утончаясь. При этом она вовсе не отказывалась от связи с остальными мирами. Наоборот, она, как пчела нектар, собирала сведения о передовой технологии и культуре со всей Вселенной. Информация была ее хлебом, углем, нефтью. Любое сообщение, с любой планеты она могла материализовать и преобразовать во что угодно.

Далекая, недоступная для землян, она давно уже научилась общаться с другими мирами без непосредственного контакта. На огромные расстояния через созвездия и галактики посылала она свои сигналы. Жщупавца, которых не были ни слышны, ни видны и не улавливались никакими приборами. Они проникали в сознание людей и незаметно для них разговаривали с ними, вникали в их дела и проблемы. И вот теперь, узнав об обычных человеческих чувствах, коснувшись простой человеческой любви, они, вопреки своим правилам, вмешались в трагический ход событий и спасли мужа и отца тех, кто приветливо улыбнулся им с маленького старого фото.

«Милые мои, родные женщины, — забормотал про себя Заромов, — так это вы не дали мне погибнуть, спасли от смерти». Он поднялся на ноги, спрятал в пластиковый пакет фотографию и вдруг почувствовал, что земля под ним задрожала, грунт под подошвами его сапог вздрогнул, заколебался. Неужели, землетрясение? Неужели обитатели этой планеты, посвятившие его в свои тайны, передумали и решили прервать передышку, которую они ему дали только на короткое время, и он все же умрет?

Нет, это никакое не землетрясение, это свершилось удивительное, невероятное, сказочное чудо. Из темной расщелины в скале медленно поднимался целый и невредимый звездолет. Ярко светились его опознавательные

огни, вращались навигационные радары, уверенно и гулко работали двигатели. Ура, теперь Заромов сможет вернуться домой, на Землю!

Он подошел к кораблю, отомкнул люк и забрался внутрь. В нем все было по-прежнему. Также светились индикаторные огоньки приборов, неярко мерцали голубоглазые дисплеи бортового компьютера, мирно горели лампы основного и аварийного освещения. И только два голых металлических остова пустующих рабочих кресел напоминали о происшедшей катастрофе.

Заромов включил механизм готовности пускового комплекса и взглянул в иллюминатор. Светлорозовый Трайкос теперь уже поднялся высоко над горизонтом, и его прямые лучи осветили планету нежным молочно-оранжевым светом. Черные тени в низинах и расщелинах почти совсем исчезли, и на их месте в лучах восходящего светила блеснули тысячи перламутровых шариков — мудрых и добрых обитателей этой планеты.

Об авторе

Известный в области инженерной гидрогеологии ученый, автор более 110 научных трудов, среди которых несколько крупных монографий и десятки авторских свидетельств на изобретения. Методики и технологии, разработанные Разумовым, вошли во многие справочники, учебники, инструкции и пособия. С их помощью запроектированы и построены водозаборы подземных вод в разных частях бывшего СССР и за его границами.

Кроме того, Г. Разумов долгие годы работает в области журналистики и литературы. Его статьи, очерки, репортажи напечатаны во многих центральных российских журналах и газетах, таких, как «Техника молодежи», «Наука и жизнь», «Огонек», «Новый мир», «Известия», «Независимая газета» и других. Им опубликован целый ряд научно-художественных, научно-фантастических и детских книг. Одна из них — «Тонущие города» — выдержала 7 изданий, 5 из них — на нескольких европейских языках за пределами СССР. В №2 за 2007 г. «Знание. Акила: Фантастика» опубликован рассказ «Космический маяк».

Ныне живет в Лос-Анджелесе.

Владислав Ксионжек

Игры детей младшего школьного возраста

— Ой, пусти руку, мне больно! — заверещал мой сын. Этот заигравшийся шалун только что умудрился облить кота из флакона, в котором жена хранила экспериментальную жидкость для удаления волос.

«Мне больно» — это были ключевые слова. После них мне уже не хотелось применять в воспитательных целях «высшие меры» — брать ремень, веник, прут, мухобойку, по-житечески дать оплеуху, или же завернуть ухо проказника багровым узлом.

По мере того, как жидкость впитывалась, раздражая и воспаляя кожу, кот все громче и все возмущенней мяукал. Бедный зверь! Самое худшее для него было еще впереди. Он пока не представлял, как шипеть на него будут соседские кошки, не признающие в качестве кавалеров плешивых, облезлых котов.

Мы с женой сыну многое позволяли. Ведь он был продолжением нашей породы. Ему передались по наследству неумное любопытство, желание новых, рискованных впечатлений.

Но в последнее время нам стало понятно, что у свободы ребенка должны быть границы. Допустим, такие: делай все, что захочешь, если заведомо знаешь, что страдать от последствий поступков будешь только ты сам.

Пуškai в этом пример берет с нас.

Мы — каскадеры науки. Естествоиспытатели в самом буквальном значении слов: «естество» и «пытать».

Приобщился к нашей работе он еще до рожденья. Прошел вместе с женой (когда мы не знали, что к внутренней полости ее живота уже прилепился комочек активно делившихся клеток) полный курс проверок прижеставок и катализаторов для телекинеза.

Это были очень тяжелые эксперименты. Нас помещали в условия, когда избежать неприятных, болезненных ощущений мы могли в единственном случае — если бы нам удалось силой мысли двигать предметы.

Но зря обжигали нам ноги до волдырей, чтобы мы захотели поднять себя в воздух над раскаленным песком. Напрасно кололи ладони иголками, внушая, что мы можем удержать на весу колючие колобки. Морили без толку голодом, одевая в смиренные рубашки и принуждая в танталовых муках, истекая слюной, вытягивать шеи и губы, стремясь дотянуться до пищи, которую выставляли на стойки. Жодносы — в пяти сантиметрах от рта.

Мы невыносимо страдали, но сверхъестественных способностей проявить не могли.

Хуже всех было жене. Возле кресла, к которому ее привязали, поставили маленький вентилятор, который включался и направлял в ее ноздри ароматы всяких вкусных вещей каждый раз, когда тело несчастной сжималось в конвульсиях голода.

После завершения серии экспериментов изголодавшаяся женщина начала поглощать пищу в невероятных количествах. Все никак не могла насытиться и остановиться. Так что рождение сына прошло для ее фигуры почти незаметно.

Зато наш ребенок — первый в Мировом искусственном экстрасенс.

Он, правда, стесняется своих относительно скромных способностей к телекинезу и не любит их демонстрировать. Предпочитает утверждаться в классе за счет быстрой реакции и хорошей физической подготовки. С его легкой руки уроки превратились в турниры, где главной доблестью было пройти рикошетной цепочкой ударов по ученическим головам.

Каждый раз, когда нас с женой вызывали к директору школы, мы приносили «откупные» подарки: авторучки с металлоискателями (чтобы вовремя находить положенные на стулья кнопки), инфракрасные образатели голоса (для того, чтобы голос учителя вызывал у провинившихся трепетный страх), телескопически раздвигающиеся электроуказки (одинаково эффективные и для обороны, и для нападения на нерадивых учеников), легко впитывающие влагу и быстро затвердевающие мелки (поэтому хорошо снимающие отпечатки пальцев у тех, кто тайно пишет на досках плохие слова).

У нас в запасе было много полезных, пока еще не выпускаемых серийно устройств. Мы делали все, чтобы сына не перевели «играть в вышшую лигу» — во двор.

Но скоро наша жизнь изменилась.

Во время проверки системы жилетов и термоотводов меня ударило током в семь тысяч вольт. Я остался в живых, не превратился в обугленный след на приборной панели только лишь потому, что сверхпроводящий страховочный контур частично проник в меня самого.

Я себя чувствовал чем-то вроде динамомашины, работавшей на холостых оборотах. Энергия, которой вполне бы хватило на освещение многоквартирного дома, бурлила, плескалась и клокотала во мне.

Мое тело с тускло блестящей, как олово, кожей на груди и на животе, долго возили на институтской служебной машине из больницы в больницу. Нигде не хотели меня принимать.

В конце концов, жена пересилила страх за ребенка и разрешила отвезти меня домой.

В кабинете соорудили что-то вроде защитного кокона термоотвода из трех слоев медной сетки. По полу раскатали резиновые дорожки.

Меня положили на глубокий диван и не нашли ничего лучшего, как засыпать «покрывалом» привезенных из института магниторезонансных шариков, которые должны были (все на это очень надеялись) впитать мой заряд.

Я был под неусыпным присмотром приборов, но едва не погиб потому,

что система контроля вышла из строя. В ее контурах удивительным образом замедлилось время.

Шары давно уже стали потрескивать, потом нагреваться и даже подпрыгивать, как на раскалившейся сковородке, а на следящих экранах все было так же, как часа три назад.

Самое время было ставить на мне эксперименты по телекинезу. Не нужно было даже связывать руки. Ведь я пошевелиться не мог.

Мне очень хотелось поднять обжигающие тело шарики силой мысли. Однако и на этот раз у меня ничего не получилось.

Оставалось только ждать, когда начнется пожар, и когда очаг его (вместе со мной) закроет воронка пространственной кривизны.

Что такое воронка? Дыра. Лохматый клочок пустоты. Изолированный сектор пространства. Вроде отсеков на космических кораблях и подводных лодках. Но приводимый в экстренную готовность без помощи шлюзовых камер и переборок.

Недавно я сам испытал этот новый защитный прибор. Возможно, теперь стану первым, кому «повезет» сгореть дотла в черной дыре.

Когда ты вполне готов уже для того, чтобы услышать финальный аккорд, в тебе просыпаются чувства, о которых ты не подозревал. (Которые никто не смог «помочь» тебе разбудить за всю твою жизнь!).

Я ощутил новым шестым своим чувством, что за мной наблюдают. Не то, чтобы дружелюбно, злобно или бесстрастно. ПоЖругому. Как смотришь на сына или в зеркале — на себя.

Нет, скорее, как режиссер на актера. Как поле, луг или степь на былинку, травинку, на чтоЖтѳовсем уже малое, что на них проросло.

Частица высшей силы Природы — ты сам. Этой силе не нужно придужмывать имя и облик. Она может выбрать любую пару глаз для того, чтобы озарить светом тебя.

Мне показалось, что Мир для меня отразился в овальных щелках кошаЖчьих зрачков.

Шарики, поднимающиеся над диваном, начинали светиться. Они были похожи на звездочки или на светлячков. Они кружились, сплетались в созвездья и приглашали включиться в какуюЖтѳмне пока еще не понятную, но увлекательную игру.

Я услышал детский восторженный голос:

— Папа! Вот здорово! Ты умеешь двигать шарики лучше, чем я!

— Как ты здесь оказался? — спросил я, уплывая с дремотным течением звезд. — Уходи. Здесь тебе быть нельзя.

— Мне показалось, что здесь мяукал Пушистик. Я не знал, что ты дома. Можно я с тобой поиграю в шары?

Наверно какоеЖтѳвремя сын ждал моего ответа. А я слишком долго молЖчал. Я забыл, что говорить нужно при помощи слов.

Звезды стали смещаться. Я пытался их удержать, но, очевидно, у сына сил было больше. В какойЖтѳмомент все огни устремились к нему.

Я услышал его легкий вскрик и сразу очнулся от сладкого сна.

Рой горячих сверкавших шаров проглотила дыра. Вместе с сыном. Он ушел «туда» вместо меня.

Кот ухитрился остаться. Он сидел у самой границы лохматого черного «облака», занимавшего угол комнаты почти до самой двери, и внимательно смотрел в пустоту. Так же вел себя, как и на даче, когда садился у всех на виду и с аппетитом следил из «засады» за полетами бабочек или стрекоз.

Руки меня уже немного слушались. Я с трудом дотянулся до рубильника генератора кривизны. Будь что будет! Или спасемся, или все вместе сгорим.

Но ничего не случилось. Дыра продолжала клубиться на том же месте, где раньше.

Я много раз дергал рубильник. Потом, когда, наконец, с учетом «эффекта замедленной съемки» включилась тревога, мы вместе с женой пытались хотя бы немного подвинуть границу дыры. Куда там! Все равно, что руками сместить раскрученный маховик Жирскоп.

Пушистик все время сидел у самого края. Сидел и смотрел, обозначая ушами наверно какие-то звуки, которые были нам не слышны. И вдруг — в ему лишь известный единственно верный момент — взмахнул и ударил когтистой увесистой лапой.

Раздался звук, похожий на «пфЖф». Как будто спустила воздух автомобильная камера.

И все. Ни дыры, ни огней. Вместо них появился наш сын.

О его ноги терся забывший былые обиды Пушистик. Мурлыкал так громко, как будто внутри у него был мотор.

— Папа, мама, вы видели? — воскликнул сын, захлебываясь от переполнявших его чувств.

— Видели что?

— Как я заставил кружиться шары. Они меня слушались! Они такие горячие! Они похожи на звезды!

Я посмотрел в зеленые кошачьи глаза. В них по-прежнему светился далекий, неведомый космос.

Это значит: игра стала жизнью. А жизнь стала чьей-то игрой.

В искривленном пространстве меняться может масштаб. Иногда. Когда, например, на настольном поле фигурки игрушечных хоккеистов расположатся в точности так, как на настоящем большом стадионе. Или когда россыпь искрящихся шариков станет подобной скоплению звезд.

Со мной все почти хорошо. По ночам, правда, чешутся грудь и живот. «Оловянная кожа» сходит чешуйками тонкой фольги.

Шерсть у Пушистика отросла очень быстро. Но пушистой осталась не долго. Ведь в Природе все связано. Если время в каком-то месте замедлится, то наверстает в другом. А если какая-то клетка изволит вести себя вовсе не так, как должна, захапнуть может весь «организм».

Кот постарел. Время на границе черной дыры очень быстро бежит.

Сын к нам вернулся зеркальным. Нет, не покрытым серебряной тонкой фольгой. Зеркальным в том смысле, что теперь у него сердце справа, а печень находится слева. Он ручку держит не левой, как с первого класса, а

правой рукой. Да, к тому же, все норовит писать на арабский манер — от конца строчки к началу.

Он потерял способность силой мысли сдвинуть даже маленький шарик.

Боюсь, он теперь «экстрасенс наизнанку». Мы не ощущаем его новую силу лишь потому, что она от нас далеко. Она ушла в бесконечность, к самым дальним из звезд.

Он ими может играть.

А значит — сбивать их с привычных орбит. Срывать оболочки. Взрывать. Мы этот ужас не видим. Свет сверхновых нескоро дойдет до Земли.

Что еще можно сказать?

Мы из института ушли.

Жена сидит на диете, но продолжает полнеть.

Я вместе с сыном готовлюсь к учебному году. Курс физики в школе вести буду я.

В свободное время от наведения в доме порядка и чистоты мы с повзрослевшим задирой и сорванцом говорим и о звездах, и о шарах несравненно меньших размеров. Например, о планетах. О том, что с их обитателями случится, если кто-то, как несмышленный ребенок, захочет в них чем-нибудь бросить или как-то иначе жестоко с ними сыграть.

Я пытаюсь внушить сыну мысль о том, что любое живое существо — это тоже планета. А иногда и звезда.

Недавно мы показали сыну альбомы с фотографиями, которые снимались за год до его рождения. Он маму на них не узнал. Тогда она была худенькой, стройной, красивой, еще не пострадавшей от грубой, бездумной, невзрослой игры.

Ну а со мной по-прежнему почти все хорошо. Но я инвалид. Не могу летать на воздушных судах потому, что мои остаточные наводки под кожей сбивают их с курса.

Пушистик теперь любит сидеть на коленях у сына. Когда он ему чешет за ухом, кот утробно мурлычет. Я думаю, он уже слышит, что шепчут звезды для тех, кто заворачивает игру. Интересно, что они ему говорят?

Об авторе

Родился 9 августа 1956 года. По образованию — физик-теоретик. Первый опубликованный рассказ — «Мальчик, старик и собака» — вышел в журнале «Химия и жизнь» в 1980 году. Был членом редколлегии и заведующим отделом науки журнала «Техника — молодежи». Публиковал рассказы в общественно-политических газетах, научно-популярных журналах, ежегодниках «Фантастика», переводных сборниках советской фантастики (на английском и португальском) и в «Советской литературе» на немецком языке. С 1993 по 2006 годы был главным редактором журнала «Путь к успеху». В последние годы занимается разработкой программ и концепций т. н. путешествий «на машине времени» — театрализованных корпоративных туров с глубоким погружением в историческую или социально-культурную среду. По-прежнему пишет фантастику.

Татьяна Бонч-Брусиловская

По повестке

Увидев адрес на извещении, Лиза обнаружила, что здание суда находится на углу того самого сквера, в который она заходила ночью кормить лему Жиров. Она брала с собой кусочки фруктов, и звери слезали с деревьев на носом вниз и брали дольки яблок и мандаринов у нее из рук. Они хватали коготками ее ладонь, и она уносила с собой в ночь ощущение их не то обезьяньего, не то младенческого касания.

В суд она явилась слишком рано. Нагулявшись вдоль здания в волне тружеников офиса, уже в ярме белых воротничков и с масками целеустремленности на гладких лицах, Лиза дождалась, когда стрелки часов сойдутся на девяти, и шагнула к раскрытым настежь стеклянным дверям.

В холле уже выстроилась очередь, и офицеры в накрахмаленных голубых рубашках и брюках серого картона разрезали тягучую людскую реку на отдельные ручейки. Лиза шагнула в строй, на ходу доставая из сумки извещение.

— Документы? Какое отделение? — женщина-офицер дотронулась до Лизино извещения устройством в форме ручки, вроде тех, которыми оружают кассирши, и махнула рукой. — Ваша стойка — номер семь.

Женщина за седьмой стойкой строго взглянула на Лизу:

— Будьте добры, сдайте телефон и часы, — сказала она. — Другая техника с собой есть? — Лиза отрицательно мотнула головой, и женщина сложила Лизины часы и мобильник в коробку, выдала ей карточку, похожую на банковскую, только без имени и с длинным номером, и бросила коробку внутрь своей конторки. — Следуйте в зал.

Зал суда был оборудован как лингафонный кабинет. Еще один офицер встретил Лизу у двери и отвел в кабинку, отгороженную от других высокими матовыми стенками. На столе стоял странный толстый монитор, излагающий утренние новости. Две дамы в фартуках, на каблуках и с хорошим маникюром делились друг с другом тайной жарки баранины с овощами. Вскоре дам сменил мужчина, демонстрирующий чудо-кофе-арку, а суд все не начинался. Лизу стало клонить в сон, но склонить голову было неловко, да особо и некуда.

Наконец на экране зажглись ядовитые монные строчки: «Внимание, наденьте наушники и выслушайте сообщение».

— Добрый день, — мягкая струя ровного женского голоса залила Лизины уши. — Мы ценим ваше желание осуществить свой гражданский долг, — голос обволакивал казенные формулировки, мягко засовывая их сразу в мозг. — Сегодня мы начинаем новое дело, и все мы очень обрадованы, как, вероятно, и вы. Возьмите анкеты, которые лежат на ваших сто-

лах, и внимательно изучите их. Когда вы закончите, сдайте анкету нашему сотруднику.

Голос умолк, и Лиза взяла бумаги со стола. Имя, фамилия, адрес, заняЖ тие... Лиза задумалась: бизнесмен, свободный художник, студентЖ вольнослушатель, домохозяйка, временно безработная — что выбрать? Обычно вариант ответа зависел от места анкетирования. «Временно безраЖ ботная» — вывела она на листе в этот раз, как делала в официальных местах. Телефон домашний, мобильный, который они отобрали, фыркнула Лиза и ничего не стала указывать — номера своего мобильного она не знала, и узнать его было не у кого. Звонила ей иногда Маша, но если у нее начать разузнавать номер собственного мобильного, она точно в больницу сдст. И еще Слава, но его Лиза боялась лишний раз тревожить. Имя родственниЖ ка или знакомого, кому следует звонить в случае необходимости, Машка. Соглашаетесь ли вы участвовать в судебном разбирательстве, да. Имя, дата. Лиза отложила бумагу. На мониторе уже мигало новое объявление: «Нажмите старт, чтобы увидеть фильм о судебной системе нашей страны».

На экране возникли картины цветущих лугов, лесных чащ и многолюдЖ ных городов, а закадровый голос объяснял зрителям, как хорошо им живется, когда граждане ответственно относятся к своим гражданским обязанностям. Око камеры сфокусировалось на школах, где радостные детишки сидели на ковре вокруг молодой учительницы, затем — в больницы, где убогие и больЖ ные с надеждой снизу вверх глядели на хирургов в оливковых халатах. Голос за кадром рассказал о здоровом организме, которому нужны добротная еда, физические нагрузки и внимательный, но необременительный медицинский контроль, и об общественном организме, которому также необходимы нагрузки и тренировки, как и организму биологическому.

Камера сместилась в коридоры государственной власти, где министр общественного здоровья докладывал об отсутствии злостных нарушений в стране: никто не залезал в чужой дом, никто не разбивал стекло соседской машины, никто не воровал сумочки и не рвал майки на девушках — все было замечательно. Но министр труда критиковал его как недальновидного солдафона без объемного мышления. Следствием отсутствия нарушений станет атрофия судебной системы, рыдал с трибуны лидер трудоболов, мы должны стремиться к оздоровлению общества, мы должны соблюдать стаЖ тус кво в количестве и качестве нарушений в стране, и тем самым не ослаЖ бить наши антивирусы, наши силы общественного здоровья. И вот министр уже ставил замысловатую закорючку на исторический документ, а диктор радостно сообщал зрителю, что с этого дня каждый гражданин страны на основании честного и случайного выбора может стать участником суда в качестве любого из действующих субъектов. Диктор облегченно выдыхал, а на экране уже улыбался блондин, размышляющий вслух, что он сделает, если обнаружит извещение с круглым гербом в своем ящике. Наконец блондин нашел верное решение — да, он обязательно явится в суд. Блондина сменил толстый негр, убеждающий невидимого комментатора, что быть гражданином страны означает, в частности, и знать свои обязанЖ ности, и делать то, что требует от тебя государство, тем более, что это тебе совсем нетрудно. Девушка с узкими глазами бегала из угла в угол, не в силах

решить, что же скажет ее начальник, если она не явится завтра на работу, но тоже решила идти в суд, как все достойные граждане. А бабуся в инвалидном кресле стремилась быть нужной, и даже вызвала такси, чтобы добраться до суда. Офицеры суда, такие же серокожаные, как и в жизни, разве что чуть четче, встретили ее у входа. Один офицер катил к машине кресло-каталку, усаживал бабуся и вез ее внутрь, а другой рассчитывался с таксистом и объявлял в камеру, что суд будет более чем счастлив возместить затраты граждан, а также кормить их и одевать в удобную униформу. Сдержанный офицер рекомендовал мятущейся девушке сказать своему начальнику, что они все граждане одной страны, которую серьезно разочарует неявка гражданина в суд. Блондину объявили, что за сидение в суде выдается хорошее вознаграждение, а бабушке выдали слуховую систему и личную медсестру.

На следующих кадрах знакомые уже субъекты дефилировали в новых одеждах — на блондине и девушке были деловые ярко-красные костюмы, негр нахлобучил искусственные белые кудряшки и длинную мантию, а бабуся в строгом черном балахоне восседала на инвалидном кресле с донельзя важным видом. Наконец все они, за исключением недужной бабушки, бодро выходили из здания суда, раскланивались друг с другом и радостно объявляли в камеру, как замечательно они себя чувствуют, отдав гражданский долг и избавив страну от нездорового организма. Фильм закончился, на экране возникли названия государственных организаций, благотворительных обществ и частных лиц, сделавших много хорошего для системы общественного здоровья в целом и для создания этого фильма в частности. Лиза отложила наушники. К этому времени анкету у нее уже забрали и выдали взамен новую, целый том в кожаной обложке.

Новая анкета тянула килограммов на шесть, со всей кожей и сто сорока страницами картинок, графиков, таблиц и блокнотом. Отвечайте разборчиво, ставьте знаки крестик, минус или галочка в соответствующих графах... Отвечайте сразу, не тратьте много времени на обдумывание... Давайте искренние ответы... За лживые и неискренние ответы вы ответите в соответствии с законом... Если вам что-то неясно или вы хотите улучшить судебную систему, обязательно сообщите об этом на бланке, который находится в конце анкеты, и мы немедленно рассмотрим ваши советы. Лиза заглянула в конец тома и разборчиво, большими буквами начертила: «Исключите меня из участия в деле», и нажала звонок вызова сотрудника суда, слева на столе. Тишина. Лиза как младшеклассница сложила руки и уставилась в тусклый экран. Через несколько минут над ее столом склонился мужчина в форме. «Ответьте на всю анкету», — сказал он, едва взглянув на Лизины бумаги, развернулся и исчез.

Вздохнув, Лиза склонилась над анкетой. Она отвечала, как было сказано в инструкции, не задумываясь, касалось ли то имени местной кинозвезды, количества колец у Сатурна или даты открытия Америки. В других разделах требовалось указать на карте, где находится Цивитас Солис, Лаггнег и Бразилия. В третьих — выбрать между террористами и революционерами, мятежами и мирными демонстрациями. Лиза ставила галочки, не вникая даже в суть задания, не то, чтобы осознанно выбирать какой-то из ответов.

Отчего нет ответа «не знаю» или «безразлично», обратившись в конец анкеты, добавила она. Что вы видите на этой картинке? Сколько микробов гонореи может разместиться на конце грязной иглы? Нужно ли стерилизовать умственно-совершенных? Разрешить ли эвтаназию? Едите ли вы генномодифицированные овощи? Есть ли у вас аллергия на молоко? Считаете ли вы возможным браки между людьми одного гендерного вида? Не достигшими совершеннолетия? Разных сексуальных ориентаций? Не освященные религией? Кто убил Джона Кеннеди? Кто бреет брадобрея? Кому выгодно искать женщину?

Когда Лиза разогнулась, в зале было тихо. Невидимые галогенные свечи свистели сверху, вызывая детективные ассоциации с черными лентами и желтушными лицами. Натруженно дышал кондиционер, но никаких дружгих звуков — ни дыхания соседей, ни шума автомобилей, ни человеческой речи, слышно не было. Лиза закрыла том и врезалась взглядом во взгляд из-за круглых очков. Ниже очков находились жестко сжатые губы и узкое змеиное тело в серой униформе. Его хозяйка сухо кивнула Лизе: «Идите за мной», схватила анкету и унеслась в сумрак коридора.

На ходу она быстро и неразборчиво, едва ли не разжимая губы, говорила:

— Благодарим, что ответили на нашу анкету. Сейчас я отведу вас в комнату отдыха, где вы смените одежду и обувь. Вы можете сложить свои личные вещи в этот ящик, закройте его на ключ вашей магнитной карточкой. Рубашка надевается завязками назад, обувь возьмите в корзине. Когда смените одежду, сестра отведет вас в вашу комнату. А мы сначала обработаем ваши ответы о кулинарных вкусах и религиозных ограничениях в еде, чтобы доставить вам ужин.

Женщина задернула за собой занавеску, висевшую на выгнутом рельсе над головами, и оставила Лизу одну. Та разделась до белья, сложила одежду в ячейку со знаками z3185157, как на ее ярлыке, и надела отутюженную рубашку до колен. Она оставила на руках семь серебряных колец, а на шее — дракона, держащего в когтях матовый кругляш. Занавеска дернулась и отъехала в сторону, открывая девушку со светлыми, собранными в хвостик, волосами.

— Готовы? — девушка улыбнулась ей грустной улыбкой Вергилия, готового вести новичка во тьму.

Они шли изогнутым коридором, между задернутыми и раскрытыми занавесками, и остановились у двери с электронным замком.

А через коридор от железной двери, за высокой стеклянной стеной был сад. Лиза не могла оторвать взгляд от морщинистых стволов, уходивших в неведомую вышину, от кустов цветущих акаций, в которых неслышно галдели зеленохвостые лорикиты. Девушка с хвостиком тем временем дотронулась до двери магнитной картой, и та бесшумно отъехала в сторону, открывая лифт с рядами гладких клавиш на зеркально-металлической стене. Девушка нажала G3, и лифт тронулся, так мягко, что неясно было, вверх ли они едут, вниз ли. Дверь открылась в точно такой же холл, только на месте скрытого за стеклом сада тут белела штукатуркой стена с квадратным аборигенского рисунка. Девушка уже уводила Лизу новым коридором.

ром, выложенным красным ковром, как в средней руки отеле, и все той же картой открывала дверь.

— Отдыхайте, ужин у вас на столе. Если вам что-то будет нужно, нажимайте знак вызова.

— АЖа. — начала Лиза, но девушка уже защелкнула за собой дверь.

Лиза обернулась внутрь комнаты, обставленной как аккуратный гостиничный номер — ванная, гардероб, стол, стул, кровать. На столе чайник с растворимым кофе, чай и кусочки сахара, кондиционер на одной стене, маленький телевизор на другой. Лиза раскрыла кремовые занавески и дернула ручку жалюзи. В раме окна оказалась только матовая металлическая стена, вроде той, что была в лифте. Лиза задернула занавески и села за стол, где ее уже дожидался набор бумажных коробочек. Она с минуту смотрела на мясо в густом соусе, а затем закрыла белую коробку и включила чайник. Телевизор гнал нечто высокохудожественное, в течение десяти минут Лиза смотрела на утомленное лицо мужчины, ворочающегося на кровати и тяжело вздыхающего во сне, а затем ее глаза тоже начали закрываться, и она выключила ящик.

Разбудил ее долгий звонок. Она лежала на кровати, завернутая в овечье одеяло, в ровном белом свете, заливающим комнату из неведомого источника. Звенело из небольшого динамика над кроватью, но как только Лиза, зевая, села, звон закончился. Она убрела в душ, а вернувшись, нашла на столе завтрак, такой же незамысловатый и обильный, как и ужин. Лиза добросовестно ковырнула ложкой овсянку, съела йогурт и залив ложку кофе скворчащей водой, уселась в углу, держа чашку двумя руками и тихонько отхлебывая, стараясь согреться. Через три чашки кофе дверь открылась, и вошел улыбчивый мужчина лет сорока в свободном зеленом халате с резиновым шлангом, обвивающимся вокруг волосатой шеи на манер декадентского шарфика. Следом за ним вошли две толстенькие медсестры, катящие раскладушку с системой искусственного дыхания и тумбочку с монитором.

— Здравствуйте, дорогая, я — судебный врач, — сказал мужчина, дотрагиваясь ручкой до Лизиного номера, — мы сделаем вам несколько замечательных анализов, узнаем, не страдаете ли вы серьезными заболеваниями, которые могут осложнить работу суда, и найдем, как мы можем вас вылечить. У вас нет аллергии? — Лиза отрицательно мотнула головой. — Отлично! Тогда залезайте.

Лиза улеглась на раскладушку. Одна из сестер бойко вколола в ее руку иглу, забрала несколько кубиков крови, а другая ввела в ту же иглу, торчащую из Лизиной вены, синеватую жидкость, и Лиза наконец ощутила, что согревается.

— Я улетаю, — медленно сказала Лиза в улыбающиеся лица медсестер. Когда она открыла глаза, на нее смотрел немолодой китаец.

— Вы слышите меня? Кивните, если да.

Лиза кивнула. Китаец снял черный жгут с ее руки, заглянул ей в глаза и, бросив: «Одевайтесь и ждите тут», вышел, задернув за собой желтую занавеску.

Лиза лежала на высокой раскладушке, одетая в ту же рубашу без рукавов

и с завязками сзади, а рядом на тумбочке была сложена новая одежда. В голове у нее шумели волны и тонули корабли, и она с трудом встала, чтобы влезть в широкие черные брюки с застежкой на боку и рубашку с двумя нагрудными карманами. На левом карману уже был врезан знакомый номер: z3185157.

Девушка с хвостиком, видом — родная сестра вчерашней Лизиной Вергилии, отдернула занавеску.

— Идемте, — кивнула она Лизе.

Двери лифта раскрылись в стеклянное окно сада. Солнце все так же светило сквозь узорчатые листья, и лорикиты клевали мохнатые желтые гроздья. Лиза вжалась в стекло, ладонями вокруг лица отгораживая для себя кусочек дня, но девушка мялась и кашляла сзади, и Лиза оторвалась от сада, в который не вела ни одна дверь.

Кабинет в углу коридора уже раскрывал зубастую замком дверь, и красный язычок ковра вел Лизу к столу куратора.

— Добрый день. Благодарю, что ответили на нашу анкету, — сказала куратор, глядя Лизе в глаза. — Ваши рекомендации будут рассмотрены и учтены в нашей работе.

Она листала страницы анкеты, не сводя с Лизы узких черных глаз.

— Вы отметили, что хотите отказаться от участия в деле. Вы, конечно, знаете, что сохранение общественного здоровья является обязанностью каждого гражданина страны. Вы имеете возможность отказаться, если назовете веские доводы, как то серьезные недостатки здоровья, физическое и ментальное, религиозные или моральные ограничения, или же личные отношения с другими участниками суда. Назовите ваши доводы сейчас, и мы тщательно обсудим их.

Лиза молчала.

— Результаты обследования, — объявила куратор, — выявили, что ваше здоровье в норме. Мы сделали вам необходимые анализы и осуществили санацию ротовой и вагинальной области. Небольшой кожный гнойник санирован, легкие вентилированы, кишечник очищен, — она безучастно смотрела, как краска заливает лизины щеки. — Разумеется, все обследования сделаны безвозмездно, это одно из условий свободного участия гражданина в судебной отрасли. На время суда государство берет на себя ответственность за ваше физическое и душевное здоровье. Вам также будет выдаваться материальное вознаграждение за каждый день, который вы будете осуществлять здесь свои обязанности. Вознаграждение начисляется в соответствии со средним национальным заработком. Вас будут снабжать всем необходимым, а также доставят личные объекты, которые вы закажете на этом бланке. Газеты, интернет и стелларкомм — исключены на время суда. Также и общение с родственниками, знакомыми и другими людьми и животными не разрешается, чтобы не воздействовать на течение суда. Но вы можете смотреть телеканалы, а также заказывать в любом количестве книги, музыкальные диски и фильмы. Обычно заказы доставляются на следующий день, в случае редких объектов возможна задержка до двух недель. Вам все ясно?

Лиза кивнула.

— Тогда заполните.

Женщина вытащила листок с краткой формулой: «Я... (Лиза аккуратно вписала свое имя и фамилию), сознательно и добровольно участвую в осуждении регулирования общественного здоровья, действуя в соответствии с законами страны, которые я уважаю и соблюдаю». Имя, дата.

— А какое сегодня число? — задумалась Лиза.

— Двадцать седьмое, — ответила куратор, и Лиза осознала, что находится в суде на день дольше, чем думала — то ли вначале она дрыхла целый день, то ли наркоз вывел ее из сознания больше, чем на сутки, но день куда-то исчез. Она указала число, как было сказано, и отдала листок куратору.

— Хорошо, — сухо кивнула та. — Ждите тут.

Она собрала бумаги, сухой твердой ладонью сжала Лизину руку и вышла из комнаты.

Дверь тут же открылась снова, и в комнату задом зашел человек в джинсах и черной майке, катящий массивный штатив с электрофонарем. Вслед за ним втиснулся другой человек, с камерой, и влетела кудрявая девица в рубашке делового кроя, едва закрывающей ее зад, ошерившийся зубьями гофрированной миниюбки. В длинных алых ногтях девица держала головку микрофона. Человек в джинсах установил белый щит и включил фонарь, отчего Лиза сразу утратила зрение и растерялась. Она брела горячими барханами, солнце жгло ей левую щеку, а над другой ее щекой стервятником верещал незнакомый визгливый голос:

— Мы находимся в камере суда, где вот-вот начнется слушание дела гражданки Л., имя которой не разглашается в интересах общественного здоровья, обвиняемой в совершении актов насилия, суть которых также не разглашается в соответствии с законом. Мы имеем возможность узнать у самой обвиняемой о чудовищных нарушениях, которые она совершила.

— Возражаю, — в свет фонаря шагнула дама в деловом ярко-красном костюме, точно таком же, как у журналистки, разве что вместо гофрированной юбки на ней были атласные минишорты, — до начала суда вы не можете называть вероятную обвиняемую обвиняемой. Вы можете говорить с ней, а вы, — дама обернулась к Лизе ухоженным лицом, — можете ей не отвечать, что я, как вероятный адвокат вероятной обвиняемой, и рекомендую вам делать.

Стоя боком к камере, дама сжала Лизину руку в гроздьях бриллиантов, мечущих разноцветные лучики во все стороны. Дама энергично встряхнула Лизину руку и объявила:

— Да, дорогая, я — ваш адвокат. Я обладаю необходимой квалификацией и назначена вам государственной комиссией. Вы можете дать мне отвод, в таком случае комиссия назначит вам другого квалифицированного адвоката. Вы можете совсем отказаться от адвоката и защищать себя самостоятельно, но этого я вам делать не рекомендую. Вы можете не вслушаться в мою рекомендацию и настоять на своем решении, в таком случае я слагаю с себя обязанности адвоката и оставляю вас.

Дама еще раз улыбнулась в камеру и шагнула вон.

Девица снова затараторила в микрофон:

— Уважаемые телезрители! Вы только что видели, как обвиняемая отка-

залась от государственного адвоката. Что это — наивная уверенность в собственной невинности или злостная несговорчивость общественно-нездорового элемента? Скоро будет видно. А сейчас, — девица взглянула в сторону открытой двери, — сюда идут вероятные судьи, и на данной стадии телевидение оставляет их наедине. Мы вынуждены оставить обвиняемую, но мы не расстаемся с вами. Наши коллеги в данный момент находятся в комнате вероятной судебной коллегии, и сейчас вы будете наблюдать эксклюзивный момент встречи этих людей, в руках которых находится решение судьбы нашей обвиняемой, то есть, я хочу сказать, — мигнула в сторону камеры девица, — вероятной нарушительницы общественного здоровья.

— Снято, — объявил человек с камерой.

Его коллега выключил фонарь, и они в момент выскочили из комнаты. У двери девица обернулась к шурящейся им вслед Лизе и мигнула и ей тоже.

А в комнату уже вкатывались объемистые мужчины в тогах и с академическими седыми кудряшками. Они строго смотрели на Лизу из-за круглых очков, неразличимые как Тру-Жа-Жа и Тра-Жа-Жа. Дождавшись, когда тележизнионщики закроют дверь, один из толстяков зайвил:

— Вам следует выбрать судью, ведущего ваше дело. В соответствии с законом, судьи должны явить обвиняемому всестороннюю информацию о себе, так что будьте внимательны.

Он сделал шагок назад, расстегнул крючок у шеи и сбросил тогу. Остальные судьи моментально сделали то же самое. Лиза уставилась на окружившие ее животики в обтягивающем шерстяном белье, уронила глаза к клетчатым гетрам со строгими черными лентами на жирных волосатых ногах.

— Итак... — осведомился Тру-Жа-Жа, — кого из нас вы выбираете?

Лиза, зажмурившись, ткнула в кольцо судей наугад.

— Очень хорошо, — объявил судья, — вероятная обвиняемая совершила свой выбор. Судья, имя которого не разглашается в интересах закона, избран. Ваша честь, — он ткнул считывающей ручкой в одного из толстяков, — мисс Л., — и в Лизу.

В комнате зашуршало и вскоре стихло. С минуту Лиза открывала и снова с силой зажмуривала глаза, стремясь сбросить с сетчатки тошнотворную картину. Затем она встала и шагнула к оставленной телевизионщиками технике. Камера тихонько жужжала.

— Не трогайте!

Человек в джинсах скакнул от двери к глазку камеры.

— Ну как? — девица в красном вытягивала шею из-за косяка двери. — Нормально?

— Отлично! — объявил тот, — темновато, конечно, но ничего, вытянем.

— Молодец! Давай сделаем еще вводную отсюда, тоже в темноте, а в студии смонтируем.

Человек кивнул, и девица начала:

— Дорогие телезрители, мы готовим для вас эксклюзивные кадры выбора вероятного судьи. Этические соображения, а также требования закона, не дают нам возможности продемонстрировать обвиняемую и судей обнажен-

ными, так что мы вырезали часть сцены из нашего отчета. Тем не менее, на время демонстрации этого эксклюзивного материала мы умоляем вас убеЖдаться, что вместе с вами его не смотрят несовершеннолетние дети.

— Снято! — человек остановил камеру. — Нехило закрутила!

— А то! — девица гордо ухмыльнулась.

— Вы уже закончили? — в комнату вкатилась толстенькая, густо накраЖшенная дама.

Телевизионщики кивнули ей на ходу, складывая оборудование.

— Обождите! Я должна сделать официальное объявление, — дама тряхЖнула овечьими кудряшками.

Ее бюст тяжело вздымался от волнения, разрывая отвороты казенного костюма. Телевизионщики остановились.

— Дорогая, — дама обдала Лизу ароматом засохших ландышей, — ты еще так молода, ты не должна страдать ни за что. Народ выдвигает для тебя общественного адвоката, то есть меня, — дама улыбнулась в Лизу сотней искрящихся золотом зубов, — совершенно даром. Ни о чем не думай, дороЖгуша, отныне ты в надежных руках.

Она развернулась к камере:

— Вы сняли это, дорогуши?

— Мы обязательно сообщим о вас в утреннем телеэфире, — журналистЖка изобразила на лице абсолютную искренность.

Толстуха вздохнула.

— Ну что ж, — она выкатилась вон вслед за телевизионщиками, оставив Лизу одну в темной комнате.

Лиза обошла комнату, вытянув руки и все равно разбив коленку о стол. Дверь была закрыта на замок. Она отыскала в темноте стул и села, замедля дыхание и считая время ударами сердца. Сначала она стала считать нестанЖдартные английские глаголы, затем — французские. Глаголов оказалось удивительно мало, но читала Лиза с трудом, так что хватило ей их надолго. Она решила было читать стихи, но только расстроилась. А обрывки из книг и фильмов оказались в ее голове такими зыбкими, что даже собирать эти мутные клочья воедино смысла не было. Она остановилась, решив, что внутри у нее так же темно, как и снаружи. И от этой мысли ей сразу стало легче. Ее не ждет ничего хорошего, решила Лиза и, оставив надежду, расЖслабилась и задышала легко и ровно. Время текло сквозь нее без возмущенЖний, как высокая вода сквозь кругляшки на дне реки.

Затем, сколько бы это «затем» не длилось, дверь раскрылась и в сияющЖщей арке возникла фигура девушки с хвостиком.

— Идемте, — сказала девушка, — время.

Лиза шла мимо застекленного садика, через жемчужноЖсерый ковер, устилавший долгий коридор, к двустворчатой деревянной двери, где их встретил охранник в серой форме. Он дотронулся до значка на Лизиной груди и сделал ей знак зайти внутрь.

Зал был в точности такой же, в каком Лиза слушала начальный инструкЖтаж, давнымЖдавно, когда все только начиналось — ряды застекленных коробок с мониторами на столах, отгороженные друг от друга высокими матовыми стенками.

— Введите ваш идентификационный номер и наберите слово COURT, — светилось на экране ее монитора.

Лиза вбила заученный наизусть номер. На слово COURT из наушников заиграла мелодия, и на экране возникли слова.

— Ожидайте, когда все участники войдут в систему.

Сложив руки на столе, Лиза смотрела в экран. Наконец на нем возникла новое сообщение: «Идет выбор участников суда, — и тут же, — дорогой участник z3185157, равновероятный случайный выбор не остановился на вас. Благодарим вас за участие в работе системы регуляции общественного здоровья. Выслушайте звуковое сообщение».

Мягкий женский голос уже тек из наушников:

— Возьмите нашу анкету, которую вы найдете на столе. Оцените работу сотрудников суда и оставьте свои советы, и мы обязательно учтем их для улучшению нашей работы.

Лиза достала листки, быстро расставила крестики во всех наилучших графах и нажала вызов. Тут же, словно она того и ожидала, стена уехала в сторону, открывая сияющее лицо охранника. Он счастливо улыбался и тархтел без умолку:

— Ну что, здорово небось, на свежий воздух выбраться? Жто Рада, что не тебя выбрали? Жаль только, обрили, ну да волосы ничего, волосы отрастут, главное — жива осталась, да? — он улыбался и улыбался и даже слегка обнял Лизу.

Она молча следовала с ним: к лифту, мимо неслышно голосащих лориЖ китов за стеклом, в загончик с ее вещами. Охранник обнял ее еще раз, чмокнул в обе щеки и вышел. Лиза сменила широкую тюремную одежду на свои джинсы, свиристящий кондиционер холодил затылок, но это действиЖ тельно было не важно. В коридоре, огороженном извивами желтых занаЖ весок, никого не было. Лабиринтом между ширмами Лиза вышла к узкой ленте эскалатора, медленно движущейся вверх. На наземном этаже в стеЖ клянной будке сидел охранник, не обращающий внимания на Лизу, а за ним за высокими стеклянными дверями гудела улица. Лиза миновала охранника, шагнула в лакейски разъехавшиеся двери и вышла на свет.

Об авторе

Прозаик, переводчица, визуальная поэтесса, филолог, исследовательница литературА ного и художественного авангарда. Родилась в Симферополе. Закончила Московский физикоАтехнический институт и французский университетский колледж. Работала в Объединённом институте ядерных исследований (Дубна), издательствах «Мастер», «Свента», «Грантъ». Кандидат филологических наук. Член исполнительного комитета International Symmetry Association (ISA). Автор учебного курса комбинаторной литераА туры (гуманитарный факультет МФТИ). Организатор Первого австралийского фестиваля русской литературы «Антиподы». Автор многочисленных публикаций (проза, визуальная поэзия, переводы) в России и за рубежом, книг прозы «День рождеА ния» (1998) и «Мартовские мозаики» (2002). Гражданка Австралии и России. В №1 за 2008 г. «ЗнаниеАсиа: Фантастика» был опубликован рассказ «Выбор Елены».

Андрей Маслов

Будни Б.

Я вам прямо скажу: надоело мне это все. Каждый раз — одно и то же, и взглянуть не на что.

Просыпаешься неизвестно когда, неизвестно где. И тела своего не чувствуешь, будто и нет тебя вовсе. Темно, хоть глаз выколи. Встаешь, бьешься головой об потолок, чертыхаешься. Руку протягиваешь — дудки, потолка уж и нет, и был ли — науке неизвестно. Выходишь.

Идешь по улице, — да и не улица это вовсе, так, название одно: узкий темный коридор, повсюду — куча закрытых дверей, и больше ничего не видно. Хочется иногда зайти туда, посмотреть, может, хоть там что-нибудь новенькое есть, — а накося. Говорят, эти двери он закрыл, чтоб не шокировать слишком. Хотя кому тут говорить, выдумал я все. И палишься все время в темноту, пока идешь — даже страшно становится.

Доходишь до конца — тут-то она и есть, эта дверка. Такая же, как те, только всегда свежая, будто только сделанная. И открытая. Заходишь, включаешь свет. Здесь свет даже не как у людей. Жмешь кнопку — вспыхивает посреди комнаты, попробуй только не зажмуриться, и потом постепенно гаснет, гаснет, разъезжается по комнате. Второй раз нажимать нельзя, да и не надо: как-то до конца рабочего дня хватает.

Открываешь глаза, принимаешься за работу.

Знаете что? Сначала даже интересно. Берешь инструмент — что-то вроде кисточки для бритья, садишься и начинаешь сметать пыль в одно место. Сметешь — и, гляди, появляется заготовка. Такой малюсенький свежий шарик, как лампочка на елке, только еще меньше и мерцает. Суешь его в холодильник, пусть остынет побыстрее, а то смотреть больно, а потом — на стол, под микроскоп. Таких микроскопов, как у меня, свет не видел. Увеличивает во сколько хочешь раз, вплоть до самой маленькой микропесчинки. Завидуйте.

Интересно даже тогда, когда его обрабатывать начинаешь. Крохотные приборчики — и вот тут гора, тут море. В итоге получается что-то вроде модели. Это выходит быстро, за полчаса где-то, хотя вроде бы для самого шарика, с его шариковской точки зрения, преобразования самые что ни на есть кардинальные. Ему, глупому, не понять, что чем меньше инструмент, тем им работать сложнее и дольше, и ценнее работа получается. Ну да куда ему, безмозглому...

С горами заканчиваешь... и вот тут начинается. Точнее, тут даже тоже вроде ничего. Создаешь что-то вроде нанокрошечных песчинок, только посложнее. Программисты называют это «триггер»: простейшая программа, делающая какое-нибудь одно дело, направленная на одну функцию.

Никогда не увлекался программированием, но, говорят, что если бы триггеры не могли создавать сами себя, сложных программ никогда бы не было. Ну и у меня все примерно так же. Эти триггерчики движутся, движутся, пока что-то в них не замкнет. Бывает по-прежнему — или они между собой столкнутся, или на горку налетят — но тут же они выдают, если уж сравнивать до конца с компьютерами, случайные наборы сигналов. Ясное дело, ничего эти наборы сделать не могут, так и плавают мертвым грузом. Но в один прекрасный миг, не без моей помощи, появляется такие цифры, которые отличаются от создавших их триггеров и могут создавать новых. Это... как его... Плохая у меня память на латинские слова. Назовем это «совершенствование».

Как только появляются первые такие штучки, дело идет гораздо быстрее. Им уже неважно, помогаю я или нет, они вроде как «сами разберутся». Я однажды провел опыт — действительно оставил их в покое. Они до того разобрались...

Ну, появляются триггеры, питающиеся светом из комнаты, потом те, кто едят тех, кто питается светом, и те, кто едят тех, и так далее. А потом — самое ужасное. В какой-то момент программы начинают думать! Вернее, сначала они думают, что думают, но это уже что-то. И одной из первых своих мыслей они обнаруживают меня! Не знаю, как у них выходит, уж сколько голову ломал. Главное, по-прежнему получается, что они меня выдумали. Было бы смешно, если бы не было странно и неприятно. Меня — и выдумать. Дичь...

Потом все начинается по сценарию — полный содом. Первое деяние этих страшно усложнившихся деталек можно считать самым гениальным. Отныне усложнение только измельчает — почему-то они решили, что чем мельче кластеры в программе, тем лучше. В этом они недалеко ушли от безмозглого шарика. Они так до конца не понимают, что частей всегда одинаковое количество, и своим делением они делят не вместилища для информации, а саму информацию, которая от такого обращения разлетается в клочья, превращаясь в цифровую бессмыслицу первых триггерных «детей».

Не так много времени проходит, и какому-то придурку приходит на ум, что меня нет. Раньше я от таких заявлений бесился — брал здоровый, относительно шарика, молоток и вгонял им метеорит между глаз, или сносил парочку городов, чтоб неповадно было. Но сейчас я понял две вещи: во-первых, на тупые сочетания цифр не обижаются, а во-вторых, конец света в миниатюре их ничему не учит. По их собственным словам, их может научить только нормальный, настоящий конец света... Бред наподобие «смерть рассудит». И убеждать я их пробовал — через «засланных казаков», с трудом составленных мной триггеров, которые все делают правильно, как надо... Я и сам не замечаю, как их кто-нибудь съедает, и следа не остается. Такое ощущение, что дотронешься до шарика пальцем — палец тоже съедят.

И вот, начинаются между ними дразги. Они уничтожают друг друга сначала тысячами, потом миллионами и миллиардами — я забыл сказать, что они бесподобно быстро размножаются, — и все это время — усложняются

и дробятся, усложняются и дробятся. В конце концов в разрезе такой проЖ граммунчик выглядит как тригонометрическая каша, ночной кошмар математика. И в такую же кашу они превращают шарик, недавно так ярко и весело сверкавший, а теперь серый и угрюмый, как погасшее солнце. Через пару триллиардигов их жизней мне это надоедает, я возвожу очи кверху и картинно восклицаю: «Может, хватит?» Молчание. Не хватит. Рабочий день продолжается по расписанию.

Тут возникает какойЖтеоретик, который, воспитанный поколениями и поколениями дурней, твердивших, что я — не более чем бабушкина сказЖ ка, высказывает желание отправиться за пределы комнаты. Насчет того, что там находится, у него, понятное дело, никаких идей нет, да и правда, какие у безмозглых триггеров идеи. Чаще всего для осуществления такого грандиЖ озного проекта предлагают выплавить весь металл из шарика, чтобы было, где лететь, и переработать всю воду, чтобы было, на чем лететь. Бывали вариации, но это неважно. Важно то, что с третьейЖчетвертой попытки такой план принимается — и осуществляется. Здоровенная махина с циферками на борту поднимается над шариком и отправляется в небытие. Что с ней дальше бывает, я проследить не могу. Самые удачливые, наверно, разбились об стену.

А на опустошенном полигоне остаются грустные теоретики. Взорвав парочку бомб, убив еще несколько миллиардов себе подобных и поняв, что ничего из этого хорошего не выйдет, они садятся и думают. И тут один умник поднимает виртуальный палец вверх и говорит, что теперь он сам будет делать триггеры, какие захочет. В первый раз, когда я такое услышал, меня это страшно разозлило, и жизнь мира на этом прервалась. Но наруЖ шать генплан нельзя, и в другой раз я стерпел и досмотрел, чем все кончиЖ лось.

Триггеры действительно научились с легкостью исполнять то, что я делал с трудом, — моделировать самих себя. Отныне все цифры в них стали правильными и непогрешимыми, их не могла уничтожить окружаЖ ющая среда и они сами, и ум теперь стал острее, и силы прибавилось. Тут и получилось, что на высшей ступени развития цивилизация программ вернулась в самое начало — они функционально стали такими, какими их сделал я — хаотично движущимися и конфликтующими. Только теперь они были в тысячи раз сильнее, а вмешиваться и помогать им выгresti я не собирался — всегда нутром чую, когда скоро домой идти, хоть и часы с собой не ношу. И один из подобных конфликтов — случайное столкновеЖ ние нескольких частиц — поставил точку. Буквально за мгновение шарик чернеет, потом краснеет, покрывается трещинами и взрывается, обжигая не убранные вовремя пальцы и ослепляя меня, пялившегося на апокалипЖ сис в микроскоп. Оглядываешься вокруг — мириады лампочек почти все погасли — столкнулись со стенами и исчезли. Центр тесной комнатки еле мерцает. Пора возвращаться.

Идешь обратно — уже не так темно. Не знаю, как объяснить, но от меня самого на обратном пути идет мягкий свет. Может, я чтоЖтвроде фосфора, впитываю энергию, а потом выпускаю?.. Двери вокруг такие же закрытые и неприветливые. Однажды мне почудился изЖзодной из них душераздираЖ

ющий крик... нет, точно почудился. Если за работу *он* берется, то тут и триггер не проскочит.

Приходишь домой — светло, хорошо. Дом — как дворец. Повсюду свежие тильники... Одним словом, обустроился, как худшие из программ — с помжпой и без смысла. Ну, хотя бы удовольствие получить. Пару часов барахтаюсь в джакузи, поглощаю омаров под трюфельным соусом, редкие вина, диковинные коктейли, смотрю старые фильмы. Уставший, падаю на здоровую кровать под балдахином... И налетают думы. Вдруг все становится таким бестолковым, бессмысленным... Зачем я работаю? Где я вообще нахожусь? И кто я? Откуда я? Самое удивительное, что я на тот момент уже слишком умотанный, чтобы посмеяться над собой, сравнив с теми лилипутами: они рассуждают так же. Называют это «вечными вопросами», а их вечность пройдет, пока я моргну перед микроскопом.

Чаше всего я мучаюсь над одним вопросом: зачем я *ему*? И зачем ему эта работа? Бог знает, что *он* делает с этими шизофреническими мирами. Проснешься — опять темень, и все начинать сначала, и ничего нет, как будто бы и не было. А кто сказал, что вообще что-то было, если всегда одно и то же? И кто меня заставляет так жить?..

Нет, я вам точно скажу: надоело мне это все. И *ты* мне надоел. Я, прижзнаюсь, тебя ни разу не видел. Может, ты не такой, как я думаю?.. А, может, тебя и вообще на свете нет?

Об авторе

Родился в 1992 году в Москве. Учится на первом курсе переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета. Пишет реалистическую и фантастическую прозу, стихи, критику. Публикуется в Интернете. Увлекается интеллектуальными играми, победитель многих игр «Что? Где? Когда?»

Величка Настрадаинова

Мадемуазель Ведьма

И по сей день верю, что ничего подобного бы со мной не случилось, если бы не мое молчание. Причем вынужденное. Потому что я музыкант. А когда играешь по семь часов в день, тут уж не до разговоров. Если ты молЖчалив по природе — еще куда ни шло; другие привыкают, у меня же в голоЖве роятся столько мыслей, что если их не выпустить на свободу, не подеЖлиться ими с кемЖибудь, они будут давить одна на другую, деформиРоЖваться и в конце концов голова начнет походить на гранат, битком набитый сдавленными со всех сторон зернышками. При малейшем ударе они лопаЖются, истекая соком. А от избытка мыслей, как известно, бывает, что и с ума сходят.

Итак, я играл сонаты Вивальди, Корелли, Тартини и других старых мастеров, и тем временем у меня возникала греза, которую, пожалуй, не каждому объяснишь. Я очень отчетливо видел, как иду коридорами какогоЖто замка, неся на плече старинный инструмент, кажется, лютню. Меня ведут играть для умирающей королевской дочери, которая пожелала послуЖшать музыку. Меня вводят в просторную полутемную залу. На высоком ложе лежит на подушках она, в глазах ожидание. Я играю, смотрю на нее, упиваясь ее красотой, стараясь вобрать в себя ее образ, потому что она преЖкрасна. СеребристоЖрусые волосы рассыпались по подушкам, сбегая волЖнами до самого пола; от грустных глаз и горьких морщинок над бледными губами веет непостижимым очарованием.

Мне хочется хоть какЖтоЖкрасить ее печальный конец, и я играю песни, которых никто никогда не слышал. Сквозь слезы я вижу, как трепещут у нее на устах какиеЖто слова, но я различаю только одно. Я не знаю, мое ли это имя или какоеЖто пасквовое слово, но чувствую, что смерть гдеЖто совсем рядом, и я играю...

Когда это видение являлось мне на концерте, я вздрагивал от аплодисЖментов — что за отвратительно варварский способ пробуждения! Думаю, что в один из таких моментов я получил небольшой тик, от которого порой подергивается у меня левая щека.

Мне вечно чегоЖо не доставало, а ведь, казалось бы, все у меня было — признание, слава, деньги, красивая подружка, изЖа которой мне завидовали и, возможно, потому она гордилась какимиЖо своими достоинствами, как их я и по сей день не могу в ней открыть, и, право, не знаю, что ей дало осноЖвание вообразить, будто я чемЖо лучше других. Она осыпала меня заботами, а, поЖоему, нет положения более жалкого, когда женщина осыпает тебя заботами — носит фруктовые соки в антрактах, допытывается, не вспотел ли ты, удобен ли тебе новый фрак. Да что ей за дело, удобен ли мне фрак?

Нет, мне в самом деле чего-то не хватало, и после концертов, когда ко мне подходили с поздравлениями и говорили, что я играл с неизъяснимой проникновенностью, я испытывал несказанную скорбь. Меня не оставляла мысль, что когда-нибудь я умру, меня позабудут, и никто так и не узнает, как мне чего-то не доставало, как мне было грустно, и никто не прольет слез сожаления. Кстати, я не переношу сожалений — более того, глубоко обижаюсь, когда меня жалеют. Выходило, что пока я жив, я не хочу сожалений, а когда умру — хочу, чтобы обо мне сожалели, причем долгие годы после моей смерти. Так же, как теперь мы жалеем Перголези за то, что он умер таким молодым, или Моцарта — за то, что был несчастен в любви.

Бывали и другие странные вещи. Слушая «Дон Жуана» Рихарда Штрауса, я представлял себе, как несусь на коне во весь опор навстречу новым приключениям, карабкаюсь по шелковой лестнице в будуары неведомых краев и погружаюсь в их кружевные объятия. Но еще сильнее действовала на меня порой живопись. Я ужасно мучился от того, что не могу побеседовать с кардиналом Ипполито Медичи, поцеловать Лусию Бермудес и погрузиться в моря Айвазовского.

Согласитесь, такое состояние не нормально, и я решил посоветоваться с врачом, но в тот самый момент, когда в голове оформилась эта мысль, я услышал далекую музыку. Это был траурный марш, несомненно. Но почему он звучал так издевательски насмешливо? Печально и насмешливо. Будто кто-то насмехается и над смертью, и над печалью, и надо всем, достойным уважения на этом свете. Звуки доносились откуда-то издалека, но в них была невероятная сила, и я пошел на них, как идут во сне, когда не можешь дать объяснения своим поступкам.

Сначала мне послышалось, будто музыка отдаляется, потом — что она где-то рядом, витает вокруг, и только я остановился, колеблясь, идти ли мне дальше, как в конце улицы показалась процессия. Гроб был открыт. Издалека (у меня острое зрение) я увидел, что на глазах у покойницы черная повязка, а когда процессия приблизилась — что она молода и очень красива. Когда же она совсем поравнялась со мной — что у нее те же черты, что и у героини моего видения, умирающей королевской дочери. Наверное, я побледнел, а может, даже пошатнулся, потому что какой-то прохожий бросился ко мне, поддержал и спросил:

— Вероятно, вы знали покойную?

— Нет. А кто она?

— Гм. О ней говорят необыкновенные вещи... Пожалуй, нехорошо повторять слухи...

— Скажите, прошу вас!

— Но это невероятно. Невероятно и то, что эта молодая и красивая женщина была доктором биологических наук и профессором психиатрии. Ходят слухи, что она занималась экспериментами, на которые не решился бы ни один ученый, что ее исследования были во вред человечеству. Она погибла во время последнего опыта, что ясно показывает, какими дурными вещами она занималась. Она умерла с открытыми глазами, так что у всех было чувство, будто она жива, и поэтому труп держали несколько дней, но не было никаких признаков разложения. И после вскрытия глаза ее оставались совсем живыми...

Возможно, он еще что-то говорил, но мне и этого было достаточно. Я чувствовал себя на дне ада. Сотни раз я мечтал об этой женщине и вот теперь увидел свою мечту наяву, усыпанную цветами. Ее везли на кладбище. Кажется, я даже огляделся в поисках оружия — мне хотелось убить себя...

И вдруг в самом конце процессии я снова увидел ее. Несомненно, это была она! Живая? Траур плохо скрывал коварную усмешку. Она пристально поглядела на меня, и я почувствовал, как она сказала: «Не слушай глупостей, я жива! Жива и умираю от смеха, глядя на их печальные физиономии».

Я тут же подумал: они близнецы. Возможно, ее скорбная гримаса только напоминает усмешку, а может, она попросту ненавидела свою сестру; это бывает у близнецов. Я снова почувствовал, что живу и что комедия смерти для меня не имеет ровно никакого значения. Я открыл свое спасение.

Я пошел за процессией. Нет, не за процессией! За нею! Время от времени она оборачивалась, будто хотела удостовериться, что я следую за ней, или подбодрить меня; и на лице ее блуждала улыбка. Я старался разглядеть ее сквозь траурную вуаль, удивляясь ее необъяснимой веселости, и мне вдруг показалось, что у нее борода, а в другой раз привиделось индийское украшение в носу.

Процессия вошла в ворота кладбища. Наверное, говорили речи, правда, в этом я не уверен, потому что смотрел только на нее. Гроб опустили в могилу. Как и многие другие, она бросила горсть земли и отошла. Я последовал за ней. Она шла медленно, но сколько я ни старался, не мог ее догнать. Мы вышли за город. Я побежал за ней, но и это не помогло. А ведь она шла медленно! Я чувствовал, что вокруг меня затягивается какая-то таинственная петля, нечто неведомое несет меня навстречу неизвестности.

Мы подошли к высокому каменному забору с плотными двустворчатыми воротами, вроде гаражных. Ворота распахнулись сами, что меня не удивило — для этого есть специальные механизмы. Она остановилась и жестом подозвала меня. За воротами виднелась стена округлой кладки, так что ни одному случайному прохожему не удалось бы увидеть, что за ней скрывается. А скрывался за ней сад. Сначала я не заметил ничего особенного, но потом с испугом установил, что деревья в нем какие-то странные — то ли выродившиеся, то ли каких-то неизвестных мне пород или попросту... искусственные. За ними были клумбы. Но росли на них не цветы, а... кристаллы. Разноцветные, искрящиеся в фантастических комбинациях.

Наверное, я был сильно поражен этой картиной, потому что не сразу заметил дом. А дом мог поразить любое воображение. В нем не было ни одного... прямого угла. Это была умопомрачительная композиция дуг, полумесяцев, сфер и полусфер, форм, напоминающих курьи ножки, слоновьи бивни... Не дом, а бред шизофреника или художника-модерниста. Ошеломленный, я остановился, но она мне кивнула, и я вошел, тут же позабыв обо всех колебаниях.

Когда я ступил в просторный круглый холл, пол заходил у меня под ногами, будто трясина. И до сих пор не знаю, то ли это был необыкновенно мягкий ковер, то ли настил из неизвестного материала, потому что каждый

раз, когда я по нему проходил, удивлялся новизне форм и расцветок, менявшихся в хаотическом беспорядке. Посреди холла искрился бассейн, напоминавший огромный человеческий глаз с фосфоресцирующим зрачком. Но самым удивительным была вода, вздыбившаяся посередине и так застывшая. Можете ли вы представить себе что-нибудь подобное?

Дама в трауре указала мне на нечто, что можно было бы принять за диван, если бы оно не походило на гигантского осьминога. Подавляя в себе чувство страха, я подошел. Тут же ко мне протянулось щупальце, обвилось вокруг, и я почувствовал, что сижу в необыкновенно удобном, мягко пружинящем кресле, повторяющем очертания моего тела. Я переменял позу, и оно тут же, будто предугадывая мои желания, превратилось в оттоманку, кресло-качалку. Глазом «осьминогу» служил цветной телевизионный экран, по которому скользили фантастические картины, но и они не шли ни в какое сравнение с необыкновенной росписью стен — какой-то странной смесью древнего искусства ацтеков, майя и самой современной живописи. Ламп нигде не было. Свет исходил от стенных панно.

Первой моей мыслью, когда я немного оправился от потрясения, было: «Куда я попал? Кто эта женщина в трауре?» Она улыбнулась:

— Вы попали в мой дом. А я ведьма. Можете меня называть мадемуазель Ведьма.

«Но она читает мои мысли! Это ужасно!».

— Ничего ужасного. Даже удобно. Не нужно трудиться облекать мысли в слова.

«Но я же буду чувствовать себя голым. Каждый человек имеет право на сокровенные мысли».

— Люди прячут свои мысли из страха перед себе подобными, если эти мысли некрасивы. Меня же вам нечего стыдиться или бояться. Я знаю все человеческие мысли и уверяю вас, само это чудо — мышление — служит оправданием любой, самой постыдной мысли. Материя, порождающая мысль! — великое совершенство, и даже самое уродливое ее порождение вызывает восхищение.

«Но ведь есть ужасные, отвратительные мысли...».

— И они достойны восхищения, потому что созданы тем, что неизмеримо ниже их, — материей.

«Только ведьма может такое придумать!».

— Великолепно! Я вижу, вы уже свыкаетесь с названием, которое я вам предложила. А ведь в нем нет ничего обидного. Наоборот, даже лестно быть ведьмой. Ведь это слово сродни слову «ведать», «знать». Знать силы природы, управлять ими — это далеко превосходит возможности обыкновенных людей. А зависть порождает ненависть. В прошлом ведьм сжигали на кострах. Кто-то изучает анатомию человека — ну как тут обойтись без вскрытия, скажем, мертворожденного ребенка! — его тут же на костер! Кто-то стремится найти новое лекарство, собирает травы, пробует их свойства... — на костер! Кто-то делает простенькие химические или физические опыты — на костер! Кто-то пытается узреть будущее — на костер! Люди всегда расправляются с теми, кто толкает их вперед. Ленивый ум не может постичь целей передсмотрящих. В сущности, человеческий прож

гресс — удел вещей, знающих людей. А прогресс, говорят, то же настоящее, на несколько лет опередившее сегодняшний день. Ныне никому не придет в голову судить за аутопсию мертворожденного или за химические опыты, не выходящие за рамки общепринятого. Но попробуй перешагнуть эти рамки — и тебя начинают называть ведьмой, кричать о гуманности и идеалах. И на каком основании берутся меня судить? Зато мне весело вспоминать, как я их провела. Обработала труп так, чтобы получилось полное сходство со мной, и оставила в лаборатории, инсценировав несчастный случай. И меня похоронили! Ах, как они торжествовали, как старались выглядеть опечаленными! А я, как настоящая ведьма, шла за собственным гробом и читала их мысли. И давилась от смеха над ничтожнейшими плодами усилий их старательно вышколенных мозгов. Я позвала вас за собой, потому что у вас красивые мысли. Я давно вас знаю, не раз вас слушала и удивлялась тому, как мастерски воскрешаете вы мечты композиторов, умерших столетия назад. Но я убеждена, что вы еще не знаете самого себя. Довольно вам ворошить мертвые мысли, пора вытащить на белый свет те, что дремлют в вашей собственной черепной коробке, задавленные теснотой. Этот прибор (она показала на осьминога), если вы пожелаете, будет записывать ваши мысли...

«Гм. Вот и я стал подопытным кроликом».

— А почему бы и нет? Или вы считаете это ниже собственного достоинства? Как же надменны животные человеческого рода! Они вообразили, что во имя науки, служащей людям, можно истязать любое живое существо, кроме самого человека. Почему?

«Видимо, она проводила эксперименты на людях!».

— Да. И на себе тоже. Во имя высшей гуманности. Я убеждена, что можно пожертвовать десятком человек во имя миллионов. Почему разным военачальникам дозволены эксперименты, то есть учения, на которых разрешаются потери — два процента личного состава, а ученым, видите ли, нельзя проводить совершенно безопасные опыты? Что важнее для человечества — учения, в которых будет взята какая-то высота, или большая наука, служащая моральному прогрессу всего человечества? Не скрою, я этим занимаюсь. Хочу улучшить способность человека мыслить. Хочу, чтобы высокоорганизованная материя мозга перестала производить низкопробные мысли. Но, я вижу, вы устали и с трудом воспринимаете то, что я говорю. К тому же вас, наверное, угнетает обстановка. Я покажу вам вашу комнату, где вы сможете отдохнуть.

Часть стены отодвинулась, открыв сонное озеро. Пара огромных лебедей плавала среди лилий и водорослей. Плакучие ивы касались воды ветвями. Ведьма пошла по воде. Я последовал за ней, и у меня тоже получилось. Вода оказалась просто... полом. А лебеди — исключительно удобным ложем.

Проснулся я с приятным ощущением, что спал в лодке среди тихих вод. Оглядевшись, я увидел, что лебедь находится на другом краю озера, — значит, он и в самом деле качал меня.

Стена отодвинулась, и я оказался в саду. Под деревьями на огромной шляпке гриба жисички был накрыт завтрак. Фрукты, мед, молоко, масло...

Как только я принялся за еду, к столу подошел большой черный кот, любезно кивнул — по крайней мере так я истолковал его жест, — пригладил усы и уселся на соседний стул.

«Ну конечно, что за ведьма без черного кота! Не хватает только метлы со ступой!».

— Она справа от вас, — раздался голос мадемуазель Ведьмы.

К стволу дерева была прислонена старая щербатая метла с длинной ручкой. Я засмеялся. Голос тоже.

— Реквизит. А кот воспитанный и вполне мог бы составить вам компанию.

Я поднес коту капустный лист, на котором лежали кусочки масла. Он взял лапой один кусочек и принялся лизать его, как дети мороженое. Забавное зрелище.

Я позавтракал.

«А что дальше?».

Голос ответил:

— К сожалению, я занята и не могу уделить вам внимание, но я предложу вам одну даму, с которой вы давно хотите познакомиться. Идите за котом.

Кот привел меня в комнату, обставленную старинной мебелью. Пока я рассматривал картины на стенах, в комнату вошла... Лусия Бермудес. Та самая. С портрета Гойи. Я не знал, что сказать загадочной и ироничной Лусии, но она искусно повела разговор, и за несколько часов я узнал о Гойе столько, сколько не каждый исследователь его творчества успевает узнать за всю жизнь. Мне вспомнилось, что я когда-то мечтал поцеловать загадочную Лусию, но теперь это показалось мне неуместным.

Мы вместе пообедали. Стол был накрыт по старинному испанскому обычаю, блюда щедро приправлены специями...

Когда же после обеда Лусия пошла отдохнуть, мне захотелось как можно быстрее выбраться на свежий воздух.

Вокруг ствола самого высокого дерева в саду висела лесенка, а наверху, в самой его кроне, примостился домик, явно для наблюдений. Я поднялся наверх. С высоты ведьмин дом казался недостроенной дачей. Даже на бреющем полете с самолета нельзя было бы разглядеть его необыкновенную архитектуру.

Потом уже, спустя некоторое время, я спросил Ведьму, зачем ей понадобится такой ненормальный дом.

— В нем нет ничего ненормального. Он копирует природу, а в природе, как известно, все целесообразно и мудро. Природа не терпит абсолютно прямых линий и углов и разрушает их гораздо быстрее, чем созданные ею самой формы. В архитектурном отношении куриная лапа куда совершеннее самой изящной ионической колонны, а простой пшеничный колос затмит любую из гордых башен, воздвигнутых рукой человека.

В конце сада белела крыша мраморной беседки. Я поспешил туда. У маленького фонтанчика в беседке сидела Цецилия Леонардо да Винчи и держала горностая, как на знаменитом портрете. Эта дама тоже возбуждала когда-то мое любопытство, и я подумал, что если Ведьма решила переизна-

комить меня со всеми давно умершими красавицами, которыми я восхищался, ей придется немало потрудиться. А если и Цецилия возьмется рассказывать мне о Леонардо да Винчи, я совсем стану похож на студента, изучающего историю искусств. Но Цецилия сказала:

— Я мало его знала. Он рисовал меня по заказу и на сеансах всегда присутствовали слуги моего возлюбленного, а при слугах не так уж приятно беседовать. Однако один из них...

И она рассказала мне грустную и бесконечно увлекательную историю о переодетом дворянине из братства святого Вема. Члены этого братства наказывали преступников, бежавших от правосудия.

Все было очень интересно, но когда она мне напомнила, что меня ждут к ужину, я простился с таким ощущением, будто покидаю музей. Спеша к дому, я подумал:

«Только бы не навязали мне в собеседники инквизитора Эль Греко».

— Не беспокойтесь, эта опасность вам не грозит, — сказала Ведьма, принимаясь с дивана Жюбминаго.

Она была одета, как мачеха Белоснежки. Вы, наверное, помните «Белоснежку» Уолта Диснея? Мачеха у него с головы до пят укутана в черный бархат, только лицо да золотая корона — два светлых пятна.

— Прогулка в прошлое вам не понравилась. А что вы скажете о сентиментальной обстановке вашей спальни? Удручает. Каждому человеку хорошо только в своем времени. А нам, ведьмам, — в будущем.

«Зачем это постоянное напоминание о том, что она ведьма?».

— В тон вашим мыслям. Вы жили прошлым. А теперь увидели, что это не так уж привлекательно.

«Но откуда взялись эти портретные дамы? Или я был жертвой внушения?».

— Нет. Дамы вполне настоящие. Насколько может быть настоящей реставрированная икона. Я реставрирую людей, для этого достаточно хорошего портрета. Лицо человека полностью отражает его мысли. Если кто-то ошибается, угадывая мысли человека по его лицу, то виновато не лицо, а неопытность наблюдателя. Абсолютно неправильны выражения типа «ангельское лицо», «дьявольское сердце». Просто наблюдателя подвела правильность черт, и он не сумел прочесть уродливые мысли, затаившиеся где-нибудь в уголках глаз, за презрительно сжатыми губами или в деформированных ушах. Итак, я беру не вполне удачный человеческий экземпляр, делаю ему пересадку мыслей, присущих, скажем, Периклу, и лицо его меняется, обретая черты Перикла. И если в каком-нибудь преступнике, приговоренном к смертной казни, я воспроизведу Джованни Бокаччо, и этот новый Бокаччо подарит человечеству новый «Декамерон», то что тут плохого? Казалось бы, и преступник, и человечество должны быть мне благодарны! Так нет же! Оказывается, каждый человек, даже самый несовершенный, пропащий тип, хочет быть тем, кто он есть. И не желает, чтобы его подменили ни Шекспиром, ни Эйнштейном, ни даже Герой или Геркулесом. И я вынуждена действовать вопреки их воле. Потому что ни одна наука не может обойтись без жертв. А у меня их не так уж и много; иногда, закончив опыты, я возвращаю им прежний облик. Но и это не устраивает моих рев-

нивых соперников, которые не могут примириться с тем, что я способнее их. И они стараются связать меня по рукам и ногам разными законами гуманности, и это в тот самый век, когда немало ученых голов помогало некоему неуравновешенному типу перерабатывать на мыло миллионы человеческих трупов. Выходит, что перерабатывать людей вроде Гарри Бора на мыло дозволено, а сделать из преступника Якоба ВантЖёффа — антиЖ человеком. Звучит парадоксально. Правда, превращения, которым мои «подопытные кролики» подвергаются в ходе эксперимента, могут укорЖить им жизнь, но я убеждена, что лучше прожить год Эмилем Фишером, чем двадцать — узником или продавцом прохладительных напитков.

«Перспектива не из приятных. В кого она собирается превратить меня?».

— Не пугайтесь. Вас я не собираюсь переделывать. Мне достаточно ваших красивых мыслей. Согласитесь, что даже ведьме нужен человек с красивыми мыслями, который бы вдыхал в нее веру в доброе человеческое начало.

Не могу ручаться, что в точности передаю ее слова. Разве можно уловить ход мыслей личности, утверждающей, что она — ведьма? Я выражаюсь сообразно собственному образу мышления, потому что невозможно восЖ произвести головокружительные скачки ее мыслей, логическую связь котоЖрых я восстанавливал значительно позже того, как они были облечены в слова. Нужно было время, чтобы связать их воедино и ассимилировать.

В эту ночь спальней мне служил уголок у деревенской ограды. Трава на полу, три отцветших одуванчика — кровать и кресла, и один цветущий — стол.

«Буду чувствовать себя эльфом, у которого вместо диванчика — одуванчик».

— Вы ведь завидовали эльфам, когда были ребенком?

«Она знает даже то, о чем я никогда не думал!».

— Каждая мысль оставляет след на лице.

«А вы не боитесь, что, стирая следы мыслей у своих «подопытных кролиЖков», уничтожите нечто такое, чего еще не было в природе? Даже самый груЖбый, неотесанный человек порой может придумать чтоЖо необыкновенное».

— Я усердно разыскиваю для своих экспериментов людей, которые никогда не придумали ничего оригинального, или же таких, которые и без того обречены на смерть. Та, которую я обратила в Цецилию, — старая проЖститутка, задумавшая свести счеты с жизнью. Думаю, что я поступила гуманно, воспользовавшись ее живым трупом, вместо того, чтобы предложЖ поставить его червям.

«А Лусия?»

— Она была смертельно больна. Рак.

«Неужто можно предотвратить смерть, если пересадить человеку чужие мысли?».

— Как видите. Настоящая Лусия не болела раком. Получив новый облик, тело больной отторгло не присущую ему болезнь.

«Но это же настоящие чудеса! Почему вам не сделать их достоянием людей?».

— ХаЖа! Они так цепко держатся за свою «гуманность»! Спокойной ночи!

Запахло свежескошенным сеном, и я заснул. Вероятно, и это был один из «ароматов» Ведьмы, о которых я расскажу ниже.

Проснулся я оттого, что кто-то щекотал у меня в носу травинкой. Передо мной была модно одетая девушка с распущенными волосами, в сандалиях на босу ногу. Протерев глаза, я убедился, что это — сама Ведьма.

— Вставайте! Сегодня у меня выходной. Пойдем на прогулку.

Это был самый веселый день в моей жизни. Мы бродили по лесу, купались, обедали и ужинали в каких-то деревенских ресторанчиках.

Она смеялась, размахивая сандалиями, пылила босыми ногами по тротуарам и подшучивала над моим «образом жизни»:

— Восхитительная биография! Родители возили тебя с собой в своих бесконечных турне по миру, запирали в гостиничных номерах, заставляли играть. Потом начались и твои бесконечные турне. Гостиницы, концерты, контракты, краткие передышки и снова все сначала. Родители умерли, дружок найти не сумел, эта особа, которая таскается за тобой в качестве официальной подружки, перепродает тебя то одному импрессарию, то другому, а ты ничего и не замечаешь. И берет, кстати, большие проценты за то, что уговаривает тебя сыграть на каком-нибудь внеочередном концерте. Тебя считают рассеянным простачком, потому что ты целиком поглощен музыкой. Но ее тебе не достаточно. Другие музыканты думают о следующем трудном пассаже или о том, как закончить фразу, а бывает, что и каким пальцем взять ноту. Для тебя же музыка — источник неизведанных чувств и переживаний. Нечто вроде опиума. Неукротимая фантазия выводит тебя за рамки обычного музицирования, позволяет увидеть мелодию в образах. Для тебя гаммы имеют свои цвета, пьесы насыщены видениями. Музыка тебя пьянит, порождает в сознании новые миры, которые исчезают, как только отзвучит произведение. А мне хотелось бы, чтобы они оставались. Получили право на жизнь.

«Значит, я подлежу переработке!».

— Не будь подозрительным! Я хочу, чтобы ты постиг самого себя. Кроме того, не думай, что я могу любого превратить в кого вздумается и какого-нибудь мясника сделать Эзопом. Приходится подыскивать близкие по анатомическому строению типажи...

— А потом?..

— Ха-ха-ха! Ты себе представляешь нечто вроде кухни, где несчастные варятся в котлах, испытывая страшные муки. Должна тебе сказать, что фантазия у тебя довольно старомодная. А все куда проще — несколько дней приятного сна среди прекрасных «ароматов»... Правда, мне удалось поставить только отдельные опыты, но и этого оказалось достаточно, чтобы меня преследовали. Во многих странах хотели бы заполучить меня... и я не боюсь нападок своих коллег, ратующих за гуманизм из беспокойства — как бы моими открытиями не воспользовались бесчестные люди, те самые, что мечтают стать властителями мира. Я сильнее их, хотя их действия представляют для меня серьезную угрозу. Но, мне кажется, что мы сможем спокойно пожить здесь еще дней десять.

И она провела меня в сад через совсем незаметную калитку.

Откуда-то доносилась музыка. Первая баллада Шопена. Я остановился,

прислушиваясь. Исполнение было совершенно. Точно такое, как в моем воображении.

— Кто играет? — спросил я, когда звуки смолкли.

Она засмеялась:

— Ты думаешь, найдется пианист, который так сыграет Шопена?

— Электроника?

— Нет, это твое собственное воображение. Материализованное. Ты не пианист, и тебя всегда раздражало, как неуклюже пианисты исполняют Шопена. Ты знаешь, как должны звучать его произведения, но не владеешь этим инструментом. Мои приборы записали балладу в интерпретации твоего воображения — и вот она, музыка, достойная восхищения!

А то, что я услышал потом, заставило меня прослезиться. Это были мои мечты, мои сны, заговорившие голосами неведомых инструментов.

Смолкли божественные звуки, и она сказала:

— Вот музыка, исторгнутая из твоего пробужденного от летаргии мозга. Из твоего засоренного чужими произведениями сознания. С сегодняшнего дня ты творец! Давай же отпразднуем твое рождение!

И снова раздвинулись стены и открылся зал, похожий на ледяную пещеру. Все сверкало — ледяные сосульки на потолке, искрящийся инеем пол. Прозрачные статуи, установленные в самых неожиданных местах, тихонько позванивали, и дивные звуки сливались в небесно чистой гармонии. Тут и там в зале стояли низкие столики, вокруг которых возлежали на пиру, подобно древним римлянам, человек двадцать мужчин и четыре женщины. Все в белом. Двух женщин — Лусию и Цецилию — я знал, другие две были не так красивы, и все же мужчины оказывали им гораздо больше внимания. Мужчины были самого разного возраста, и одеты они были разношерстно. Мне показалось, что некоторых из них я где-то видел.

— Только на портретах! — улыбнулась в ответ моим мыслям Ведьма (которая успела облачиться в серебристую мантию) и обратилась к пирующим: — Дамы и господа, позвольте представить вам, — она назвала мое имя. — Сегодня вечером мы будем праздновать его рождение как творца.

Господа шумно приветствовали меня, а дамы дружелюбно кивнули.

Потом все было как в волшебном сне: умные, красивые речи, которыми обменивались эти люди, блюда и напитки — все белое, хоть и разное на вкус, снежинки, которые порхали, не тая, танцы, в которых и я принимал участие... Такая чудная белизна бывает, наверное, только в душах новорожденных. А надо всем плыла хрустальным перезвоном, как капель по тонкому льду, музыка.

Гости начали расходиться, Ведьма подошла ко мне:

— Ну, как вам понравились мои реставрированные гении?

Я тряхнул головой, чтобы отогнать ошеломившую меня мысль. За все время пира мне и в голову не пришло, что, возможно, я ужинаю с Рентгеном или Складовской, пусть даже реставрированными. Признайтесь честно, если вам дадут подлинник известной картины и ее копию, вы заметите разницу? Даже если вы специалист, вам не обойтись без химических и бог знает каких еще анализов. Тут мною овладел страх. А вдруг и я уже похож на какого-нибудь мертвого гения?

— Вот тебе зеркало, — ответила Ведьма. — Надеюсь, ты еще помнишь свое лицо!

В зеркале отразилось мое лицо, но я уже сомневался во всем, что видел в этом доме.

«Зеркало может не отражать моего настоящего облика».

— Посмотрись в бассейн или в озеро. Озеро в саду покачивало отраженную луну, а где-то рядом вздыхали золотые арфы. Я посмотрел на свое отражение. Да, это был я, только как будто немного изменившийся в лице, но при лунном свете любое лицо меняется. Пока я разглядывал свое отражение, что-то случилось с золотыми арфами. Они играли вторую часть квартета Шуберта «Девушка и смерть!» Не знаю, имеете ли вы понятие, что такое золотая арфа — это натянутые струны, которые дрожат и звенят на ветру. Потому и называются они золотыми. Эол — бог ветров. Нет, они не могли играть «Девушку и Смерть», и все же я слушал Шуберта, — вторая часть, анданте кон мото! Я поискал глазами Ведьму, чтобы она мне все объяснила. Она лежала на мраморном парапете, окаймляющем озеро, волосы рассыпались, и концы их ниспадали в воду. Она казалась мертвой. Я побежал к ней, взял ее за руку. Холодная. Я закричал, схватил ее и тогда почувствовал тепло ее тела. Руки ее медленно приподнялись и обняли меня.

С той минуты я словно впал в забытие, длившееся ночь или десять ночей. Не помню. Помню только, как проклинал свет и ждал сумерек, чтобы броситься в сад, разыскивая ее. Я находил ее в самых неожиданных местах — в зарослях бурьяна у ограды, на спине лебедя-жадки посреди озера, а иногда снимал ее с какого-нибудь чудовищного дерева. Я потерял голову. Но наваждение как рукой сняло, когда ящерица — золотое украшение, которое она носила в волосах, — ожила и скрылась в траве. Она усмехнулась:

— Что тут странного, что ведьма украшает себя ящерицами?

— Это отвратительно!

— Ящерица — такой же элемент природы, как я сама. Может, я тоже кажусь ей отвратительной. Мы, люди, не привыкли считаться с мнением животных и всего остального, что нас окружает. Я частица космоса, и ничто во всем бесконечном космосе мне не чуждо — ни ящерицы, ни созвездия, ни боярышник на меже в поле, ни самый подлый изверг рода человеческого.

— Тогда зачем преобразать этих извергов?

— Более сильные, более развитые, лучше организованные виды, существа высшего порядка всегда способствуют эволюции низших. Если бы зайцу не приходилось спасаться от погони, он бы не бегал так быстро, если бы антилопы были медлительными и глупыми, лев не научился бы сидеть в засаде. По сути дела, все виды взаимно совершенствуются. Только некоторые из них быстрее проходят этапы эволюции, — они же и способствуют развитию следующих, а потом исчезают. Все на свете зарождается и исчезает. От взрыва мертвых звезд рождаются новые миры. Миры порождают жизнь, которая своей смертью поддерживает новую жизнь. И все виды и все миры в конечном итоге равны. Все сделаны из одной звездной материи.

— Почему тогда ты изо всех сил стараешься сделать людей умнее и добрее?

— Помогаю совершенствованию видов.

— Я тоже вхожу в число этих «видов»? И, наверное, ты оживишь во мне какого-нибудь мертвого гения.

— Не говори глупостей. Неужто ты думаешь, что я бы пожертвовала Коперником, чтобы сделать из него Гюго? Я же тебе объяснила, что делаю гениев из отходов, а не из других гениев.

— Но я не уверен, что я — это я. Может, ты лишила меня памяти, может, привила мне чужие мысли, может... все может быть. От тебя всего можно ожидать.

— Чтобы убедить тебя в моей добронамеренности, я готова на очень рискованный для меня шаг. Мы поедем в город, где тебя больше всего знают. Там в банке у тебя есть сейф. Открывается он только от прикосновения твоих пальцев. Отпечатки пальцев пока еще никому не удалось изменить. Ты убедишься, что ты есть ты, представишь свои произведения, получишь признание как композитор, а я между тем тоже попробую сделать кое-какие свои дела.

И мы отправились. Пешком. У какого-то фручейка присели отдохнуть. Я положил голову ей на колени и... заснул. Когда проснулся, голова моя все так же лежала у нее на коленях, но мы находились в роскошно обставленной комнате со спущенными шторами.

— Пора! — сказала она. — Уже одиннадцать, а твой профессор бывает в консерватории до двенадцати. Не мешало бы тебе побывать у него.

Профессор встретил меня с распростертыми объятиями и с нескрываемой радостью:

— Где ты пропадаешь, черт возьми! Любые выходки должны иметь границы! Тебя уж полиция разыскивает.

Я рассмеялся и сам почувствовал, что стал хитрым и сообразительным, — иначе я не сумел бы ему ответить:

— У одной очаровательной Дамы. Встретил настоящую любовь. Да и нужен был мне полный отдых.

— Слава богу! — воскликнул профессор. — Наконец-то отделался от этой пиявки, которая к тебе присосалась и использовала тебя в своих корыстных целях. А ты знаешь, что она возбудила дело о наследстве?

— Представляю, как она брякнется в обморок, узнав, что я жив. Ну, мне еще надо заглянуть в полицию.

В полиции ко мне отнеслись, как к баловнику, натворившему очередную глупость, попросили предупреждать, если я снова решу исчезнуть, и пообещали полную сохранность тайны.

Профессор пригласил меня на обед. Только там я заметил, что не выпускаю из рук какую-то папку, даже не зная, что в ней. В папке обнаружились партитуры двух симфоний, четыре скрипичных сонаты, квартет и большое произведение для мужского и детского хора, оркестра с какими-то собыми инструментами и альта.

Я показал все это профессору, и тот принялся кричать на меня, ругать, обзывая идиотом и скотиной за то, что я скрывал такое богатство. Он тут же

бросился обзванивать элиту музыкального мира. Самые известные дирижеры перессорились из-за своих партитур, скрипичные сонаты разобрали самые именитые мои коллеги, только квартет не привлек к себе особого внимания, но что поделаешь: сам Чайковский писал не одни шедевры.

Между тем меня осадили журналисты, и вечерние газеты вышли с сенсационными заголовками:

«Исчезнувший виртуоз появился снова, но уже композитором» — и тому подобное.

После обеда я пошел в банк. Снял со счета большую сумму, взял из своего сейфа старинный индийский перстень, страшно дорогой, и решил пойти домой. Но куда? В сумятице я и не запомнил, где мой дом. Или это проказы Ведьмы? Сделала из меня то, что ей хотелось, и выпустила на свободу для саморазвития? Эта мысль привела меня в бешенство. Значит, больше я ее не увижу!

— Добрый вечер, Фома Неверный!

Рядом со мной остановилось такси. Она была в машине. Я обнял ее, будто мы не виделись годы, и надел ей на палец индийский перстень. Мы отправились к себе домой. Им оказался особняк за высокой оградой на краю города. Ведьма была в трауре, лицо было скрыто длинной темной вуалью. Когда мы остались наедине, она отбросила вуаль.

— Ты в трауре?

— Я забыла тебя предупредить, — ответила она. — Я твоя невеста. Траур ношу по сестре и жду, когда ее тело прибудет из Южной Америки, чтобы похоронить ее на родной земле. На людях я всегда буду появляться в трауре. Мне опасно показывать лицо.

— Почему же ты его не изменишь?

— Тогда изменятся и мысли.

— От пластической операции не изменятся.

— Это работа для коновалов, терпеть не могу операции. И потом я нахожу, что выгляжу неплохо. А ты посмотрелся в зеркало, которому можешь доверять?

— Да. И признаюсь, мне показалось, что я стал красивым! Как будто тот, что прежде, но красивый.

Все это замечают.

— И женщины? Смотри у меня, красавец, я ревнива!

— Не надо так шутить. Ты же знаешь, что для меня ты важнее всего в жизни. Ты... Ты сама моя жизнь. Скажи, ведь ты не исчезнешь? Я тогда сойду с ума!

— Даже если мне придется исчезнуть, помни, что ты мой и что когда настанет время, я позову тебя к себе. И не отчаивайся, жди, что бы ни случилось. Я позову тебя, пусть даже между нами встанут огромные расстояния, людская ненависть и сама смерть.

Я был пьян от счастья. Что понимал я до сих пор в славе, любви и признании? Теперь Фортуна осыпала меня своими щедротами. Отовсюду ко мне были обращены благосклонные взгляды, возможно, мне и завидовали, но я не замечал. Всем очень хотелось узнать, кто эта женщина, преобразившая меня. Я узнал, что раньше был стеснительным, вечно хмурым, отрешенным.

шенным от жизни, нервным и неприятным в общении. А теперь меня окружали умные, сердечные, искренние друзья. Меня наперебой зазывали в гости, но я старался уйти как можно скорее, чтобы оказаться наедине с моей Ведьмой. В обществе она не бывала, и все вокруг сгорали от любопытства. Я потерял сон. Мне все казалось, что, если я усну, она растает, как сновидение.

Она тоже не спала. Может быть, знала, что должно случиться, и ждала. Я спросил:

— Чего ты боишься? Ты же почти всемогуща. Кто может тебе угрожать? Я найму охрану.

— Излишне. Ни одна полиция не сможет оградить меня от тех, кто жаждет добиться мирового господства при помощи моих достижений.

— Кто? Гангстеры, шпионы?..

— И гангстеры, и агенты многих стран. Они слишком сильны, и их слишком много. Нам надо уехать. Тело, которое я ждала, уже прибыло из Южной Америки.

— Еще недельку! В среду будет исполняться моя первая симфония, а в четверг уедем.

— Поздно, — ответила она. — Слушай!

Внизу в гостиной послышались крадущиеся шаги.

— Это они! Не бойся. Укутайся одеялом и притворись, что спишь. И помни — я позову тебя. Жди, что бы ни случилось! Не верь своим глазам и жди!

Она поцеловала меня и прикрыла за собой дверь.

Через несколько минут из гостиной послышались выстрелы. Дрожащей рукой я набрал номер полиции. К моему удивлению, мне тут же ответили, — я думал, что провода перерезаны. Полиция прибыла немедленно, нашли ее труп, простреленный восемью пулями, обнаружили и следы четырех человек. Начались бесконечные полицейские допросы. Я не умею лгать. Рассказал всю правду и потому оказался у вас, госпоЖда психиатры.

Да, прошу вас, обследуйте мое психическое состояние! Я не обижусь. На вашем месте я объявил бы сумасшедшим любого, кто возьмется утверждать, что эта фантастическая история — чистая правда. Но я надеюсь, что вы вскоре убедитесь в моем здравом разуме. Даже слишком скоро. Разве вы не слышите странную похоронную музыку — отрывок шубертовской «Девушки и Смерти», отрывок из прокофьевского концерта для виолончели, и все это — траурный марш в исполнении духового оркестра! Как насмешливо он звучит! Она смеется над смертью. Вот и похороны. Процессия нарочно проходит под окнами клиники. Смотрите, уважаемые профессора, каким вам кажется выражение лица покойной? А какой вам видится стройная дама в хвосте процессии? А перстень, который блестит под траурной вуалью? Это она! Мадемуазель Ведьма снова идет за собственным гробом! И если ее снова убьют, она пойдет и на следующие свои похороны. Она бессмертна, жрецы Эскулапа, потому что она — частица космоса и потому что ведьма, а слово «ведьма» сродни слову «ведать», «знать», «уметь», видеть дальше вас, верные слуги науки. А вообще это не такая уж

редкость, господа, чтобы человек шел за своим гробом. Герцог Альба утоЖ
пил в крови Нидерландскую революцию, но она присутствовала на своих
похоронах. Сервет и Ян Гус, Бруко и Везалий тоже шли за своими гробами.
Невозможно похоронить ищущий человеческий дух. Невозможно сжечь
всех ведьм. Но куда вы, уважаемые господа! За Ведымой? Да, она ваш стаЖ
рый конкурент! Не стоит трудов, господа! Вам все равно ее не догнать,
сколько бы вы ни бежали, как простому смертному никогда не угнаться за
гением, хотя тот и не торопится. Дело не в скорости, господа, а в том, какоЖ
вы шаги!

А теперь я могу идти?

Мое почтение, господа профессора, мое уважение, господа доктора!
Желаю вам больших успехов, больше старания и меньше зависти!

Об авторе

---

*Прозаик, музыковед, одна из ведущих авторов болгарской научной фантастики 1970А
1980Ах гг., известная также произведениями реалистической прозы. Родилась в
Пловдиве в 1936 году. Окончила Софийскую консерваторию, преподавала в Пловдивском
среднем музыкальном училище. Творческий путь начинала с произведений для детей и
реалистических рассказов. В 1976 г. увидела свет первая книга Настрадаиновой в жанре
фантастики — сборник рассказов «Госпожа Ведунья» [Госпожа Веицицата, 1976].
Жанровый диапазон рассказов Настрадаиновой широк: научная фантастика, юмориА
стическая, гротесковоАатирическая, фольклорноАмифологическая НФ, притча. В
1990 г. на русском языке издан сборник научноАфантастических рассказов Велички
Настрадаиновой «У Лукоморья дуб зеленый...».*

Лауреат национальной жанровой премии «Гравитон» (София, 1992).

Владимир Семенякин

Последнее желание

Лекции по теории программирования, которые читал Алексей Григорьевич Скоморохин, всегда были пыткой для студентов. Монотонный, спокойный голос и шорох мела вызывали убаюкивающий эффект, противиться которому было крайне непросто. С другой стороны, обязательно надо было писать конспект — на экзамене Алексей Григорьевич спрашивал исключительно по конспекту. А экзамен у Алексея Григорьевича был жестокий...

Хорошисты и отличники вынуждены были постоянно балансировать между сном и явью, что сильно истощало их нервную систему.

Андрей Шуманский не терзал себя подобными сомнениями. Он берег свою нервную систему. Он знал, что уже целых пятнадцать лет в мире существует прекрасная вещь, называемая в народе ксероксом.

Поэтому Андрей, удобно устроив голову на кулаках, дремал на парте.

— И отсюда следует.. Что порядок быстрогодействия программы... Записали?.. Находится в промежутке от эн до эн в квадрате...

Зашуршал мел. Андрей приподнял голову и взглянул на доску. Зевнул и опять лег. «Кому это надо?..» — подумал он с легким раздражением.

— Как видите, в данном случае этот метод не работает. Теперь запишем. Взаимовывозов... процедур и функций... Может привести... К переполнению стека...

Алексей Григорьевич оглядел аудиторию.

— Записали? — И, не ожидая ответа, продолжил. — Что, в свою очередь...

Андрей зевнул, и еще шире разлегся на парте. На ощупь достал из портфеля бутылку минералки. Глянул на лектора.

Пара явно была в самом разгаре. Алексей Григорьевич с фанатичным блеском в глазах, с ног до головы перепачканный мелом, писал на доске жуткие формулы. Студенты медленно выпадали в осадок.

Андрей подождал, пока лектор отвернется к доске, и глотнул воды. В этот момент Алексей Григорьевич оглянулся.

Едва не поперхнувшись, Андрей сунул бутылку под парту и сделал задумчивое лицо.

Алексей Григорьевич, сверля его взглядом, с нажимом произнес:

— ...В промежутке от эн до натуральный логарифм эн!..

Ощувив изменение в тоне лектора, студенты воспряли ото сна.

Чувствуя на себе жгучий взгляд, Андрей глубокомысленно кивнул, точно подсчитав что уме, и внимательно посмотрел в конспект.

— Значит, этот случай лучше подходит при решении практических задач... — Сказал лектор своим обычным, нудным тоном.

Студенты опять погрузились в весеннюю дрему.

Андрей подождал немного и вытащил руку из Жподпарты.

Он думал осторожно поставить злополучную бутылку на пол.

Вместо бутылки в его кулаке обнаружилась небольшая пластмассовая коробочка с двумя кнопочками. Андрей в ступоре уставился на загадочный предмет. Затем опустил голову, заглядывая под парту. Бутылка под партой не обнаружилась.

Не веря своим глазам, Андрей провел левой рукой по грязному, залеЖ пленному жвачками пространству. Андрей круглыми глазами огляделся по сторонам.

— И, наконец, рассмотрим случай с дополнительным внешним модуЖ лем... Оптимальность в этом случае несомненно падает, однако...

«Однако!..» — прошептал Андрей, выкладывая коробочку на стол. Только сейчас он заметил прикрепленную к ней бумажку.

Андрей поднес ее к глазам и прочитал:

«Шкатулочка Пандоры»

Данный прибор был разработан сотрудниками факультета Безумных и Опасных Манипуляций (БОМ) для глубоко нелинейного анализа искажения векаА тора везения в локальной точке пространства.

Инструкция по использованию:

1. Нажать одну из кнопок, расположенных на верхней грани прибора.
2. Произнести команду вслух.
3. Подождать пять секунд, пока синтаксический анализатор распознает желание.
4. В случае удачного анализа последует исполнение команды, кнопка сохраА нит свое нажатое положение. В противном случае кнопка вернется в первоА чальное состояние, и желание исполнено не будет.

Предупреждение: НЕ РАЗБИРАТЬ ПРИБОР!!! НЕ ИСПОЛЬЗОВАТЬ РЕКУРСИВНЫЕ ПОЖЕЛАНИЯ!!!

Андрей облизал губы и перевернул листок.

«О приборе»

В версии 1.78 был исправлен ряд ошибок и недоработок. Ради однозначности трактовки, из устройства был исключен блок анализатора сокровенных желаний («Шар желаний», см. версия 1.45).

Это прямым образом повлияло на форму и физические габариты. Был расА ширен потенциал ШП. Теперь объем заказа на выполнение может достигать 300 мегаАХаттабычей. Синтаксический анализатор отныне включает в себя семантический дешифровщик.

Несмотря на качественные изменения к лучшему, разработчик не смог справиться с некоторыми недостатками. В частности, смущает незащищенА ность прибора от рекурсивных алгоритмов. Учитывая, что пользователями будут обычные люди...

— Вы что там делаете?..

Андрей вздрогнул и осторожно посмотрел по сторонам.

— Да, да, вы, не смотрите по сторонам. На четвертом ряду! Вы мне сегодня весь день мешаете вести лекцию!.. Что вы там делаете?

Студенты зашевелились. По залу прокатился шепоток, и десятки любопытных лиц обратились к четвертому ряду.

Андрей накрыл ладонью коробочку, и украдкой взглянул на лектора. Тот смотрел прямо на него.

Андрей громко сглотнул. У него потемнело в глазах и закружилась голова.

«Сужение зрачков, онемение конечностей — явные признаки кролика перед удавом» — подумал он.

— Фамилия?

Андрей жалостливо прошептал:

— Алексей Григорьевич...

Лектор встал в полный рост (метр девяносто девять) и, упершись обеими руками в стол, проникновенно заглянул в глаза несчастному.

— Свои имя и отчество я знаю, — спокойно сказал он. — А Ваша фамилия?.. Да, для начала встаньте!

Андрей молча повиновался. «Мы слушаем тебя, о, мудрый Каа» — почему-то вспомнилось ему.

— Так фамилия?

Андрей упорно молчал.

— Ладно, — подумав, сказал лектор. — Ваше лицо я запомнил. Мы увлечены кательно побеседуем на экзамене. Садитесь.

Алексей Григорьевич сел и, перебрав листы, разложенные на кафедре, продолжил монотонным голосом:

— Единственный случай оптимального использования этого метода — алгоритмы сортировок. Итак, рассмотрим так называемую быструю сортировку, или *quick sort*...

Слушатели снова занялись каждый своим делом.

Андрей тяжело опустился, и мрачно уставился в окно. «Вот невезуха!» — подумал он. На улице была весна, пели птички, буйная зелень, точно подошедшие дрожжи, лезла через низенькие заборы палисадников. Все это не радовало глаз студента. Все говорило о близкой летней сессии. «Мы увлечены кательно побеседуем на экзамене!.. — Мысленно повторил Андрей. — А осталась всего три недели...»

Он отвернулся от окна и уставился в конспект. Потом взглянул на шкапу туюлку Пандоры. Повертел ее в руках.

Сделанная из простой пластмассы, явно пустотелая, с абсолютно неряшливо впаянными в поверхность кнопками, коробочка сильно смахивала на обычный студенческий прикол. Конечно, хорошо продуманный и неплохо скомпонованный, но все же... А впрочем, почему бы и нет? Чего на свете не случается... И, если подумать, как можно объяснить исчезновение бутылки?

Андрей еще раз заглянул под парту.

Все верно. Бутылка так и не появилась. Что ж...

1. Нажать одну из кнопок, расположенных на верхней грани прибора.

Кнопка вжалась удивительно мягко, без щелчка.

2. Произнести желание вслух.

«Пусть этой лекции не будет», — шепотом сказал Андрей. В воздухе немного потемнело. На солнце набежала тучка. Ничего из ряда вон выходящего не случилось. «Что и требовалось доказать...» — разочарованно подумал Андрей. Он небрежно забросил коробочку обратно в стол.

3. Подождать пять секунд, пока синтаксический анализатор распознает желание.

«Пусть этой лекции не будет» — сказала шкатулочка приятным женским голосом.

* * *

Это напоминало смену кадра в кино. Беззвучно и сразу.

Вот он сидит за партой, а в следующий момент в лицо бьет желтый свет, его оглушают звуки близкой автострады, и поднятая свежим весенним ветерком пыль запорашивает глаза.

У Андрея закружилась голова, и чтобы устоять на ногах, он схватился за стену оказавшегося рядом дома. Постояв так десять секунд, он немного пришел в себя, и огляделся.

Он сразу понял, что находится возле третьего корпуса университета. Сквозь широкие окна были видны веселые после пары студенты.

После пары? Андрей достал мобильный телефон. Час пятьдесят. Все верно. Теория программирования полностью выпала из потока времени.

Андрей почувствовал, что его правая рука до сих пор что-то жмёт. Он поднес это «что-то» глазам. Сиреневая пластмасса тускло вспыхнула на солнце. Андрей перевернул шкатулочку Пандоры. С обратной стороны в пластмассу были неряшливо вплавлены две кнопки. И одна из них была глубоко вжата в поверхность.

4. В случае удачного анализа последует исполнение команды, кнопка сохраняет свое нажатое положение.

* * *

Андрей сел на скамейку, положил шкатулочку рядом с собой и призадумался. Он понял, что ему предстоит нелегкая задача — из бесконечного количества возможностей выбрать одну единственную так, чтобы потом не было жалко. Андрей был растерян, и его можно было понять. Еще бы! Даже доктор Фауст запутался в своих желаниях, а ведь у него в запасе их было неограниченное количество.

Цветик-семицветик, волшебная палочка, борода Хоттабыча, шука, пойманная Емелей, не давали Андрею покоя. Еще в детстве его злило, как

распоряжались желаниями герои сказок. И теперь он перебирал в уме все прочитанное за свои восемнадцать с гаком лет, и все глубже укреплялся во мнении, что огромные литературные наработки человечества не помогут ему.

Андрей понял, что думать ему придется самому.

Пожелать счастья для всех? Нет, не сработает — что счастье для одного, может быть катастрофой для другого. Или эти противоречия автоматически улаживаются? Или шкатулка осчастливит каждого лишь на короткое время, после чего все пойдет своим чередом? Нет, не катит, так рисковать нельзя. Есть ведь ТОЛЬКО ОДНО желание.

Может быть, заказать что-нибудь только для себя? Машинку, которая печатает деньги? Бессмертие? Нет, это все очень банально...

Андрей с силой ударил кулаком о скамейку. Ну что это за несправедливость? Почему именно он!

Эх... А может быть загадать что-нибудь самое маленькое, самое простое, но возвышенное... Там, устроить дождь из цветов, или повстречать девушку своей мечты...

Тьфу ты! Что за бред?! Не... Так дело не пойдет!

Надо решать вопрос фундаментально. Отправиться в отшельничество, глубоко заняться философией, постичь смысл бытия, и только потом, через сотни лет... Может быть, в этом великая роль рода Шуманских! Может, Андрей — избранник судьбы! Шкатулка будет передаваться от отца к сыну, как реликвия, и однажды, какой-нибудь дальний потомок...

Андрей даже всхлипнул — так он проникся патетическими чувствами.

Однако он тут же понял, что все это глупые фантазии. У него просто не хватит терпения: слишком чесались руки быстрее нажать на вторую кнопку.

Андрей вскочил. Он вспомнил, кто ему сможет помочь.

* * *

Со стороны университетское общежитие всегда выглядело так, точно по нему прямой наводкой стреляли пятидесятидюймовые орудия. Стены были испещрены трещинами, балконы едва держались на заржавевшей арматуре, разбитые в верхних этажах окна хищно скалили зубы. Особенно эффектно смотрелась серо-зеленая поросль в местах, где обвалилась штукатурка.

Андрей постоял немного, созерцая это грозное зрелище и жалея много родных студентов. Потом он поднялся по неровным ступеням лестницы и, оттянув оглушительно заскрипевшую дверь, вошел внутрь.

— Вы к кому? — Спросила заспанная вахтерша.

Андрей растерялся.

— Я... Хм... К Кириллу Выдубицкому.

Вахтерша устало взглянула на него и, закатив глаза, сказала:

— Пусть он спустится сюда и предъявит свой студенческий.

— А иначе не выйдет? — Осторожно поинтересовался Андрей.

— Не выйдет.

— Мда...

Андрей отошел от окошка вахтерши и набрал на мобилке номер Кирилла. Через полминуты Кирилл ответил.

— Алло?

Андрей встрепенулся.

— Кирилл, привет. Слушай... Ты в общаге?

— Да. А что...

— Можешь спуститься вниз?

На другом конце кабеля озадачено помолчали.

— Зачем? — спросил Кирилл.

— Надо! Я тут, жду тебя. Надо срочно одну вещь уладить.

Кирилл напряженно посопел в трубку.

— Что тебе так печет? — наконец спросил он.

— Внизу скажу! — сказал Андрей, косясь на вахтершу.

Та, со все растущим интересом, смотрела на него.

— Ладно, — нехотя согласился Кирилл.

Через минуту он уже стоял перед Андреем.

— Ну, че надо?

— Пошли на улицу.

Они вышли на порог общежития.

— Ну?

Андрей взглянул на Кирилла.

— Я тебе сейчас задам один вопрос. Он тебе может показаться глупым, но...

— Быстрее переходи к делу.

Андрей вздохнул.

— Ладно. Прикинь, тебе выпала возможность загадать любое желание.

И оно исполнится. Но желание только одно. Что бы ты загадал?

Кирилл выпучил на него глаза.

— Ты что, свихнулся?

Андрей быстро покачал головой.

— Нет... Что бы ты загадал?

Кирилл недоверчиво улыбнулся и взялся за ручку двери. Андрей приЖ держал дверь.

— Стой! Мне это позарез надо! Ты же шаришь!

Кирилл перестал улыбаться.

— Отпусти дверь.

Андрей умоляюще взглянул на него.

— Что бы ты заказал?

Кирилл состроил рожу и пихнул Андрея плечом.

— Миллион желаний!

Он скрылся в дверях общежития.

Андрей, ошарашенный, остался стоять перед открытой дверью.

— Миллион желаний... — Прошептал он. — Миллион... Как я сам не догадался!

Андрей медленно вытащил шкатулочку из кармана.

1. Нажать одну из кнопок, расположенных на верхней грани прибора.

Кнопка вжалась удивительно мягко, без щелчка.

2. Произнести желание вслух.

«Я хочу получить возможность загадывать миллион желаний» — как можно разборчивее сказал Андрей. Как и в прошлый раз, сразу ничего не случилось.

3. Подождать пять секунд, пока синтаксический анализатор распознает желание.

Андрей нетерпеливо постучал по коробочке кулаком.

4. В случае неудачного анализа кнопка вернется в первоначальное состояние, и желание исполнено не будет.

Коробочка негромко шелкнула. Андрей вздрогнул и посмотрел на ее кнопки. Все было по-прежнему. Одна кнопка была вжата, вторая отжата. А пониже кнопок, маленькими буквами значилось. «Недопустимая команда. Недостаточно мощности системы».

Андрей нахмурился. Он еще раз прочитал инструкцию по использованию шкатулочки. «Разбирать ее нельзя, — заметил он. — А вот что такое рекурсивные алгоритмы?.. Может, я как раз его и использовал?».

Он попробовал последовательно загадать тысячу, пятьсот, сто, и, наконец, десять желаний. Всякий раз ничего не происходило, коробочка шелкала, и кнопка возвращалась в отжатое положение.

Утомившись, Андрей присел на перила. «Неужели поломалась?» — С отчаяньем подумал он.

Андрей задумчиво посмотрел на непослушный прибор.

И вдруг ему в голову пришла поразительная штука. Он взволнованно встал. Огляделся. Потом опять, шурясь, взглянул на шкатулочку. Все было гениально. Оставалось только правильно оформить команду.

— Так, — вслух сказал Андрей.

Он вдруг рассмеялся.

1. Нажать одну из кнопок, расположенных на верхней грани прибора.

— Так! — громко повторил он, надавливая на кнопку.

2. Произнести желание вслух.

«Я хочу получить еще одну шкатулочку Пандоры, которая в точности соответствовала бы параметрам данной» — сказал Андрей, поднеся шкатулочку к самому рту.

3. Подождать пять секунд, пока синтаксический анализатор распознает желание.

Андрей, довольный своим красивым желанием, замер, ожидая результата.

4. В случае удачного анализа последует исполнение команды, кнопка сохранит свое нажатое положение.

«Я хочу получить еще одну шкатулку Пандоры, которая в точности соответствовала бы параметрам данной» — сказала шкатулочка.

Запахло озоном. В воздухе, рядом с Андреем появилась новая шкатулочка.

— Заработало! — Андрей издал победоносный клич.

Он наклонился, поднимая новую шкатулочку. К его удивлению, обе кнопки на ней были вжаты.

1. Нажать одну из кнопок, расположенных на верхней грани прибора.

2. Произнести желание вслух.

3. Подождать пять секунд, пока синтаксический анализатор распознает желание.

4. В случае удачного анализа последует исполнение команды, кнопка сохранит свое нажатое положение.

«Я хочу получить еще одну шкатулку Пандоры, которая в точности соответствовала бы параметрам данной» — сказала шкатулочка.

Опять запахло озоном. Третья шкатулочка Пандоры появилась у ног Андрея Шуманского...

Об авторе

Родился в Запорожье. В 1992 году семья переехала в Кривой Рог. Начиная с 2000 года — последовательные переезды: Киев, Москва, Днепропетровск и снова Киев. В каждом городе по два года.

Сейчас живет в Киеве. Студент Киевского Политехнического Института, факультет прикладной математики.

Первая публикация — 2006 год, областной литературный альманах «Соборы наших душ». В 2008 году вышла публикация в альманахе «Полдень XXI век» (рассказ «Вкус спелой ежевики»). Имеет публикации во всемирной сети (интернет-журнал «Магия ПК»).

Татьяна Бирюкова

Женщина

*Посвящается Марии Похиалайнен —
подруге с простым именем, сложной фамилией,
счастливой судьбой и большим талантом...
В День ее 25Алетия.*

Женщина, возраст которой было трудно определить по внешнему виду, и не изЖзтого, что она выглядела моложаво, а, скорее всего изЖзтого, что она никак не выглядела, с тяжелыми сумками (в одной лежала стопка тетрадок восьмиклассников с контрольной по алгебре, а в другой — проЖ дукты для семьи) возвращалась с работы. Она спешила, так как явно запазЖ дывала: сначала поболтала со своими коллегами — подругами, — о жизни, затем, вспомнила, что завтра надо обязательно сдать отчет по успеваемости за первое полугодие, а потом посидела в Интернете в поисках более оплаЖ чиваемой работы для себя и для мужа.

Вывавшись из всемирной паутины, оценив потраченное на все это время, Женщина выбежала из школы и, заскочив на минутку в круглосуЖ точный магазинчик, уверенной походкой направилась в сторону автобусЖ ной остановки, хотя прекрасно понимала, что автобуса в это время она не дождется. Неширокая улочка, на которой горело только два фонаря, была пуста. Женщина немного сгорбилась, приподняла плечи и ускорила шаг.

Приближаясь к первому из фонарей, она ощутила чтоЖтостранное... Такое чувство бывает во сне, когда тебе жизненно необходимо бежать очень быстро, ты понимаешь, что еще чутьЖчуть и случится ужасное, все зависит от того как быстро ты будешь передвигаться, но вместо человекаЖмнии, ты превращаешься в замедленную киноплёнку. И вот Женщина, словно муха, попавшая в мед, силясь преодолеть это препятствие, разворачивается на 180 градусов, и будто борясь с сильным ветром, пытается пройти несколько шагов «задом наперед», как вдруг неожиданная невидимая стена исчезает, и Женщина со всего размаха падает. В голове пронеслась мысль «Хорошо, что зима! Пальто не испачкала, да и сильно не ударились...».

Когда испуг от неожиданного падения прошел, пришла очередь страха. Женщина сидела не на белом и даже не на грязном снегу, вдыхая морозный воздух, освещенная тусклым фонарем, а на желтом мелком песочке, дыша чистым морским бризом, получая бесплатный ультрафиолет в естественЖ ном солярии! Перед ее лицом свисал огромный лист какогоЖтотропическоЖ го фикуса, да и вообще, весь обзор просто забивала яркая зелень.

«Господи», — прошептала Женщина и почемуЖтостала вспоминать, что

не поставила оценку Диме из 8 «б», а Сергею из 10 «а» забыла в журнале стереть карандашную двойку, контрольную унесла, не пойми куда, мать будет волноваться, что поздно нет, муж..., хотя кто его знает, что будет делать муж? Детям будет нелегко! «Господи», — еще раз прошептала Женщина, когда поняла, что воспоминание о ее собственных детях ушли на второй план, а сначала — работа. «Дура», — в сердцах подумала про себя Женщина. Ей стало очень обидно, что она не увидит, как ее старший постуЖпит в институт, женится, пойдет работать, что она не узнает, как зовут внуЖков, не побывает в Индии... Да и судьба младшего вырисовывалась в темЖных тонах. Ей стало так себя жаль, что она скинула пальто, уселась на него, обняла колени руками и зарыдала. Наверное, извержение этого вулкана природа готовила давно. Рыдания перешли во всхлипывания, затем в несильную икоту, и, когда стихия успокоилась, Женщина почувствовала страшный голод. Она открыла сумку с продуктами, схватила вареноЖ копченую колбасу и, не очищая ее, вгрызлась в ароматное тельце восьмиЖсотграммовой палки «Московской». Прошло четверть батона колбасы, как вдруг, будто опомнившись, Женщина вскочила, затем упала на песок и стала чертить вокруг себя и своих вещей огромный круг, а на том месте, где по ее мнению находился портал, она нарисовала ровную линию. Этого ей показалось мало, она, не отрывая взгляда от участка на песке, попятилась к океану и почти на ощупь стала собирать ракушки, вынесенные на полосу прибоя теплыми волнами голубого океана. Из подручного материала она решила увековечить то место, откуда она появилась на этом пляже и через которое она надеялась вернуться обратно в свой мир... На чем основываЖлась ее вера в возможность возврата и особенно в то, что линия возврата совпадет с линией появления?

На сооружение, чемЖо напоминающее Стоунхендж, Женщина потратила около часа, когда окружность и полоса портала превратились в широкие тропинки, выложенные ракушечником и кусочками кораллов, на усталом лице появилось подобие улыбки. Усевшись в центр круга, она сняла сапоги, стянула свитер и стала, почти не мигая, смотреть на черту. Воздух стал колеЖбаться, но это было лишь марево над раскаленным песком. Часа через два Женщина почувствовала страшную жажду, в голове промелькнула мысль о путешествии вглубь джунглей, ведь такая буйная растительность не могла существовать без воды, причем пресной! Но она боялась даже повернуть голову в сторону, ведь портал может открыться каждую секунду! «Какая же я всеЖаки дура! У меня же есть молоко!» — и вот содержимое сумки полетело на песок. От жары молоко прокисло. Выпив несколько глотков, Женщина разумно решила тянуть удовольствие. Поэтому, она закрыла пакет, разобрала продукты и спрятала их в сумку; нарвала огромных листьев фикуса, вырыла неподалеку от себя ямку в песке: сначала уложила листья, затем положила сумку и накрыла все это свитером, еще один слой из листьев, а потом слой песка. Ей показалось, что именно так можно сохранить свой пищевой запас. Она была уверена, что ее пребывание в этом месте не будет долгим, и дейЖствительно, кому надо, чтобы она сидела здесь? Кто от этого получит удоЖвольствие? Про себя Женщина место, где оказалась, назвала Островом. Что это было на самом деле? Ну, Остров так Остров!

Глаза быстро устали смотреть в одну точку, яркое солнце не облегчало задачу. Женщина достала из другой сумки тетради и красную ручку и, чтобы как-то отдохнуть и скоротать время, стала проверять контрольную работу. Если бы вчера кто-нибудь из коллег сказал ей, что она будет отдыхать, прощаясь с тетрадями 8 «б» класса, она бы отдала тетради этому коллеге с пожеланиями хорошего отдыха и доброго пути в указанном ею направлении. Но сейчас она с упоением всматривалась в каракули и пыталась уловить хоть какой-нибудь смысл в этой белиберде! Проверив пять тетрадей и поставив всего лишь одну двойку, Женщина решила прервать свой отдых и предаться утомительной работе — ожиданию чуда! Чуда в этот день не произошло. Не произошло оно и через день...

Когда еда в сумке кончилась, прокисшее молоко осталось в воспоминаниях, а тетрадки проверены несколько раз и написаны аннотации к работам там плюс короткие эссе-размышления, иногда даже стихи, Женщина поняла, что она должна выйти из круга и пойти в джунгли за едой и питьем. Было очень страшно, и не из-за того, что она боялась встретить хищника или змею, нет! Она была уверена: стоит ей отлучиться, как портал откроется, подождет немного и закроется, теперь уже навсегда, и самое страшное, что она даже об этом не узнает! Спор с собой «Идти или не идти?» занял весь день, к вечеру спорящие стороны пришли к выводу, что идти придется и что завтра, как только она проснется, сразу же отправится в поход.

Утро. Женщина, будто восходящая на эшафот, медленно подняла ногу и переступила через окружность, которая отделяла ее от красочного мира Острова. Двигаясь спиной, Женщина прощалась со своим миром, понимая, что шанс возврата утекает, как песок сквозь пальцы. Но перспектива остаться на пляже и умереть с голода или от жажды за призрачную возможность вернуться домой ей показалась неразумной. Она резко развернулась и побежала в сторону, противоположную океану. Растительность больно хлестала ее по голым ногам, а бежать босиком было очень непривычно, в голове пульсировала одна мысль: «Быстрее»... Углубившись в Остров метров на двести, Женщина остановилась и стала прислушиваться. Но кроме своего громкого дыхания и тихого рокота океана она ничего не услышала. В голове стали проноситься воспоминания о прочитанных в детстве книгах, ничего подходящего... Попыталась влезть на высокое дерево... в детстве у нее это получалось гораздо лучше. Поднявшись над землей метра на три, вытянув шею, Женщина стала рассматривать свои владения: вот пальма, на которой растут плоды, можно рискнуть и съесть несколько, вон там, наверняка, ручей, о, ну это точно бананы... Охотница вернулась домой с хорошей добычей. Соленный ветерок сдувал песчинки с ракушечника, никто и ничто не расскажет ей, что произошло в ее отсутствие, да и произошло ли? Долгожданное чудо откладывалось...

Первый выход в свет не стал последним, она ежедневно посещала баняшные новые плантации и прозрачный ручеек, затем решила купаться в океане, правда, боясь акул, Женщина не отплывала далеко от берега. В ее рационе появились и морепродукты: мидии, рапаны, а с помощью свитера она наловила прозрачных креветок. Есть все это сырым — не позволяло восприятие. Пришлось полдня посвятить тому, чтобы развести костер первобыт-

ным способом. Самое смешное в этом была даже не поза, в которой она пыталась добыть огонь, а то, что, когда пламя появилось, и сухие ветки были принесены в жертву великого Огня, Женщина полезла в сумку с тетрадами, чтобы пожертвовать кусочек обложки оранжевому божеству, как вдруг из сумки выпала зажигалка! Точно, она отобрала ее у мальчишек, которые поджигали бумагу возле противопожарной сигнализации...

Она расстроилась, обозвала себя очередной раз «полной дурой», но затем гордо подняла подбородок и произнесла довольно громко, так, чтобы окружающие ее пальмы, фикусы, песок, океан, солнце, небо слышали: «Я могу!». Это были ее первые слова на Острове, которые она сказала вслух! «Я способна позаботиться о себе, я смогла добыть огонь без помощи цивилизации, я — Женщина!». Она была счастлива! Женщина с радостным криком выпрыгнула из своего «защитного» круга и побежала за пищей для костра. Говорить сама с собой она стеснялась, ей казалось, что кто-нибудь посмолит косым взглядом, кто-то покрутит у виска указательным пальцем, а кто-то прочтет ее мысли... Но после «Я могу!» Женщина четко поняла, что все эти опасения — лишь маска. Маска, которая сковывает ее, заставляет лицемерить и, хуже всего, заставляет врать самой себе! Только оказавшись здесь, на Острове, где нет ни души, она смогла оценить всю извращенность цивилизации.

Самый простой пример: скажите, не все равно ли нам, как одета Мария Ивановна из второго подъезда? Нас интересует только наша персона и как мы выглядим в глазах постороннего человека... А постороннему человеку, в свою очередь, наплевать, как мы выглядим, ему важно, как выглядит он сам. Ну, может, пронесется в его мозгу мысли «Фу!» или «Ух ты!», но это произойдет так быстро, что ни он, ни кто-либо другой этого не заметят. Так зачем выстраивать такие сложные геометрические фигуры, зачем обманывать себя и других, давайте честно признаемся, что мы хотим хорошо выглядеть для себя! И это совсем не эгоизм! Нет! Хотя...

Жизнь на Острове превратила нашу Женщину — Серую Мышь — в привлекательное создание, которое заинтересовало бы противоположный пол и вызвало бы у этого, все еще противоположного пола, желание общаться. Свежий воздух, морской аромат, вынужденная диета, фрукты, длительные прогулки по пляжу, плавание, морепродукты, солнечные лучи поработали на славу! Маленький инцидент с огнем пробудил в ней горделивую осанку. Вот она, божественное творение, которое называли — Женщина! Она шествует по пустынному пляжу, голова ее как будто бы увита тяжелой диадемой, движения плавны и неторопливы. Встань, раб смиренный! В тронный зал вошла императрица!

Горячий песок уже перестал обжигать босые ноги, а корни и трава — колоться. Женщина привыкла к Острову, и он принял ее! Ей не надо смотреть на горизонт и разжигать огромные костры, она в другом мире, портал перенес ее. Где лежит ее Остров? Какой океан омывает его берега и какое время отсчитывается на циферблате истории? Вопросы, на которые ни она, ни кто-либо еще не ответит. Да и нужны ли эти ответы? Женщина поняла, что перестала ждать. Ее реальный мир — это Остров! А все, что было раньше: родители, друзья, школа, вуз, опять школа, семья, муж, дети — все это

гдеЖтосовсем далеко, на другом краю Вселенной, гдеЖтоза Млечным Путем!

Костер ласково потрескивал, последние лучи светила коснулись макуЖшек волн, и пропали за горизонтом, яркие звезды выписывали на небосвоЖде странные письма, а Женщина предавалась неге, она наслаждалась спокойствием природы. Раньше, до того, как Остров ее короновал, она переживала, боялась, с ужасом задумывалась о своей участи, если вдруг налетит ураган, или подымется огромная волна, да просто наступит зима, ведь, может, и на Острове меняются сезоны. Но все это ушло кудаЖтодалеЖко в космос. Остров и Женщина стали единым организмом, который жил в полной гармонии. Она полюбила Остров и не хотела покидать его.

Иногда, вспоминая свою прежнюю жизнь, Женщина жалела только об одном: ей не хватало детей. Когда дети были маленькие и находились все время с ней, ей хотелось вырваться из объятий налаженного быта, пообЖщаться побольше с мужем, с друзьями, глотнуть светской жизни, пройтись по магазинам, выспаться и заняться теми делами, которые принесли бы ей удовлетворение. Теперь, если Остров предложил бы перебросить сюда любого человека, она бы выбрала ребенка. Да, вот это был бы эгоистичный поступок! Зная, что она меняет будущее своего чада, Женщина все равно бы выбрала ребенка. Но она никак не могла решить: младшего или старшеЖго? Это была единственная дилемма, хотя и придуманная ею: ни Остров, ни Космос, ни ктоЖибо еще не предлагал ей ничего...

Во сне Женщина слышала знакомый звук, он доносился из прошлого, нарастал и вскоре стал нестерпим. Он заставил проснуться, и когда Женщина открыла глаза, то поняла, что это за звук и откуда он раздается. Через портал была видна заснеженная улица, тусклый фонарь, а по темноЖму небу с тяжелыми тучами, набирая высоту, летел самолет. Женщина застыла, а затем совершила поступок, которым сразу же выполнила свой долг и предала друга. Она схватила свое пальто, которое превратилось в коврик, подхватила сумку с тетрадями, которая лежала под огромными листьями растения, напоминавшего фикус и, не прощаясь с Островом, кинулась в зиму...

Босоногая женщина в очень старом изношенном пальто, с сумкой и расЖтрепанной прической стояла возле фонаря и не знала, куда ей идти.

Об авторе

Родилась 13 января 1969 году в городе Краснодаре, окончила Кубанский Государственный университет, математический факультет. Живет в городе Троицке Московской области, работает в МОУ «Гимназия им. Н. В. Пушкина» учителем информатики. Замужем, имеет двоих сыновей.

Публикации были, но только с профессиональным уклоном: статьи в журнале «Педагогические науки», материалы в сборниках статей различных конференций, статьи в городской газете.

Анатолий Киселёв

Грехи отцов

Калитка оказалась запертой изнутри. Разбираться не стали, выбили и вошли во двор. Бросившуюся под ноги шавку огрели валявшимся тут же поленом. Лай сменился визгом. Двое встали на крыльце, по обеим сторонам двери, третий остановился, не поднимаясь на ступеньки. Достали наганы. Переглянулись. Старший кивнул. Тот, что помоложе, несколько раз ударил рукояткой в дверь. Довольно долго ничего не было слышно. Старший нетерпеливо дернул плечом. Теперь уже двое заколотили в дверь рукоятками револьверов.

— Кто там?

— Открывай, открывай! — легкий смешок, беззлобное ругательство. — Откроешь — узнаешь!

Дверь, чуть скрипнув, медленно отворилась. На крыльцо вышел невысокий человек со щеголеватыми усами. Гражданская одежда не могла скрыть военной выправки.

Двое быстро схватили его за руки, выкручивая за спину, старший, одним прыжком взлетев по ступенькам, нанес удар рукояткой нагана в голову...

Хозяин сидел за столом, руки связаны за спиной, лицо залито начавшей уже подсыхать кровью из рассеченного лба. Старший сидел напротив хозяина, двое других «гостей» методично переворачивали все в доме вверх ногами.

— Ну что, ничего?

— Ничего. Только вот это. — Один из проводивших обыск положил на стол две георгиевских медали. — Да, похоже, кто-то недавно был здесь. Задняя дверь не заперта. Посмотреть бы, да темно уже, а лес рядом...

Старший нехорошо заулыбался, покручивая барабан револьвера:

— Что это тут у тебя творится, а? Не успел вернуться домой, так сразу сходки какие? Белогвардейский заговор тут устраиваешь?

Хозяин разлепил залитые кровью губы:

— ЖАжена это с дАдетьми... К МАматери ушли...

— Так я тебе и поверил! К матери — да огородами? — Казалось, упоминание о жене только больше разозлило старшего. — Я тебе покажу — жена! Зубы нам заговорить успел, пока дружки твои, контра недобитая, огородами в лес уходили!

Хозяин что-то пытался возразить, но слов не было слышно, старший орал, брызжа слюной и размахивая перед его лицом наганом.

— Мало вы кровушки нашей попили, мало нас мучили да на фронте на германские штыки гнали, за нашими спинами прячась! Теперь вот заговоры белогвардейские устраиваете! Жена, видите ли, к матери, видите ли! Я тебе покажу — жена!

Страшное зрелище, когда ногами бьют связанного человека...

Двое, видимо, зная крутой нрав своего начальника, предпочитали не вмешиваться, стояли в углу, угрюмо смотря на происходящее...

— Ну, и что теперь будем докладывать? — они, похоже, чувствовали себя не в своей тарелке.

— Что, что... При попытке к бегству, вот что. Оказал, мол, вооруженное сопротивление, прикрывая отход своих негодяев-агообщников... Лучше пошарьте! Ага, может самогоночка найдется, да хоть огурец какой — закушать... Выпьем... За первую годовщину победы нашей Революции... Забыли, что ли? И за победу мировой!

Ноябрь в этом году выдался дождливый и слякотный, природа как будто скорбела о чем-то несправедливо содеянном, пытаясь слезами искупить вину. Знать бы только — за что?

Человек медленно брел по бульвару, глядя под ноги — то ли чтобы не промочить ног в многочисленных лужах, то ли чтобы не видеть окружающих... А может, просто стараясь оттянуть какое-то неизбежное, но очень неприятное событие...

Чем больше стараешься оттянуть неизбежное, тем быстрее оно тебя настигает.

Человек сверился с бумажкой, на которой был написан адрес, и вошел во двор...

— Здравствуйте... Нет-нет, мы не знакомы... Вы меня не знаете... Я вас, в сущности, тоже... Вы поймите, мне так трудно сразу объяснить, зачем я пришел, это все надо по порядку... Разрешите, я лучше пройду, а то на пороге неудобно, это не сразу расскажешь... Спасибо, спасибо...

Человек, три минуты назад, на улице, сверявшийся с адресом на бумажке, поминутно извиняясь, раздевался в узкой прихожей. Он почему-то не проявлял любопытства ни к окружающей обстановке, ни к хозяину, не осматривался и, только пройдя в не менее тесную кухню, усевшись на табурет, положив руки на стол, вздохнул и поднял голову.

— Чай, кофе? Вы извините, что не предлагаю ничего более существенного, но мне скоро уходить, да и поймите, я же вас совсем не знаю...

— Нет-нет, что вы, что вы... Я не затем пришел, чтобы пить-есть... Поверьте, у меня очень и очень важное дело, только я не знаю, как начать...

— Да как же будет и начните! — хозяин, не присаживаясь, стоя у окна, ободряюще улыбнулся. — Смелее!

Гость посмотрел на него, помедлил, затем вытащил из внутреннего кармана сложенный вчетверо листок бумаги, развернул его и положил перед хозяином.

— Вы знаете этого человека?

Хозяин взял листок и начал внимательно его изучать. Это была фотография, распечатанная с компьютера на плохом принтере: молодцеватый молодой мужчина с франтоватыми усами, в шинели и фуражке, на боку — шашка, кончик ножен выглядывает снизу из-под шинели, рукоять — у

пояса, из специальной прорези... Снимок, судя по фону за спиной, сделан в ателье, поЖвидимому, в начале двадцатого века...

Хозяин вздохнул.

— Да, я знаю его. Это мой дед. Фото, если я не ошибаюсь 1914 года. А вы какое отношение имеете к нему, если не секрет?

Гость не ответил на вопрос, лишь пробормотал едва слышно:

— Ну что ж, тогда я пришел по адресу...

...Калитка оказалась запертой изнутри. Разбираться не стали, выбили и вошли во двор. Бросившуюся под ноги шавку огрели валявшимся тут же полёном. Лай сменился визгом. Двое встали на крыльце, по обеим сторонам двери, третий остановился, не поднимаясь на ступеньки...

Когда он закончил, хозяин вдруг обнаружил, что сидит напротив, держа листок в побелевших от напряжения руках...

— Видите ли, — после некоторой паузы продолжил гость, — это был мой дед.

Неловкая пауза повисла под потолком, сгущаясь и опускаясь, все ниже и ниже...

— Подождите немного, — спешно проговорил гость. — Я скоро закончу. Потом и задавайте вопросы, или ничего не говорите — ваше право... Можете меня вообще даже выгнать... Дело вот в чем. Деда потом расстреляЖли в тридцать седьмом. Аргентинский шпион... Или парагвайский. Не помню даже — какая разница... Вы же прекрасно понимаете, что это полЖнейшая чушь, и как это вообще все делалось... Главное — не в этом. Главное в том, что до самой смерти ему снился один и тот же сон. Тот самый вечер. Первая годовщина победы Революции... Сначала дела его шли неплохо, занимал какиеЖто пусть и не крупные, должности по партийной линии... А после смерти деда все это стало сниться моему отцу.

— Подождите, подождите! Как так — тот же самый сон? И вообще, откуЖда вы знаете, что тот же самый?

— Да, тот же самый. До мельчайших подробностей. Откуда знаю? Дед когдаЖто рассказывал отцу. А отец — мне. Сначала думали, что у деда какаяЖто психическая болезнь, пытались лечить. Санатории там всякие, институЖты... Светила психиатрии... Ничего не помогало. Дед смирился. А когда после его смерти сон приснился отцу, тот просто пришел в ужас. Но расЖсказывать комуЖибо побоялся. Да и что рассказывать? Вообще, психичеЖские болезни ведь, насколько мне известно, не заразные? Не передаются таким образом по наследству?

— Нет, тут чтоЖто другое...

— Вот и я так думаю, чтоЖто другое... Отец не пытался ничего делать с этим. Просто жил, как мог. На больших должностях не был, простой рабоЖчий, сын репрессированного, ходу ему особо не давали. Началась война — отвоевал свое, женился, работал, меня растил. А когда умер, сны стал видеть я... Оставил, значит, отец мне дедово наследство...

Хозяин задумчиво поднялся, начал прохаживаться по кухне, насколько позволяло свободное пространство, потом глянул на гостя:

— Ну, а вы **Ж**тоне пытались с кем **Ж**ибо посоветоваться, проконсультиро**Ж**ваться?

— **Я** **Ж**то **Я** **Ж**топытался. После перестройки, когда стали проще смотреть на всякую мистику...

— И что?

— Вначале, конечно пытался с научной точки зрения прояснить хоть что **Ж**ибудь. Только ведь официальная наука в такие вещи не верит. А гадал**Ж**ки да экстрасенсы — знаете, ведь очень сложно найти настоящего специа**Ж**листа. В основном — одни шарлатаны... Но если долго мучиться... Хотя подсказал не экстрасенс. Зашел я как **Ж**тв храм. Вы ведь знаете, наши деды и отцы растили нас атеистами и так в этом преуспели, что вот, кажется, умом уже что **Ж**топонимать начал, а все никак переступить не можешь через какой **Ж**тбарьер...

Гость задумался — тяжело и надолго. Хозяин тоже молчал.

— Сам не помню, что меня туда потянуло. Просто шел мимо по каким **Ж**о делам, смотрю, народ собирается понемногу, видимо, служба должна вот **Ж**от начаться... Я и зашел. Думал — на минутку, свечку поставлю и пойду своей дорогой. А получилось — отстоял службу. Люди начали расходиться, а меня что **Ж**тоне отпускает... Батюшка на меня внимание обратил — что, мол, гово**Ж**рит, случилось, что **Ж**тсебя гложет, груз какой **Ж**тона душе у тебя! А я и спро**Ж**си, как, мол, свечку поставить? За упокой... Вот и разговорились... И знае**Ж**те, что он мне сказал в конце разговора? Наверное, и не разговор это был даже, а — исповедь...

Опять длительная напряженная пауза...

— Он спросил: а знаешь ли ты, что такое — *покаяние*?

— Но ведь не вы же это совершили?

— Я, не я... Грехи отцов, оказывается, могут пасть на детей... И даже, как видите, на внуков... А знаете, каково с *этим* жить? Не знаете? Так лучше и не знать вам этого никогда...

Что **Ж**тнеосязаемо **Ж**тяже **е** продолжало висеть в воздухе...

— А как вы нашли меня?

— Да вот по этой фотографии и нашел. — Гость показал на листок в руках у хозяина. — Вы же ее в Интернете, на своей страничке помещали?

— Помещал... Думал, что кто **Ж**тсообщит какие **Ж**ибо сведения о деде. По Интернету. Только я не думал, что так просто найти человека, если на его страничке в Интернете не имя, а только ник.

— А я и не говорю, что просто. Всех знакомых подключил, кто хоть чем **Ж**то мог помочь... Нашли. И адрес, и телефон. Я ведь когда это фото увидел, сразу понял, что нужно найти вас. Именно — найти, и придти к вам домой, а не переписываться в Интернете. Я лицо на фотографии сразу узнал. Не один год оно мне снилось, до мельчайших подробностей помню... Только там, во сне — он без формы... Так значит, кто **Ж**тоиз семьи вашей уцелел все **Ж**таки?

— Бабушка с детьми успела **Ж**таки в лесу спрятаться... Кстати, она рас**Ж**сказывала, что дед ваш, вы уж извините, все клинья к ней в свое время под **Ж**

бывал. А потом простить не мог, что за моего деда она замуж вышла... Отец выжил, ему три года уже было, а сестра его совсем еще маленькая тогда была, умерла, когда прятались в лесу... Отец, как и ваш, тоже был простым рабочим, тоже отвоевал свое... Поздно уже женился, да умер рано... Вот так...

Хозяин сидел за столом, напротив гостя, черкал что-то на бумаге огрызком тупого карандаша...

— Так вы решили покаяться? — Вопрос прозвучал резко, как выстрел в тишине. — Думаете — сниться перестанет?

Гость смутился.

— Я и не знаю, как это вам правильнее сказать. Покаяться, не покаяться... Может — перестанет сниться, может — нет... Для меня дело уже не только в этом. Просто понял, что надо к вам прийти — и поговорить. Душу, что ли, облегчить... Надо — и все. А чем этот разговор закончится — тут уж как Бог даст.

Он опять сидел, не поднимая глаз, хрустел пальцами.

— К тому же сегодня седьмое ноября...

Гость дернулся.

— К тому же сегодня седьмое ноября... — эхом повторил он. — Вот, еще... Возьмите...

Вытащил из кармана маленький сверток. Осторожно, как бы боясь обжечься, развернул и пододвинул поближе к хозяину.

Тот молча смотрел на содержимое. Что-то застряло в горле, мешало шершавым комом и не давало задать вопрос. Он протянул руку и осторожно коснулся содержимого...

Две георгиевские медали.

Хозяин тяжело встал. Достал из холодильника початую бутылку водки. Из шкафчика — два граненых стакана. Наполнил каждый на треть. Один передвинул на другой конец стола вместе с листком бумаги.

Выпили молча, не чокаясь и не закусывая.

Гость поднес листок к лицу. Четыре строчки. Прочитал несколько раз, запоминая. Вскинул глаза.

Хозяин стоял, отвернувшись и глядя в окно.

Гость тихонько встал, оделся, постоял в прихожей... Вышел. Не прощаясь...

Выстрелом входной двери лопнуло напряжение, скопившееся в квартире.

Чиркнула спичка. Листок корчился в тарелке, четыре строчки, сразу и навсегда врезавшиеся в память обоим, превращались в пепел...

*Кто виноват, и как там в самом деле,
Не мне судить — тем более, с плеча.
...Но кровь была — красна и горяча,
Пока не запеклась на мертвом теле...*

Один человек медленно шел через двор прямо по лужам, другой смотрел на него из окна седьмого этажа. Идущий остановился, оглянулся, посмотрел на окно, встретился взглядом... Слегка поклонился, — показалось? — быстро пошел со двора...

Наутро раздался телефонный звонок.

— Простите, что беспокою... Знаете, этой ночью я видел во сне море...

Об авторе

Родился в 1956 году в городе Брянске. После школы пошел работать на Брянский машиностроительный завод. 1974–1976 — служба в армии. В 1981 году закончил Брянский институт транспортного машиностроения. В данный момент работает начальником БТК в частной фирме.

Стихи начал писать в конце прошлого века (примерно в 1998 году), прозу — в 2003 году. Стихи печатались в журналах и сборниках, проза — в местных газетах.

Сергей Красносельский

Предварительный некролог

— Ты кто? — Часть силы той,
что без числа творит добро,
всему желая зла
Гёте «Фауст»

Не в лучший момент своей жизни встретил инженер Томилин школьного друга Витьку Вепрева. Впрочем, какого там друга, если они с Витькой учились два года то ли в седьмом и восьмом, то ли в восьмом и девятом, а после школы ни разу не встречались. Поэтому сейчас он его не узнал и долго не узнавал, хотя тот ехал рядом с тротуаром, высунувшись в окно машины невиданной марки, и орал на всю улицу:

— Сашка! Томилин! Это же я, Витька Вепрев! Неужто не узнал?!

Узнать он его так и не узнал, но признал. Да, действительно, был такой — Витька Вепрев. Но как выглядел, Томилин не помнил, и какое отношение имел к широкомордому мужику в шикарной машине — не знал.

Больше всего поразило Томилину, что он минут двадцать назад, впервые за без малого тридцать лет, почему-то вспомнил Витьку Вепрева, и вот, пожалуйста, тот материализовался «аки диавол во ноши».

Не имея общепринятых, путных причин гордиться собой, инженер Томилин гордился тихо, про себя, тем, что он — человек точной профессии, отвергает всякую мистику и заумь, все, что не выдерживает кинжального луча его аналитического разума. Невозможность рационально объяснить появление Витьки здесь и теперь ввергла инженера Томилину в оторопелое состояние.

А это состояние, в свою очередь, нейтрализовало обычное томилинское упорство, с которым он отрешивался от любых приставал. Он знал за собой эту способность — ответить так холодно и высокомерно, глядя мимо «просителя», что самые настырные терялись и отваливали.

Сначала этой его способностью гордилась вместе с ним и его жена, пока были молоды и нуждались во взаимной гордости. Потом как-то незаметно гордость перешла в презрение: «Принц дерьмовый, граф занюханный, — говорила она, кривя потерявшие былую упругость губы, — ну, посмотри на себя! Чем гордишься? И каждый раз она явно показывала ему все выгоды, которые могли произойти из этого именно знакомства.

Сначала он отвечал, что ему унижительно... Подумаешь, какой Артемон породистый! Потом он начал доказывать, что именно в этом случае пользы никакой не могло быть. Потом замолчал вовсе...

Но переломить себя не мог. ПоЖпржнему высокомерно и холодно он отшивал всех. Он не мог отказаться от этой привычки, как пьяница от дарЖмовой выпивки. Это был миг его торжества и он продолжал, как говорила жена, «с шизофреническим упорством» гробить перспективные варианты.

А вот сейчас он упустил момент, чтоЖтомямлил и опомнился, уже сидя рядом с Вепревым на сидении из мягчайшей кожи. А тут он был уже как бы в гостях, да и высокомерие здесь оказалось бы какЖтне к месту.

Когда Витька попрекнул его забвением их старой дружбы, он вполне искренне отвечал, что вот только что вспоминал его и даже рассказал эпизод из их школьной жизни, который вот только что вспомнился ему. Витька этого эпизода не помнил и, глядя не на дорогу, а ему в глаза тяжелым ехидЖным взглядом, казалось, решал, врет он или не врет. Причем Томилину показалось, что если Витька вдруг ему не поверит, то тут ему и карачун приЖдет от Витькиной руки. Испугавшись, он грубо крикнул:

— На дорогу смотри, разобьемся!

И Витька, криво усмехнувшись, отвел глаза:

— Боишься...

Тут Томилин догадался, что Витька тяжело пьян и какЖто сразу успокоилЖся, как бы возвысившись над ним вместе с его машиной.

— Ничего я не боюсь, — ответил он ворчливо.

Витька снова было взглянул на него насмешливо, но сказать ничего не успел, потому что Томилин вдруг неожиданно для себя произнес:

— Мне жизнь незачем беречь.

Как бы отвечая ему, Витька сказал:

— Надо выпить, поговорить...

— Куда уж тебе, ты и так уже...

— Мне можно, — ответил Витька миролюбиво и уже зарулил лихо к какомуЖтоподъезду, где Томилин и не бывал отродясь.

Машину Витька вроде и не запер. Томилин хотел напомнить, но чтоЖто заработел и не решился. Как будто уловив его колебание, Витька обернулся и сказал просто так, для информации:

— Мою не угонят, меня знают...

— Это со мной, — сказал он швейцару. Томилин сжался от оскорбления и повернул бы назад, если б смог. Но тут появился некто величественный, весь в черном и в галстук бабочкой. Ему Витька подал руку и сказал, что вот, мол, встретил школьного друга Сашу Томилину, хочет с ним отметить, вспомнить... Кстати, и про швейцара сказал, что это их хамство, когда они норовят человеку дорогу заступить, ему лично надоело.

— Совсем обнаглели, рубли сшибая.

То есть Витька очень тактично объяснил Томилину, что «это со мной» он сказал изЖзадурака швейцара, и что тому теперь не поздоровится. Томилин хотел было заступиться за швейцара, но потом решил, что не к высшей же мере, да и поделом.

В пустом в это время зале они прошли за столик в углу. Сейчас же на него с чудесной быстротой чегоЖтонаставили в шесть рук и исчезли. Пока продолжалась вся эта суета, Витька как бы отсутствовал, глядя мимо, а Томилин смотрел на него.

Но как только официанты исчезли, Витька поднял рюмку и сказал, не скомандовал, а так сказал, как будто всю жизнь ждал этой минуты:

— Ну, давай!

И когда выпили, запили, закусили слегка: он — селедочкой, а Томилин, не удержавшись, — икрой, Витька тем же тоном проговорил:

— Ну, рассказывай!

И Томилин рассказал ему все. Как окончил институт с отличием, как хорошо распределился, какая интересная была работа, как женился на сотруднице, и как все было прекрасно. Потом родился первый ребенок и второй, и все некоторое время оставалось прекрасно, даже лучше, чем было. Но потом что-то ломалось, жене стало хронически не хватать денег, и невозможно было ей объяснить, что больше зарабатывать он не может. Взаимопонимание кончилось. Где и в какой момент — он не знает.

Он как бы со стороны слышал свой голос:

— Понимаешь, Витя, говоришь человеку простые вещи, а он не понимает! Я прямо не знал, что делать — семья рушится. Веришь, Витя, однажды я ее даже ударил!

Витя верил, переживал, сочувствовал, все понимал и... подливал.

Инженеру Томилину начинало казаться, что Витька Вепрев единственный друг, который его понимает. Правда, он вдруг вспомнил, что есть ведь и другие друзья. На минуту ему стало стыдно — чужому человеку рассказал про жену то, чего не говорил никому. И тут же вновь устыдился — какой же Витька чужой!

Еще его удивляло, что пили они на равных. Витька был уже и до того «хороший», а сейчас он как будто трезвел. Это обстоятельство очень беспокоило инженера Томилину, потому что он все время должен был быть на высоте и контролировать ситуацию. А тут он сознавал, что уже ничего не контролирует и говорит то, чего бы и не следовало говорить вовсе.

— Понимаешь, Витя, тут меня повысили, сделали ведущим. Прихожу, рассказываю ей. Она спрашивает: «Сколько тебе прибавят?» Я говорю: «Тридцать рублей. Сама знаешь, какие у нас в СССР зарплаты». А она рассердилась: «Подотрись своей тридцаткой!» — Томилин обиженно замолчал, потом глянул на друга. — Понимаешь, Витя, меня ценят на службе, работа интересная. Начальство мне бы и больше дало, но нельзя, потому что сразу крик в отделе начнется. И потом, следующие должности уже руководящие, а я с людьми работать не могу, не тот характер...

Станным было то обстоятельство, что Витька ему сочувствовал, однажды Томилин даже с некоторым смущением углядел слезу, которую Витька, целомудренно отвернувшись, снял мизинцем. Так вот, Витька ему сочувствовал, но сам Томилин, сидя здесь в ресторане, за этим столом, на котором все выпитое и съеденное чудесным образом возобновлялось, понимал, то есть не логикой постигал, а ощущал все еще любящим сердцем своим, что он — гад, что действительно заел век своей Нинки, некогда первой красавицы их КБ, и что ничуть она его не обидела насчет этой тридцатки, а все так и есть.

Ведь в таком ресторане они с Нинкой не были... ну, чуть ли не с жениховства. Все — кафешки, да все деньги считаешь — хватит или нет.

И Томилин заплакал от жалости к жене, к себе, к детям, которые и сейЖас уже обездолены, и не могут купить эти проклятые «адидасы». И еще от жгучей обиды за то, что он — ведущий специалист в отрасли, такой важной для страны, а вот не может себе позволить ничего подобного...

— Давай выпьем, — сказал Витька, глядя в сторону.

Они выпили. Томилин вытер глаза и, внутренне посуровев, почувствоЖвал необходимость тоже посочувствовать товарищу.

Мужественным голосом он произнес:

— А тыЖткак? Что все обо мне, да обо мне. ТыЖтгде работаешь?

Витька махнул рукой, мол, что обо мне говорить. И ответил с привычЖной, ненаигранной небрежностью:

— Директор кладбища я, покойничков эксплуатирую. — Томилин почемуЖточень удивился этому обстоятельству, и тогда Витька терпеливо пояснил. — Проходил ты правительственное кладбище, ну, где я тебя окликнул?

Томилин кивнул.

— Ну, вот там я и работаю. Директором.

Лицо его скривилось в неприятной усмешке.

Пока Томилин молчал, переваривая услышанное, Витька смотрел на него, как будто чтоЖо соображая. Вид у него снова был совершенно трезвый.

— Слушай, Александр... — он приостановился.

— Борисыч, — торопливо подсказал Томилин. Ему почемуЖтостало очень интересно услышать, что сейчас скажет ему школьный товарищ, Витька Вепрев.

— Александр Борисович, хочется мне тебе помочь... Ну, там заработать тебе или жене — это нет проблем. Лучше тебе, а то она тебя и вовсе под каблук затолкает. Но это службишка — не служба. Хочется мне для тебя чегоЖибудь настоящее «соорудить», чтобы ты себя человеком почувствоЖвал. Чтобы ты распрямился, голову поднял. Ведь я, знаешь, как тебе в школе завидовал. Я ж тебе подражал, интонации твои копировал...

Чувствовалось, что эти слова дались Витьке нелегко. Он опустил голову и некоторое время молчал. Потом поднял голову, поймал томилинский взгляд и с усилием произнес:

— Хочешь, я тебе похороны на правительственном кладбище организую?

— Кого? — спросил Томилин, чувствуя, что вопрос почемуЖтпрозвучал глупо и даже звук голоса был какойЖтоисклявый. И поспешил пояснить, сознавая, что снова говорит не то, но вовсе не желая услышать «то». — Кого хоронить? У меня вроде бы никто умирать не собирается.

— ЧудакЖеловек, — Витька даже голос понизил, — да неужели ты думаешь, что я для когоЖо стараться буду? Это я тебе только, как другу. Лично тебе. — Голос у Витьки почемуЖо сделался вульгарно сиплым, но, тем не менее, очень приятным. — Ты пойми, я тебе уникальную вещь предлагаю. Ты бы посмотрел, какие люди у меня пороги обивают, какие мне взятки суют!

Он приостановился и сказал другим тоном, глядя Томилину прямо в глаза.

— Но я не беру... Какие женщины на все готовы, лишь бы место для мужаЖтаричка получить!

Томилину стало ужасно неудобно: хоть и друг, а, в общемЖто,вовсе посторонний человек, так о нем заботится. И он сказал, что, конечно, со временем, когда этот вопрос станет актуальным, он с удовольствием (он так и сказал — «с удовольствием», хотя при мысли о смерти никакого удовольЖствия не испытывал) вернется к этому разговору.

— Нет, ты меня не понял, — сипел над ухом Витька.

Он уже пересел на соседнее кресло и приобнимал Томилину за плечи, что было неудобно, но какЖтодаже и приятно.

— Что будет потом, я не знаю. Меня могут попереть в любой момент, знаешь сколько завистников. Надо пользоваться сейчас, пока я в силе.

Томилину только теперь почувствовал, что стремительно трезвеет.

— Но я вроде бы туда... не собираюсь, — опасливо сказал он, отстранивЖшись и заглядывая сбоку в лицо друга.

— Ну, как не собираешься? Ты же сам только что говорил, что жить проЖтивно, что жена презирает, что дети не уважают. Что друзей всех растерял, потому что отношения паскудноЖдловыми стали — с друзьями как на базаЖре. Говорил, что в городе не можешь жить — и у тебя, и у детей аллергия, и уехать тоже не можешь, потому что некуда, да и боишься. Говорил, что неудачник, что жизнь не получилась, что ученого из тебя не вышло и не выйдет, потому что какой уж молодой ученый к пятидесяти годам...

Томилину не помнил, когда он успел все это наговорить. Ему казалось, что и времени столько у них не было. Но, однако, все, о чем говорил ему сейчас Витька, все это было в нем, все это он в разное время думал.

Одно из двух: либо Витька гипнотизер и прочел тут какЖибудь, незаЖметно для него, его мысли, либо он сам настолько напился, что уже не помнит, что говорил. Однако теперь надо было какЖтовыкручиваться, давать задний ход, хотя по своему характеру инженер Томилину этого и не любил. В то же время он не был уже тем азартным «пацаном», каким остаЖвался долгие годы после детства, когда его можно было, по их детскому послевоенному выражению, «взять на понт».

Жена издевалась над этой его способностью: завестись от разговора, пообещать чтоЖто,вгорячах и после выполнять обещанное; хотя, как он подозревал, это его мальчишество и нравилось ей в нем больше всего.

Раньше она спрашивала его: «Томилину, ну почему ты не пообещаешь мне какЖибудь разбогатеть или хотя бы шубу купить? Почему ты со мной всегда такой осмотрительный и расчетливый?»

Почему было так, он не знал, но ей он никогда не давал несбыточных обещаний. В последние годы она стала говорить, что он просто трус. А потом стала называть его трусом без определенного повода. И инженер Томилину, который трусом никогда не был, стал ощущать себя трусом, или, скорее, «премудрым пескарем». Хуже всего, что это отразилось и на его работе — он стал бояться принимать решения.

И вот сейчас, протрезвевший от жизни и от витькиных речей, инженер Томилину осторожно, выбирая слова, говорил, что жизнью он, как и все, недоволен, и это естественно, но люди живут и в худших условиях... Но он

надеется на перемену в судьбе — вот и повесить его должны вскоре, возЖ можно, он все же станет начальником лаборатории, потому что кроме него ставить вроде некого. Кроме того, если с ним... (тут Томилин даже замолк от красоты и точности найденного довода) что случится — кто будет корЖ мить семью?

— Если что случится, — с расстановкой произнес Витька, — не знаю, что с твоей семьей будет, а вот если я тебя схороню, тогда с семьей точно ничеЖ го не случится. Семья твоя будет получать «персоналку» и с гордостью вспоминать отцаЖгеря.

— Но сначала, поЖвидимому, надо стать героем, — не без сарказма замеЖ тил Томилин, чувствуя, что ввязывается опять в ненужный разговор, в результате которого сделает какоеЖибудь заявление, которое потом надо будет долго оправдывать.

Но Витька не дал ему развить мысль.

— Там, у меня, — он широким жестом показал за окно, — эти ваши логиЖ ческие законы не действуют. У меня следствия бывают раньше причин, а последствия превосходят всякие, даже самые фантастические, ожидания.

Он замолчал и внимательно посмотрел Томилину в глаза.

— Но это же противоречит...

— Не противоречит. Все, кто у меня схоронен — прославлены, а их семьи получают персональные пенсии.

— Ну, значит, они заслужили?

— Не значит. ЯЖтвнаю, что они заслужили: некоторые яму с известью, другие — пулю, а коеЖкти пули не заслужил, а только веревку. Но... — Он поднял палец. — Самим фактом захоронения у меня они не только оправЖ даны, а и возвышены.

Томилин почувствовал, что у него заболевает голова, и, чтобы прекраЖ тить этот разговор, решительно сказал:

— Нет, я не хочу! Не согласен!

— Ну, что ж, вольному — воля, — какЖтсразу похолодел Витька.

И Томилиным овладел порыв — тут же согласиться на все и даже конЖ тракт подписать кровью, если понадобится. Только всегдашнее нежелание пятиться назад удержало его. Он вспомнил выражение и даже позу, с котоЖ рыми произносил когдаЖтв шутку, а после всерьез — «я не рак, назад не пачусь», и промолчал.

После этого они с Витькой не разговаривали. Просто встали и пошли.

Он сказал было:

— А платить?

Но Витька с отчужденным лицом махнул рукой и процедил сквозь зубы:

— Кому надо — заплатит.

На улице было темно.

— Тебя подвезти? — спросил Витька.

— Нет, спасибо. Я проветриться хочу, — с виноватой улыбкой ответил Томилин.

— Ну, как знаешь, — глядя в сторону, сказал Витька. — Звони.

— И ты звони...

— Ладно. Давай. — Витька протянул ему руку, все так же глядя в стороЖ

ну. Сел в машину, которая откуда-то взялась перед ним, и укатил, взревев мотором.

Тут только Томилин сообразил, что телефонами они не обменялись, поэтому созвониться будет сложно, но почувствовал от этого соображения большое облегчение.

После этого вечера жизнь инженера Томилина сильно переменялась.

Не сразу, а примерно через три дня.

Через три дня позвонил Витька и без предисловий спросил:

— Ну что, не надумал?

— Что? — тупо спросил Томилин.

— Не дури, — грубо сказал Витька, — Не надумал, говорю?

— Нет. Не надумал, — уже резко ответил Томилин.

— Ну, будь счастлив, — сказал Вепрев и повесил трубку. Томилин не успел попрощаться и спросить откуда он узнал его телефон, хотя и догадывался сам — откуда.

После этого сразу начались явления.

Во-первых, той же ночью на овощной базе, куда Томилина послали несмотря на срочную работу, и где он по ночному времени и от усталости слегка утратил бдительность, его чуть не раздавило тяжелой телегой с картошкой. То есть, может вовсе бы не раздавило, но в стенку бы вмяло.

Спасла его их сотрудница — Верочка, которая, как он не так давно заподозрил, была в него тайно влюблена. Это Верочка крикнула истошным голосом «Саша!», хотя на работе звала его исключительно Александром Борисовичем, и он успел отпрыгнуть в сторону, после чего телега толстой ограничительной трубой врезалась в стену, и посыпалась цементная пыль.

Все загалдели. Особенно изрядно поддатые работяги с какого-то предприятия, а, может быть, и из их цехов, которые разогнали, а после не смогли удержать тяжелую телегу.

Среди матерных мужских и визгливых женских голосов, которые требовали позвать начальство, сообщить в партком и райком, соблюдать технику безопасности и много чего еще справедливо требовали, выделялся голос Верочки, которая спрашивала:

— Вы не ушиблись, Александр Борисович? Вас не задело?..

А он тупо смотрел на то место на стене, пока кто-то из работяг со знанием дела не пробасил:

— Почки и печень, и селезенку порвало бы... Может, и откачали бы... если бы реанимация вовремя поспела. Но после — только инвалидность...

Он никак не связал этот случай с Витькой. Но когда буквально на следующее утро едва увернулся от грузовика, круто зарулившего в их переулок, то даже не пошел на работу и все рассказал жене.

Она сначала над ним посмеялась, заявив, что это нездоровая мнительность, что такое часто бывает у женщин в возрасте. И прочие неприятные вещи. Он принужденно улыбнулся и пожалел, что сказал ей.

Сама же она задумалась, как заподозрил Томилин, о том, как было бы неплохо схоронить его на правительственном кладбище со всеми вытекающими последствиями.

Он с сокрушением подумал, что она смолоду была честолюбива, не то,

что он. А вот с ним ее мечты сгорели. Значит, она тоже изЖаного неудачЖница. Только он неудачник недавно, а она — давно.

Ее настроение и отношение ко всей этой истории изменилось буквально на следующий день, когда по ее настоянию они пошли в кино, развеяться, как она сказала.

Развеяться не удалось, даже во время сеанса она зудела, что с нее хватит мужаЖеудачника и вовсе не нужен мужЖараноик. Он чуть не взорвался и, наверное, к ночи был бы жуткий скандал с непредсказуемыми последствиями.

Но когда они уже подходили к дому, он вдруг крепко сжал ее руку так, что она вскрикнула и едва не вырвалась. Но Томилин не дал ей вырваться, а танцевальным движением сделал несколько шагов назад и в сторону к краю тротуара... И тут в то место на тротуаре, где они должны были нахоЖдаться, воткнулся лом.

Лом вошел в асфальт вертикально. И вроде бы даже звенел, а они смоЖтрели на него.

У Нины началась истерика. Он ее успокаивал, а случайные прохожие и жильцы их дома стояли на тротуаре и высматривали точку, откуда мог упасть этот лом, а также выясняли между собой, куда надо сообщить, и позвонить, и написать, чтобы там разобрались и приняли меры. При этом все глядели на Томилину. Но ему принимать меры не хотелось, потому что нужны были вовсе не те меры. Впрочем, и они были бы бесполезны.

Неожиданным следствием этого явилось то, что жена, воЖперых, всему вдруг поверила, а воЖворых, вновь стала относиться к нему сносно.

Под строгим секретом она сообщила детям, что за папой их, который разрабатывает нашу главную ракетную технику, охотятся враги. Дети молЖчали и смотрели на него расширенными глазами.

Томилин не знал, что уж там сказал сын своим приятелям, но обнаружил постоянный надзор за собой сосредоточенных и довольно крепких юношей из секции самбо, в которой давно занимался сын.

Потому ли или изЖзго повышенной осмотрительности, но «эксцессы» прекратились.

В городе он после этого пробыл меньше недели и уехал в командировку на полигон. Жена запретила ему звонить и писать, дабы никто не знал, где он. Томилин успокаивал ее, что там уж с ним точно ничего не случится, что там он под надзором.

Но вот там он и начал бояться поЖнастоящему, потому что там уже не лом, а тактическая ракета среднего радиуса действия могла врезаться в то место, где он находится.

Потом он всеЖтаки успокоился и боялся только, что командировка может, того гляди, закончиться и придется возвращаться. Он даже пошел на служебное преступление — намеренно ввел сбой в систему управления ракеты, что автоматически продлило его пребывание на полигоне на опреЖделенный им самим срок.

Совесть свою он успокаивал тем, что все равно необходимо тщательно проверить все системы, тем более, что сборка велась в спешке на перифеЖрийном предприятии с неквалифицированным персоналом.

На следующий день после возвращения в Москву произошло вот что.

Колдуя над разложенной на щитах монтажной схемой, чтоЖто даже напеЖвая, он вдруг поднял голову и обнаружил, что рядом с ним стоит Генеральный, которого он так близко никогда не видел, поскольку всегда находилось, кому докладывать начальству результаты работы.

Считалось, что для него высшим отличием является само присутствие на совещаниях у Генерального. Однако он знал, что присутствует там не просто так, а следит, чтобы непосредственное начальство не выдало «плюху», и что начальник может к нему подойти в любой момент и «уточЖнить вопрос».

Сейчас Генеральный спросил:

— Не помешаю? — и присел рядом.

Он оказался не надоедой и неглупым вообщеЖтому же, что Томилин знал и раньше, но какЖто абстрактно. Оказалось, что Генеральный разбираЖется в тех самых электронных кишках ракеты, которые он сейчас препариЖровал, получше непосредственного («посредственного», как называл его Томилин) начальства.

У них завязался заинтересованный разговор специалистов. Томилин незаметно перешел на «ты». Истомившись в одиночку решать непростые, в общемЖто задачки, он даже советовался с Генеральным и просил его чтоЖто там поддержать. Забывшись, чуть не попросил сбегать за схемой, но приЖкусил язык. Тут, подняв голову, он и обнаружил, что в отдалении переминаЖется довольно большая толпа обычных сопровождающих Генерального.

После чего сказка кончилась. Он смутился, Генеральный попрощался, отряхнул брюки и пошел было, но, приостановившись, попросил Томилину, как будет время, заглянуть к нему, потому что у него есть к Томилину вопросы.

Впрочем, коеЖто произошло в тот же день: у Томилину появился молЖчаливый и сообразительный помощник, который мог и «поддержать», и «принести», и техник, который мог быстро нарисовать и отдать в произЖводство нужную схему (так что теперь Томилин по ночам в своей отдельной комнате не чертил, а спал), и даже пара механиков, от которых к вечеру изрядно пахло спиртом, и они становились не в меру разговорчивыми, но руки у них были золотыми. Томилину они уважали и, стоило ему нахмуЖриться, уговаривали друг друга:

— Помолчи, Лёш, шеф думает.

Первым следствием разговора с Генеральным, который происходил через день поздним вечером явилось то, что Томилин стал «своим собственЖным начальником» с установлением персонального оклада; что ему выдеЖлили персональную машину, которая была ему не нужна, и вокруг него стал пасть охранник — не охранник, надзиратель — не надзиратель, но, в общем, некий мордоворот Дима.

По естественному недоверию советского интеллигента, который больше представляет таких персонажей в виде следователей или вертухаев, Томилин всегда их недолюбливал, но в новых обстоятельствах не возражал и счел это даже удобным. С Димой Томилину действительно стало спокойней.

Потом произошел еще эпизод, круто загнувший вверх кривую томилинуЖской карьеры.

На совещании у Генерального, где теперь Томилин присутствовал неужко сннительно, однако в разговоры не вступал, а думал все о своем (чаще всего о электронных внутренностях ракеты), он вдруг, ни с того ни с сего, сказал, что завтрашний пуск надо отменить. Сказал и сам испугался, потоЖму что следующей фразы уже не знал — почему надо отменить пуск, по поводу которого есть решение и все уже подготовлено.

Он явственно услышал несколько недовольных голосов, и среди них голос своего начальника, но теперь уже как бы и подчиненного:

— Много на себя берет! Зарвался!

А ктоЖтофыркнув, произнес: — Ему видение было, как Распутину...

Так как нечто подобное на самом деле имело место, он страшно разоЖзился и коротко, веско изложил соображения, по которым пуск следовало отменить. Причем все время он ощущал холод в спине, поскольку ни в чем уверен не был.

Все совещание сейчас же двинулось в ангар, где Генеральному пришлось дать письменное распоряжение демонтировать ракету. Это распоряжение демонстративно прочел, сложил и спрятал в нагрудный карман Председатель Госкомиссии, после чего «умыл руки».

С Томилиным никто, и Генеральный в том числе, не разговаривал, он был как бы в карантине. И непрерывно то потел, то холодел. Генеральный стоял за спиной электриков, которые копались в схеме навигации. Когда Томилин попытался показать, что он имел ввиду, Генеральный молча отоЖдвинул его себе за спину.

Томилину со своего места не было видно, что там происходит. Когда платформа гироскопов была полностью раскрыта, Генеральный поочередЖно подзывал одного за другим своих замов, и они смотрели на чтоЖтоперед собой, что остальным видно не было.

Один их них, не непосредственный, а самый высокий из томилинских начальников, из бывших генералов, в котором валяжность причудливо переплеталась с грубостью и хамством, отыскал Томилина взглядом в плотЖной уже толпе и сказал с дружеской укоризной, на которую раньше Томилин и надеяться бы не мог:

— Ну, что же ты, Саша...

Продолжить он не успел, потому что Генеральный адресовал ему коротЖкую, сплошь матерную фразу, после чего томилинского начальника как ветром сдуло. Потом Генеральный подошел к Томилину, приобнял его за плечи, долго смотрел в глаза и сказал:

— Спасибо, Саша! — и поцеловал.

Сцена получилась довольно слащавой, но, тем не менее, Томилаина чуть слеза не прошибла.

Было продолжено совещание. Председатель госкомиссии говорил, что «для Москвы» это все не доводы, что это «наше», он так и сказал — «наше упущение». И ликвидировать дефекты мы должны были раньше.

Генеральный то и дело срывался на крик:

— Да где раньше?! Раньше нас так же торопили: ДавайЖдавай!

В итоге в Москву ушло две телеграммы.

Пуск не отменили. Москва оказалась сильнее Генерального. Потом

Томилину рассказали, что было еще одно, узкое совещание. Там председатель госкомиссии говорил Генеральному. «Пойми, ты хочешь «хорошего пуска», боишься репутацию испортить. А нужен просто «пуск» — отработай, галочку поставили и вопрос закрыли. Никто нас не упрекнет. А невыполнение задания нам на всю жизнь запомнят».

На Генерального навалились все. Общее мнение было, что случай, конечно, серьезный, но не настолько, чтобы пуск по утвержденному правилством графику отменять.

А уже утром пришел жесткий приказ из Москвы: Пускать!

На пусковой Генеральный, как бы извиняясь, говорил Томилину:

— Ты был прав, надо бы отменить, но заставили... Единственно, что я смог, оттянуть до вечера, чтобы ушла той же датой. Ну, платформу гироскопов заменили, вроде все нормально... Но уверенности нет.

В посту управления было тесно. Томилин оказался у выхода. Сначала замешкался, а после внутрь было и не пробиться. Да он и не старался быть поближе к начальству. Прямо заметно было, как изменилось к нему отношение со вчерашнего дня, ведь о вчерашнем знали уже все. Одни явно заискивали, другие, похоже, сторонились. Заискивали те, кто до этого им вовсе не интересовался. Сторонились, наоборот, те, с кем у него были более или менее близкие отношения. Один инженер — смежник с родственного предприятия, с которым давно, хотя и нерегулярно сталкивались и даже как-то сидели рядом на служебной пьянке, ему сказал прямо:

— Так ты вон куда поднялся, с Генеральным «на ты», пуски отменяешь...

Тут Томилин и сообразил, как ему повезло, что пуск все же состоится. Вот почему он замешкался у входа в пост управления. Теперь он смотрел на всех с подозрением. Одни должны были ему завидовать за то, что он посмел «пуск отменить», другие злорадствовать, что все-таки по его вышло. И с теми и с другими он попросту не знал, как себя вести.

Он вспомнил детство, когда после какого-то детского инцидента он боялся выйти во двор. Или старался так прокрасться, чтобы никого не встретить. Или как он школу прогуливал, когда оказался доносчиком на своих же пацанов. А он всего лишь сказал правду, ответил на вопрос завуча. Но тогда можно было хотя бы на время спрятаться, скрыться. А от работы (на полигоне или в Москве) куда денешься?

Когда пошел обратный отсчет, в помещении поста стало тихо. Все смотрели на экран, где крупным планом проплывали разные участки старта и корпус ракеты. Томилин заметил, что все как-то странно переминаются с ноги на ногу.

На счете «0» появилось белое облачко в хвостовой части. Ракета как бы всплыла над стартовым столом. Томилин почувствовал, что он пригнулся, напрягая мышцы, помогая ей подняться. Она заметно оторвалась и пошла вверх. Все вздохнули разом и задвигались, заговорили тихо, не отрывая взгляда от экранов.

На 12-й секунде ракета завиляла. На экране это выглядело не страшно, как шутиха китайского производства. Но она виляла все сильнее и потом вовсе ушла с экрана. Мелькнула в верхнем углу и снова скрылась. Томилин толкнул тяжелую дверь и взлетел по лестнице. Отсюда было видно все.

Ракета летела, горизонтально удаляясь. Но в тот же момент клюнула вниз. Томилин сжался — сейчас врежется. И тут же подумал, что это самый лучший вариант — она падает тут же, на полигоне. Но она совершила странную эволюцию, повернув вниз и влево. И закончив разворот, направлялась теперь прямо назад. Томилин смотрел заворожено, а она летела прямо на него, заметно увеличиваясь в размере.

«Вот оно! Вот он... Витька!» — пронеслось в томилинском мозгу. Геройская гибель на испытаниях и похороны того, что от него останется, на правительственном кладбище.

«Не хочу! — яростно подумал он. А потом сказал, сжав кулаки, тем же тоном, что Витьке в ресторане. — Я не хочу! Не согласен!»

Ракета, как лошадь, вздернутая за узду, задрала голову. Сначала он увиЖдел ее бок, потом его ослепило солнечное сияние сопел. Томилин ощутил дрожь во всем теле, особенно в животе. Организм его вибрировал. Он закрыл глаза рукой, и тут на него пахнуло явственно теплом и донесся запах гари. Ракета шла хвостом вперед прямо на Томилина. Он на секунду отоЖрвал взгляд от нее и взглянул на дверь внизу. Нога дрогнула. Прыжок по лестнице вниз, и он в безопасности. Но он не прыгнул, вновь посмотрел на ракету. Сопла уже не сияли. Ракета медленно разворачивалась хвостовой частью к земле. Вот она стоит вертикально, медленно опускаясь на столбах пламени. С земли поднялась туча пыли, и светящееся облако закрыло половину неба. Все так же медленно оседая, она встала на попа. Теперь ее было смутно видно размытым силуэтом сквозь серую тучу. Силуэт этот медЖленно, как во сне заваливался. «Вот, сейчас рванет», — подумал Томилин, закрыл глаза и стал считать про себя. Взрыва не было. Он открыл глаза. Теперь там была огромная туча. От нее катились клубы огненной пыли влево, закрывая горизонт. Сопла теперь мели огнем степь. И вдруг рев стал быстро стихать и смолк. Слышался только треск пламени горящей травы.

Томилин медленно спустился по лестнице и раскрыл дверь. Многие лица повернулись к нему. Теперь ему было не важно, как на него смотрят. Он прислонился к притолоке и закрыл глаза.

Вскоре он стал замом Генерального. Говорили, что благодаря ему полеЖтел с должности начальник отдела кадров и некто в синих очках по кличке «упырь», кто фактически вершил кадровую политику на фирме.

Стала потихоньку «вырубаться» «дубовая аллея». Так в ОКБ назывался длинный коридор, облицованный деревянными панелями, с множеством дверей по обеим сторонам. За дверями помещались кабинеты бесчисленЖных замов, завов, начальников секторов и КБ, ведущих по темам, по пускам, по изделиям, по эксплуатации, по надежности и т.д. До того влаЖдельцы кабинетов время от времени тасовались друг с другом, переходя из одного кабинета в другой, но десятилетиями не покидая «дубовую аллею».

Пошли в рост «молодые» инженеры томилинского возраста и помоложе. Причем Томилина, неожиданно для него самого, покорило, что они вовсе не показывают никаким образом, что ему должны быть благодарны за свое возвышение.

В целом, жизнь инженера Томилина покатила, как по рельсам.

И с семьей все наладилось, и с Верочкой. Не мог забыть Томилин ее

страха за него на овощной базе. Семья его переехала в новую огромную квартиру. На работу его отвозил персональный черноЖаковый лимузин, хотя ходьбы до работы было двадцать минут через парк.

Никаких «эксцессов» с ним больше не происходило.

Витьку он не вспоминал, но старался не попадать в район правительЖственного кладбища. В шикарные рестораны тоже не ходил и совершенно не переносил некрологов.

Об авторе

После окончания авиационного техникума работал на летноАиспытательной базе в Жуковском, а потом в КБ В. М. Мясищева. После окончания ракетноАкосмического факультета МАИ попал в ракетное КБ, а потом перевелся в Студенческое конструкторское бюро МАИ. Позднее создал свое СКБ «Венера», где вместе со студентами занимался разработкой космической и глубоководной техники.

Работал во многих учреждениях довузовского образования. Разработал методику обучения школьников проектированию. Один из проектов, которые разрабатывал со школьниками — Проект преобразования планеты Венера для жизни людей. Его суть изложена в книге «Запасная планета», вышедшей в 2008 году.

Валерий Цуркан

Дачная панама

Я стал самым счастливым человеком на свете. Мы открыли фирму, о которой всегда мечтали. Мы — это я и Герасим. Фирма — это информационное бюро «Уфолог». Я — это я, обо мне и говорить не стоит. Гера же весьЖма придиричивый, хотя и не злобный тип. Он придирается всегда и везде, по поводу и без повода ко всем подряд. Если не придирается, то просто чтоЖто отстраненно ворчит себе под нос. Такой вот у него характер.

Обо мне говорят, что я зануда, о нем, что он невыносимый пасынок природы. Нас обоих называют кислой парочкой «твикс» — зануда и приЖдирала.

Я с детства любил фантастику и газетные вырезки о разных аномальЖных явлениях. Со временем страсть трансформировалась в интерес к неопознанным летающим объектам, и вот я здесь — за столом своей конЖторы. Бюро «Уфолог» занимается накоплением информации об НЛО. Само собой, работа интересная. Но доходов нам тут никаких не светит. По этой причине нам приходится подрабатывать на железнодорожной станции. Там мы с Герой снимаем костюмы, прячем галстуки и разгружаЖем вагоны. Работа тяжелая, но она дает нам возможность заниматься своим любимым делом.

Информацию мы добываем различными путями. Гера закупает кипу газет, и мы выискиваем редкие крохи необычных происшествий. Потом пишем письма, звоним и выезжаем на место, если это недалеко. Еще один способ — мы размещаем объявление в местной газете, где просим граждан сообщать о случаях появления НЛО.

Бывают и проколы. Вернее будет сказано, что проколы нас преследуют. Над нами часто шутят. Подкидывают много ложной информации. Дезинформируют нас. Попробуй тут разберись, если один очевидец был вдребезги пьян («я часто выпиваю, но чтоб такое увидеть!»), а другой проЖписан по пятому трамваю («я хоть и состою на учете в психдиспансере, но галлюцинациями не страдаю!»).

Денег наша фирма не приносит никаких, зато головной боли хватит на эскадрилью летающих тарелок. Налоговые инспектора почемуЖтоне верят, что наше бюро не заработало ни гроша, и страшат наказанием. Были стычки и с милицией. Приходил участковый и объяснял, что уфология есть лженаука, и мы с Герой как раз попадаем под статью с какимЖтомудренным дробным номером. Когда Гера спросил, чем в этой стране вообще можно заниматься, участковый пообещал найти нам несложное занятие на блиЖжайшие пять лет. Больше мы его не видели, может быть, он еще не придуЖмал, чем нас занять — клеить коробки или валить лес.

...Так вот, сидим мы с Герой за столом, перед нами — полная окурков пепельница и грудa перчитанных газет. Тщательно изучив их содержимое, мы сделали вывод, что все пришельцы взяли отпуска и разбрелись по домам. Телефон молчит, вот уже несколько дней наша фирма никого не интересуеТ. Гера, мерно посапывая, перебирает газеты. Набывчившись, он в десятый раз с выражением, как на детском утреннике, декламирует наше объявление.

— Может, мы неправильно написали? — спрашивает он. — Может, поЖдругому надо?

— Раньше ведь звонили, — говорю я. — Просто тарелки кончились.

Тут звонит телефон. Гера хватается за трубку, как утопающий за солоЖминку, но сразу же с отвращением передает мне. Налоговая. «Налоги плаЖтить будете? Сами заплатите или помочь?» Я в тысячный раз объясняю, что предприятие некоммерческое и денег у нас нет.

Снова звонок. Гера поднимает трубку, как ядовитую змею, осторожно прислушивается и радостно кивает мне головой. Я иду к параллельному телефону и подслушиваю.

— Чем занимается ваше бюро? — голос с мягким восточным акцентом.

— Собираем информацию об инопланетных пришельцах.

— Я хотел бы с вами встретиться.

Гера назвал адрес, и мы стали ждать посетителя. Мы гадали — какой он из себя и пришли к выводу, что полный, с большим животом и невысокого роста. Таким он нам представлялся по голосу.

Но оказывается, голос обманчив. Хоть его тембры и говорили о полноте и малом росте, посетитель был на удивление тощим и довольно высоким.

— «Уфолог»? — спросил он.

— «Уфолог», — лаконично ответили мы, с интересом разглядывая нашеЖго гостя.

Мало того, что он худой, как велосипед, и длинный, как пожарный шланг, он был какЖтстранно одет. Представьте себе — стильные лакироЖванные туфли, спортивные брюки «Адидас», строгий черный пиджак, галстукЖбабочкаи дачная панама, разрисованная ромашками. У меня возЖникло подозрение, что он из тех, что прописаны по пятому трамваю, котоЖрые «хоть и состоят на учете, но галлюцинациями не страдают».

Я забыл добавить, что его маскарад дополняла блестящая коробочка, висевшая на цепочке поверх наглухо застегнутого пиджака. Что это за талисман такой, что за религия, я не знал.

— Вы хотели поделиться с нами информацией? — Вежливо спросил Гера. — Имейте в виду, что мы коммерцией не занимаемся, а, следовательЖно, заплатить не в состоянии.

— Я хотел бы, наоборот, коеЖчтокупить, — сказал гость.

— Все, что имеем — к вашим услугам. — Гера, наконецЖтодогадался предложить ему стул. — И тоже бесплатно. Что вас интересует?

— Я так же, как и вы, имею отношение к исследованиям НЛО. Но с противоположной стороны, — странный гость посмотрел на нас долгим и внимательным взглядом, как бы проверяя на прочность. Тон его был серьеЖзен, но эта панама с ромашками! (Я не могу!) — На этой планете меня зовут

Иванов Иван Иванович. На деле я эмиссар Лом. Я расследую дело о проЖ павшем звездолете.

Мы с Герой переглянулись. Не знаю, как ему, а мне стоило поднапрячьЖ ся, чтобы не захохотать.

— Вы с другой планеты? — Гера или не понял юмора, или поверил, а может, решил поразвлечься. — Откуда, если не секрет?

— Созвездие Старой Клячи. Гончих Псов, поЖашему.

— Далековато, — Гера хмыкнул.

— Да, — согласился Иван Иванович, или как там его, эмиссар Лом. — Целый месяц шпиллил.

— На фотонных?

— Старье! На супергипернадфотонных.

— Ого! А у нас пока шлепают на жидком топливе.

— Лет через сто будете гонять на атомных.

— А подпространство?

— Чушь! Подпространства нет. Есть другие измерения, но они для переЖ летов не годятся, они связаны с нашей Вселенной лишь на ментальном уровне.

— А вы давно у нас? — не унимался Гера.

— Утром прилетел.

— И уже так хорошо говорите поЖусски?

— Это не я. — Иван Иванович похлопал по блестящей коробочке на груди. — Переводчик. Удобная вещь. Я думаю то, что хочу сказать, он мгноЖ венно переводит и посылает сигналы на мышцы гортани. Честно говоря, я сам не понимаю, что говорю. Как бы это объяснить? Произношу непонятЖ ные для меня слова. Надеюсь, он правильно переводит.

— А как же вы нас понимаете?

— Таким же макаром. Он переводит, и в голове рождаются мысли. Как будто я думаю это сам.

— Все ясно. — Гера посмотрел на меня и улыбнулся уголками губ. — И что же вы хотите узнать?

— По вашему летоисчислению это был 1947 год. В районе вашей звездЖ ной системы пропал звездолет. Я думаю, вы должны знать о его судьбе.

— Слышали, слышали, — сказал Гера. — Он был сбит американскими ВВС. Экипаж звездолета, кажется, погиб.

— Очень жаль. Остатки звездолета сохранились?

— Сохранились, но неизвестно, где именно они находятся.

И тут Гера переходит на другой уровень игры.

— Сейчас, — говорит он, — мы свяжемся с нашими коллегами. Они должны знать подробности этого инцидента, — он поворачивается в мою сторону, — Саша, ты не помнишь их телефона?

Я начинаю копаться в телефонном справочнике, нахожу номер психушЖ ки, той самой, до которой можно добраться на пятом трамвае.

Гера дозванивается до директора и заводит тактичный разговор.

— Но нам очень нужна ваша помощь! — наседает он на директора. — Нет, ноль три нас не устраивает! Пока они приедут, тут такое начнется! Да, это по вашему профилю. Инопланетянин, родом с созвездия Гончих Псов.

Я назову адрес, пришлите, пожалуйста, ваших... — Гера мельком взглянул на Ивана Ивановича — ...ваших экспертов. Да не разыгрывай это! Вот он сидит передо мной, эмиссар Лом собственной персоной! Очень нуждается в помощи профессионалов.

Гера бросил трубку.

— Скоро будут, — сказал он мне и, обратившись к эмиссару Ивану Ивановичу, спросил.

— А где ваш звездолет?

Иван Иванович улынулся и извлек из кармана маленький брелок.

— Вот он, родимый!

Гера всмотрелся в макет летающей тарелки.

— И как же вы в него вмещаетесь?

Казалось, одним этим вопросом Иван Иванович, товарищ Иванов, был загнан в угол и пойман на вранье. Но не тут же было!

— Уменьшаюсь в размерах. — Не моргнув глазом, выкрутился он, — удобно для парковки. — Он показал на карман. — А так же экономия материала и топлива.

— Ювелирная работа, — заметил я.

— Какие там ювелиры! Для ее создания были уменьшены полторы тысячи человек с их инструментом!

Пока мы ждали бригаду санитаров, Гера, используя свой природный дар придиралы, занимал Ивана Ивановича расспросами о его инопланетном прошлом. «Пришелец» обстоятельно отвечал и в свою очередь спрашивал о подбитом звездолете.

— Плохо дело! — Заключил Иван Иванович — В то время наша техника была примитивной. Пилоты не имели при себе таких вот переводчиков и летали на громоздких кораблях.

— Можно мне лучше рассмотреть? — Спросил я и потянулся к тарелке.

— Поломаете! — Иван Иванович отстранил мою руку и бережно положил тарелку в карман. — Мне потом домой пешком, что ли, топать? Или на этих ваших ракетах?

Герасим не унимался.

— А какова там у вас природа?

— Откуда природа? Загубили. Подождите, у вас будет то же самое. Одно из двух — или чистая природа, или чистый прогресс. Станете летать к другим звездам и нюхать машинное масло вместо цветов. — Он показал на крошечное масляное пятно на кармане. — Видали? Все салники текут. Домой пора, на капремонт.

Он оказался еще большим занудой, чем я, и придиралой — чем Гера. И еще он оказался психом, но подкованным психом. Мало кто из сумасшедших умеет так обставлять свои заскоки. Видимо, парень изрядно покорпел над научно-фантастической литературой прежде, чем на ней чокнуться. Только вчера он был рядовым землянином, а сегодня — бац! — и он уже эмиссар Лом с Гончих Псов, расследующий тайну гибели звездолета. Тоже мне, сыщик в дачной панама! Ох, эта панама! Я сейчас от смеха лопну!

В тот момент, когда Герасим и Иван Иванович обсуждали проблему кос

мических мусорных свалок, приехали санитары. Ребята были как с конЖвейера, высокие, широкие, и, видимо, любили свою работу.

— Кто клиент? — спросил один из них, и, оглядев Ивана Ивановича от туфель до панамы, указал на него пальцем — Этот?

Мы с Герасимом кивнули, и в руках санитара появилась смирительная рубашка. Иван Иванович в замешательстве завертел панамой в поисках путей отступления. На него набросились трое санитаров и стали натягивать рубашку. Цепь на его шее оборвалась, и блестящая коробочка упала на пол.

Бедняга чтоЖтөверещал, но слов было не разобрать.

— Рубашечку примерь! — Успокаивающе говорил санитар, державший его за плечи — Примерь рубашечку!

Иван Иванович вырвался и отбежал к окну. Рубашка осталась в руках санитара.

— ГлюкаЖякаЖякаЖгю! — возмущаясь, орал эмиссар, забыв, что мы его языка не понимаем.

Ребята обложили его со всех сторон, медленно приближаясь. Центральный нападающий держал рубашку на вытянутых руках.

— ЛюкаЖлякаЖлякЖю! — кричал Иван Иванович — ГлюкаЖлюкаЖякаЖля!

Он прижался спиной к подоконнику и затравленно озибался.

— ЛякаЖлю! — орал он — ЛякаЖгю!

— ГлюкаЖля! — передразнил его санитар с рубашкой.

Уж и не знаю, что означали эти звуки на его языке, но в ответ Иван Иванович вдруг согласно кивнул головой и дал себя повязать. Его вывели на улицу и увезли.

Тут мы с Герой вволю повеселились. Хохотали до изнеможения. Потом просто хрюкали, не в силах выжать из себя иных звуков. Когда мы пришли в себя, Гера нашел эту блестящую коробочку, и веселье продолжилось. Он починил цепь, повесил ее на шею и стал пародировать Ивана Ивановича.

— ГлюкаЖлю? ГлюкаЖгя?

Я думал, что отсмеялся на год вперед. Но нет, смеха во мне хватило еще на двух инопланетян. Я корчился на полу, хрюкал, кричал, икал и пускал пузыри. А Герасим все дурачился.

— ГлюкаЖлюкаЖгякаЖгю! ГлякаЖгякаЖглюкаЖгя!

Он снял цепь и бросил ее на пол. Она упала рядом со мной, хрюкаяЖщим и кричающим.

— А ведь он говорил правду! — Заявил вдруг Гера.

Я перестал хрюкать и осторожно спросил:

— Мне что, еще одну бригаду санитаров вызывать?

— Не веришь? — сказал Гера — А ты испытай эту штуку!

Я пожал плечами, поднялся с пола, небрежным движением взял цепь и надел ее на шею.

— Как ты мог поверить в эту чушь? — спросил я.

Нет, я это только подумал. А сказал я вот что:

— ГлюкаЖлякаЖгякаЖгю?

— Вот видишь? — воскликнул Герасим.

Его слова в моей голове трансформировались в «глюки» и «гляки». Я снял коробочку и положил ее на стол.

— Что же нам делать? — спросил Гера.

— Поедем за ним и заберем. — Решительно ответил я.

— Заберешь, как же! Они его транквилизаторами накачают, и из эмиссара Лома он превратится в ИванушкуЖурачка. Будет в своем колпаке народ потешать.

Я подавил неуместный смешок, вспомнив его панаму.

На улице мы поймали такси и поехали в клинику. Нас там не ждали и добрых два часа не желали впускать. Мы были настойчивы. Я занудным голоЖсом объяснял, что нам необходимо попасть к директору, а Гера артистично придирался к персоналу. Когда мы вывели из себя всех, включая уборщиц, нас направили к директору.

Огромный дядька, ему бы кувалдой на стройке махать, сидел за необъяЖтым дубовым столом. Он курил трубку, в которую вмещается небольшое ведерко табака и пил кофе. На столе лежала знакомая нам цветастая панама.

— Присаживайтесь. — Сказал он неожиданно писклявым голосом — Ваш был пришелец?

— Наш. — В один голос ответили мы — Решили забрать назад.

— Товар возврату не подлежит. Опоздали. Улетел ваш сокол.

— Улетел? Как улетел?

— А вот так! — Директор пыхнул табачным дымом — Привезли его, завеЖли в кабинет, рукава развязали, рубаху сняли. Он чтоЖо лопочет, глю да гля, не разберешь. Достает из кармана какуюЖо штучку, ставит ее на пол. А потом вдруг — трах! — сделался маленьким как муравей. Мы рты пооткрывали, стоим, смотрим, как он залезает в свою тарелку. А он еще рукой мне помахал на трапе и улетел. В форточку. Одна панама и осталась. — Директор тяжелым взглядом посмотрел на нас — Кого вы мне подсунули? Он что, в самом деле, инопланетянин? Или нам всем уже пора на покой?

— Домой улетел, — медленно произнес Герасим. — А мы ему не повеЖрили. Проворонили мы свое счастье.

— Улетел, — сказал директор. — И вы катитесь отсюда. Иначе я за два дня вас самих в пришельцев превращу. И заберите эту чертову панаму!

Я нахлобучил панаму на голову, и мы покинули сумасшедший дом. Пятый трамвай как раз громыхал железом у остановки.

...С тех пор панама висит в нашем кабинете рядом с той блестящей короЖбочкой. Я и сейчас не могу смотреть на нее без улыбки. Она уже вся в пыли, а эмиссар Лом за ней так и не вернулся.

Об авторе

Родился в Казахстане в 1971 году, долгое время жил в Узбекистане. Сейчас живет в Сызрани. Писать начал давно, но после развала СССР негде было публиковаться, и писал в основном в стол. После переезда в Россию начал рассылать рассказы по журнаАлам. Есть несколько публикаций в журнале «Магия ПК», один рассказ напечатан в сборнике «Звезды Внеземелья».

Альберт Шатров

Путешествуйте по созвездиям

Опыт в жанре фантастической рекламы

Сбылось, казалось бы, несбыточное. То, что считалось бредом, всплыЖвая даже на страницах фантастических книжек, — вдруг стало реальностью. Теперь каждый желающий может совершить невероятное космическое путешествие. Куда бы Вы думали? — ДаЖд, в созвездия, зодиакальные и не только, тысячелетиями лишь наблюдаемые с Земли и в силу своей абстрактЖности считавшиеся недостижимыми!

Разве это не лучший подарок человечеству, так далеко ушедшему в освоении просторов Галактики, в канун нового, 22Жгстолетия по земному летосчислению!

И все это — благодаря новейшим гиперпространственным разработкам корпорации «Галактические путешествия»!

Как Вы, наверно, помните из «Учебника по астрономии» для 1ЖгкласЖса: «Созвездия — это группы ярких звезд, специально выделенные для удобства ориентировки на небесной сфере. Названия созвездий, как пражвило, заимствованы из мифологии (Дракон, Змееносец) или из быта (Циркуль, Треугольник), а их наиболее яркие звезды обозначаются букваЖми греческого алфавита от α до ω с добавлением имени самого созвездия (напр., Альфа Центавра)».

Вы правильно усвоили урок: Созвездия не являются объектами Космоса, а существуют исключительно в нашем воображении. А потому, имея пракЖтическое значение для навигации на Земле, они всегда оставались пустым звуком для звездоплавателей.

Но вот пробил час — и идея созвездий претерпевает возрождение во всем своем космическом масштабе и мифологическом величии!

И все это — благодаря новейшим гиперпространственным разработкам корпорации «Галактические путешествия»!

Со времени изобретения нульЖтнспортировки и начала эпохи галакЖтического туризма космические путешествия носили исключительно линейный характер. Раньше Вы бы совершили вояж к звезде Тау Кита, так похожей на Солнце, что именно с ней связывали первые надежды по обнаЖружению внеземных цивилизаций. Лично удостоверившись, что жизнь на одной из тамошних планет действительно существует, — правда, в крайне примитивном, планктонном, состоянии, — Вы бы продолжили путь, например, к Эпсилону Эридана — другой ближайшей к нам звезде, не менее популярной среди искателей иного разума. И так любое количество раз.

Но отныне подобные турне — более не актуальны!

Во время путешествий по созвездиям все обстоит совершенно иначе!

И все это — благодаря новейшим гиперпространственным разработкам корпорации «Галактические путешествия»!

Итак. Переместившись в созвездие, Вы оказываетесь в космическом отеле, расположенном в подпространстве. И имеете возможность моментально оказаться вблизи любого объекта созвездия с обозначением от Альфы до Омеги. А еще каждый из них Вы можете наблюдать в желаемом ракурсе из иллюминаторов отеля.

Так, отправившись на каникулы в Созвездие Большого Пса, Вы среди прочего сможете всесторонне обозреть ярчайшую из звезд земного неба, «собаку Солнца», Сириус — тройную звезду, одна из компонент которой — артефакт исчезнувшей цивилизации, что оставила свой след и на Земле, о чем мы знаем из мифологии африканского племени догонов.

В Созвездии Близнецов Вашему взору предстанет уникальная звезда Кастор, что неустанно состязается за звание Альфы с братом Полидевком. Что удивительно, Кастор — кратная система из шести звезд, точнее: визуально тройная система, два ярких объекта которой — это спектрально двойные звезды, а блеклый — двойная затменная.

И много других космических чудес Вы сможете увидеть благодаря новейшим гиперпространственным разработкам корпорации «Галактические путешествия»!

Во время путешествия по созвездиям Вы окажетесь в центре самых невероятных событий. Вам окажут услуги, которые Вы не встретите больше нигде. Вы станете обладателями даров, о которых и не мечтали.

В Созвездии Арго, известном еще и как Ноев Ковчег, Вы сможете посетить звездный биопарк и познакомиться с представителями флоры и фауны со всех уголков Млечного Пути. Биосферные зоны парка раскиданы по множеству планетных систем Ковчега и собраны воедино благодаря самым новым гиперпространственным технологиям. Здесь же Вы познакомитесь с процессом возникновения жизни в самых разных космических условиях и в самых разных фазах.

В Созвездии Змееносца, тринадцатом знаке Зодиака, связанном с богом врачевания Асклепием, Вы сможете пройти оздоровительные процедуры, вобравшие в себя методики со всех концов Ойкумены. А релаксация под музыку «суперструн» наполнит Ваш организм вселенской гармонией и космической энергией.

Если Вы пожелаете вернуться из круиза с сувенирами, то Вам обязательно следует заскочить в Созвездие Козерога — вот он истинный рог изобилия. Посетив здешний гипермаркет, Вы не пройдете мимо украшений из золота и алмазов, добытых в недрах звезд благодаря последним гиперпространственным технологиям. Здесь же Вам предложат отведать кушанья, приготовленные из белков, углеводов и прочих органических веществ, собранных в межзвездных облаках. Вас интересуют древние артефакты? Тогда Вы вряд ли откажетесь порыться в космическом мусоре, оставленном прошлыми цивилизациями и собранном нами на свалке на самом дне подпространства.

Но и это не все.

Вы любите острые ощущения? Тогда Вам — в Созвездие Водолея, назваЖнием связанное со Всемирым потопом. Здесь специально для Вас — аттракцион неслыханной апокалипсичности. Вы окунетесь в ужас затоЖпляемой богами планеты, своими глазами узрев низвержение с неба целого океана вод, по мельчайшим капелькам собранного в космосе благодаря самым свежим гиперпространственным технологиям.

Что, после такого космического душа разочаровались в богах и хотите продать душу дьяволу? Тогда купите билет в Созвездие Персея, где зловеЖще подмигивает звезда дьявола Алголь. Отдав ей частичку своей души, в обмен — пожелайте космического процветания человечеству.

И Ваше желание обязательно исполнится — и не в последнюю очередь благодаря новейшим гиперпространственным разработкам корпорации «Галактические путешествия»!

Путешествуя в созвездия, посетить пока можно только звезды величины греческого алфавита. Но уже в самом недалеком будущем маршруты странЖствий пролягут и к другим объектам этих воображаемых образований. Вы сможете посетить входящие в созвездия галактики, как, например, ту, что известна под именем Туманности Андромеды. И засвидетельствуете велиЖчие квазаров, ближайший и самый яркий из которых принадлежит Созвездию Девы.

И, наконец, Ваш путь через Созвездие Стрельца проляжет к центру Галактики, где скрытая межзвездной пылью таится огромная черная дыра, через которую уже в скором будущем мы предложим Вам совершить невоЖобразимое ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ВРЕМЕНИ!

И все это — благодаря самым последним гиперпространственным разработкам корпорации «Галактические путешествия»!!!

И вот еще что: Корпорация «Галактические путешествия» продает готоЖвый бизнес, ориентированный на планеты, годные, чтобы на них ступила нога человека, и где благодаря самому факту наличия неба над головой имеется возможность, проявив воображение, разукрасить небесную сферу созвездиями с получением на то авторских прав.

И еще много всего интересного в скором времени мы сможем предложить Вам благодаря новейшим гиперпространственным технологиям корпорации «Галактические путешествия»!!!

***

Из сопроводительной записки литагента — редактору: Совершенно непонятно, откуда взялся вышеприведенный текст, пришедший на наш ЕЖmail без какогоЖибо намека на обратный адрес. Можно было бы предпоЖложить, что обрисованная в нем система, — вполне возможная даже в столь недалеком будущем, — во время экспериментов с черной дырой сбойнула. И информационный блок, случайно оказавшийся «под рукой», просочился через пространственную червоточину в наше время. Но сработала «защита хронологии», и он вынужден был адаптироваться в сети под видом ни к чему не обязывающей фантастической миниатюры.

Резюме: Несмотря на то, что текст содержит явную рекламу, питаем надежду, что он все-таки найдет приют на страницах вашего издания.

Заметка редактора на полях: Двадцать второй век не за горами. Многие из живущих ныне, вполне возможно, дотянут до этого рубежа. Лично я вижу большую перспективу в том, чтобы уже сегодня закреплять в сознании людей потребительские предпочтения на товары и услуги, которым только суждено появиться в будущем. А что если и в правду рекламные технологии будущего, переступая все границы допустимого, перешагнули и временной барьер? Но являемся ли мы монополистами своего времени? Остается либо гадать, либо принимать решение...

И росчерк в шапке текста: Публикацию разрешить. Корпорации «Галактические путешествия», как только она появится на коммерческом горизонте, выставить счет за рекламу с набегавшими к тому времени процентами.

Пометка на платежном поручении, поступившем в редакцию к моменту публикации данного текста: Во избежание уплаты начисленных процентов платеж произвести «своевременно».

Приписка ниже: Платеж проведен благодаря новейшим гиперпространственным технологиям корпорации «Галактические путешествия».

Об авторе

Родился в Москве в 1972 году. По образованию политолог. Занимался политическими технологиями, журналистикой. Публиковался в общероссийских и региональных СМИ. Работал редактором различных изданий и интернет-проектов. Член Союза журналистов РФ. В настоящее время — директор полиграфической компании. Увлечения: чтение научной литературы, книги, написание научно-популярных статей. В последнее время увлечен литературным творчеством. Первые «бумажные» публикации были в № 1 за 2008 г. «Знание-Сила: Фантастика» — рассказ «Компьютерра» и № 4 за 2008 г. — рассказ «Колодец».

Александр Абалихин

Экспедиция

С утра шел дождь. Ступеньки стали скользкими. Контактер второго (мужского) рода Бруль, вздыхая и держась за перила, спустился на почву. Он задыхался от терпкой смеси запахов хвои и едкого дыма. Бруль никак не мог привыкнуть к атмосфере этой планеты.

Экспедиция, направленная объединенным правительством союзнических цивилизаций Дапаза, должна была определить основные физические параметры третьей планеты звездной системы, удаленной от основных звездных трасс, а также описать устройство общества разумных существ, ее населяющих. Планету на едином языке Дапаза называли коротко и красиво: «Хрю».

Было прохладно. Контактер Бруль поежился. Одежда, которую носили аборигены, не отличалась удобством. Он оглянулся на серебристый диск их звездолета, имевшего форму тарелки, который стоял на небольшой лесной полянке, еще раз вздохнул и побрел к дороге — она шла в направлении крупного мегаполиса. Задача контактеров облегчалась тем, что во всей галактике разумные существа имели почти одинаковый внешний вид. Как бы не проходила эволюция, она неизбежно заканчивалась созданием разумных прямоходящих приматов с умеренной растительностью на их слабых телах. Однако внешним обликом их сходство зачастую и ограничивалось. Различные цивилизации были непохожи своим социальным устройством и уровнем развития.

Вчера контактер первого (женского) рода госпожа Мурль начала составлять отчет. Сама она почти ничего не смогла понять в довольно странном устройстве общества аборигенов, а первыми разделами своего отчета совсем запутала инспектора Звурля. По всем показателям мегаполис процветал, хотя, по сути, должен был уже давно исчезнуть с лица планеты. Теперь Брулю в свою очередь предстояло делать отчет...

Кашляя от дыма, Бруль выбрался на обочину асфальтированной дороги.

Несмотря на то, что солнце давно взошло, автомобили шли с горящими фарами: горели леса. Бруль стал голосовать. Вскоре один автомобиль остановился. Бруль подошел к водителю и четко спросил на языке местных жителей:

— Подбросите до города?

— Садись. Полсотни зеленых, и поедem, — постановил водитель.

— У меня только ваши, то есть наши деньги есть, — поправился Бруль.

— Значит, давай наши деньги, но по курсу. Бензин почему-то снова подорожал! — сердито буркнул водитель.

Всю дорогу Бруль расспрашивал шофера о его жизни. Тот отвечал

невыпадет и непонятно. Скоро мгла от дыма стала непроглядной. Машины, дергаясь, медленно подползали к мегаполису.

— А что пожарыЖо не тушат? — спросил Бруль. — Ведь леса могут выгореть.

— Все не выгорят, — отвечал водитель. — ЧтоЖибудь останется. Да и какой прок тушить? Опять ведь подожгут.

— Зачем? — удивился Бруль.

— Я не знаю «зачем», а вот то, что просто так подожгут — это обязательЖно! — махнул рукой водитель.

Бруль молчал. Он чтоЖтѡзаписывал в свой блокнот.

Неожиданно их автомобиль остановил страж порядка, взмахнув своей палочкой. После недолгого выяснения отношений, водитель передал страЖу деньги.

— Вы чтоЖтѡнарушили? — удивился Бруль.

— Нет. Ему надо кормить семью, — объяснил автовладелец.

Контактер второго рода вскоре заметил, что водитель с любопытством посматривает на то, как Бруль чтоЖѡ строчит в своем блокноте.

— Ух, ты! Светящаяся паста! — воскликнул землянин. — Сколько стоит такая авторучка?

Бруль отлично помнил инструкцию, которая обязывала контактеров не вступать в споры с аборигенами и, по возможности, выполнять все их желаЖния и требования. Через минуту водитель стал обладателем чудаЖаворучки, а Бруль — сотенной бумажки.

Наконец, они прибыли в мегаполис. Здесь кипела жизнь. Улицы были забиты автомобилями и праздношатающимися людьми. Бруль удивился: судя по календарю аборигенов, сегодня был будничный день. Бруль посеЖтил несколько точек реализации товаров. Повсюду полки с трудом вмещаЖли разнообразные продукты питания и промышленные изделия. За абориЖгенов можно было не беспокоиться.

Попытался он проникнуть и на территорию крупного предприятия. Судя по синей табличке над входом, это был приборостроительный завод.

Бруль остановился и стал наблюдать.

У проходной толпились люди. Время от времени, на территорию завода въезжали и выезжали огромные фургоны.

«Неужели это все приборы? — удивился Бруль. — Они ведь ими всю планету завалить могут!»

В бюро пропусков его озадачили тем, что на завод пропускают в основЖном лиц, занимающихся продажей чегоЖибо. Это были и молоденькие продавщицы косметики, и крепкие мужчины — торговцы слесарным инструментом, и даже продавцы фонариков и хозяйственных сумок.

Наклонившись к окошку, Бруль обратился к женщине, которая выпиЖсывала пропуска:

— Можно попасть на завод с целью проведения рекламной акции?

— Что у вас? — устало спросила женщина.

— Авторучки со светящейся пастой.

— Какая фирма?

— Бруль и компания, — соврал контактер.

Ему выписали пропуск, и он прошел на территорию завода. Вся территория предприятия была занята конторами, складами и торговыми лавками. Бруль обошел весь завод и ничего не понял. На заводе ничего не создавали!

Потом он долго бродил по городу. Зашел в пункт питания и съел сладкое кондитерское изделие, выпеченное из зерен местных злаков, запив горячим горьким черным напитком.

Затем Бруль прогулялся по центральной улице мегаполиса. Повсюду чем-нибудь торговали. Казалось, что торговля и праздная жизнь были смыслом существования местных жителей.

Бруль вернулся на свою «тарелку» еще засветло и засел за отчет. Вскоре на борту звездолета появился и инспектор Звурль.

— Бруль, — обратился инспектор к контактеру второго рода, — у меня сегодня был удачный день! Я попал на один интересный объект.

Бруль оторвался от отчета.

— И вы знаете, Бруль, меня просто силой затащили туда, когда услышали, что я являюсь инспектором. Я понял, что слово «инспектор» у них является ключевым. Они показали мне их космический корабль. Они переоборудовали его под заведение роскошного питания. Интересное применение для космической техники! Наелся я там по горло! Правда, меня пытались подвергнуть воздействию их алкогольных напитков, но я не поддался. Пил сок. Потом стали требовать что-то подписать... С трудом улизнул. А каковы ваши успехи, Бруль?

— Я не могу понять их жизненный уклад. Они ничего не производят, а только все перепродают друг другу. И вот что поразительно: они за счет этого живут и даже богатеют! Но где они берут все эти продукты и товары? — удивлялся Бруль.

— Бруль, вы знаете, почему вы до сих пор только контактер второго рода, а не инспектор?

— Почему же?

— Вы безынициативны, Бруль, и недогадливы. Их мегаполис является чем-то вроде большого торгового дома, а все товары, видимо, производят на периферии: в малых городах, селах и деревнях. Вдруг там кипит жизнь?! Съездите, Бруль, в какое-нибудь село или поселок, и вы все поймете. Больше думайте, Бруль! Поиграйте, наконец, с компьютером в шахматы на ночь. Говорят, шахматы развивают мыслительные способности, — с сожалением глядя на Бруля, сказал Звурль.

Бруль обиделся. Но он понимал, что инспектор прав, и завтра надо будет заглянуть в ближайший сельский населенный пункт.

Тут на борт корабля поднялась контактер первого рода госпожа Мурль. Она волокла за собой громадный тюк, набитый коробочками, флаконами и тюбиками.

— Что это? — удивился Звурль.

— Косметика, инспектор. Достала по дешевке, — ответила отливающая синевой представительница самой отдаленной расы Дапаза, населяющей правый рукав Галактики. — Вот этот отбеливающий крем просто великожлепен! Кстати, вашей жене он не нужен, господин Звурль?

— Что с вами происходит, Мурль? — удивился инспектор.

Мурль не ответила, открыла какой-то тюбик, выдавила из него белую массу и стала интенсивно втирать ее себе в кожу лица.

— А ваш отчет? — спросил инспектор.

— Отчет подождет, — нагло ответила Мурль и обратилась к Брулю. — Куда вы завтра направляетесь?

— В ближайший населенный пункт, обозначенный на местных картах как «Дальние Заначки».

— Возьмите меня с собой, Бруль. Я должна реализовать товар и завтра снова отправиться в мегаполис за новой партией.

— А вы, Мурль, зайдите на приборостроительный завод. У вас там все это с руками оторвут, — мрачно посоветовал Бруль.

— Ну, хватит! Пора отдыхать. Посмотрим местные новости и — спать, — решил инспектор.

Местный канал передавал последние известия, из которых дапазенцы ничего не поняли. Верховный законодательный орган планеты принял сегодня четыре очень важных закона, а вождь аборигенов все эти законы отклонил. При этом комментатор ехидно заметил, что на этот выборный законодательный орган уходит столько же средств, сколько и на город со стотысячным населением.

Потом выступали сатирики и юмористы. Смеялась только госпожа Мурль. Причем смеялась как-то неестественно и истерично. Звурль подо-зрительно посмотрел на нее и подумал, что когда они вернутся домой, ее надо будет направить к психологу.

Утром инспектор, увидев Мурль, вскрикнул. Ее синеватая кожа приобрела фиолетовый оттенок и покрылась мелкими пупырышками. Звурль вышвырнул тюк с косметикой через люк «тарелки» на грунт.

— Идите сегодня один, Бруль, и не задерживайтесь. Мы возвращаемся на Дапаз сегодня же, — объявил инспектор.

Целый день инспектор готовил корабль к отлету. Мурль протирала лицо лечебным раствором, привезенным с Дапаза. К вечеру, в люк «тарелки» постучали. Звурль распахнул люк и увидел контактера Бруля.

— Это вы, Бруль? Не валяйте дурака, заходите!

Снизу раздалось нечленораздельное мычание, и по лестнице, стоя на четвереньках, стал подниматься Бруль.

Когда Бруль выпрямился и дохнул в лицо инспектору, Звурль чуть не упал.

— Вы с ума сошли, Бруль!

— Я выполнял инструкцию, командир. Я не имел права отказаться. Вы не поверите, но там тоже никто не создает ничего существенного. В «Дальних Заначках» едят картошку и огурцы со своих огородов и пьют мутную белесую едкую жидкость с чудовищным содержанием алкоголя. Они называют этот напиток «самогон».

— Вы осел, Бруль! И друзей вы находите под стать себе!

— А мне здесь нравится, Звурль, — заявил Бруль и фамильярно похлопал инспектора по плечу. — Только я опять ничего не понял. Это какая-то странная планета. Они называют ее: «Земля наша — матушка». — Бруль икнул и

продолжил. — Знаете, один абориген, вернувшийся вчера из мегаполиса, рассказывал за столом, что видел в одном супермаркете авторучку со светящейся пастой. Вы представляете, утром я продал ее за сотню их дензнаков, а вечером она уже стоила тысячу! Вот это размах! Вот это бизнес! Да тут отличЖно можно устроиться, инспектор. К чертям все отчеты и полеты в космос! Надо уметь жить! Я вам сейчас скажу важную вещь, инспектор: не только я осел, но и вы тоже, Звурль, и все граждане Дапаза! Не понима—а—а—ем!

С этими словами Бруль рухнул на мягкий пол «тарелки». Звурль посмоЖтрел на развалившегося и причмокивающего Бруля, на нервно трущую свое воспаленное лицо госпожу Мурль, и подошел к пульту управления. Отчеты они напишут потом, а сейчас надо улетать. Пока не поздно!

Напоследок, он решил посмотреть местные новости и включил стереоЖвизор. По местному каналу руководитель субъекта аборигенской территоЖрии заклеил всех позором и заявил, что надо начинать хоть чтоЖтѳоздаЖвать. Например, развивать свиноводство.

На экране возникла картинка передовой фермы. По грязному двору бродили три чумаЗые свиньи. Одна из них подошла к видеокамере и, устаЖвившись маленькими глазками прямо в лицо инспектору Звурлю, вдруг четко сказала на чистом дапазенском наречии:

— Хрю! — и плюхнулась в лужу.

На экран брызнула черная грязь. Инспектор инстинктивно отпрянул и рванул рычаги. «Тарелка» взлетела, разбросав на примятой траве образцы земной косметики. Контактер второго рода Бруль проснулся, и, увидев расЖпухшее лицо контактера первого рода, неприлично захохотал, невежливо показывая на госпожу Мурль пальцем.

Звурль уже не обращал внимания на поведение контактеров. Он не знал, о чем писать в сводном отчете. Не о полезных же ископаемых, в изобилии присваиваемых самыми умными из аборигенов, ради получения доступа к которым в ближайшие столетия дапазенцы применили «икс»Жялучение, чтобы изменить сознание землян в соответствии с проектом «Промывание»! Об этом из всего экипажа знал только Звурль.

Однако чтоЖтѳподсказывало ему, что в будущем все пойдет не по плану Дапаза.

«Земля — матушка», понимаешь, — пробормотал Звурль и поежился.

Инспектор подошел к иллюминатору и стал задумчиво смотреть на удаЖляющуюся странную планету, которую местные жители несмотря ни на что называли так проникновенно и ласково...

Об авторе

Родился в Москве 10 ноября 1960 года, окончил Московский авиационный технологический институт им. К. Э. Циолковского. Специальность — инженерАметаллург. Работает в научноАпроизводственном объединении.

Фантастические рассказы и повести опубликованы в журналах: «Знание — Сила», «Наука и религия», «Техника — молодежи», «Природа и человек. Свет», «Юный техАник», «За семью печатями», «Приключения, фантастика», в газете «Мир зазеркалья», в альманахе «Сияние лиры» и др.